

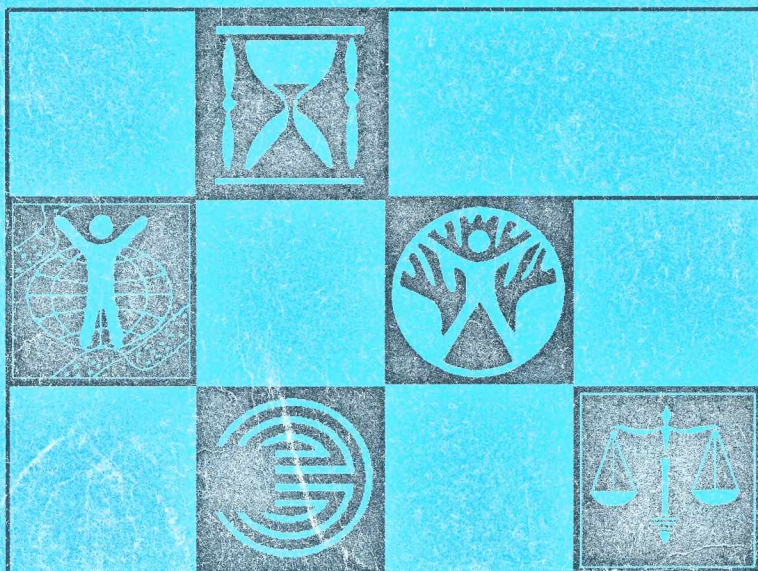
ВЕСНІК

Беларускага дзяржаўнага
універсітэта

СЕРЫЯ 3

Гісторыя
Філасофія
Псіхалогія
Паліталогія
Сацыялогія
Эканоміка
Права

3/2004

ЗМЕСТ

ГІСТОРЫЯ

Гулюк М.А. Молодечненская учительская семинария в период становления (1864–1870)	3
Мурашко А.И. Жандармская полиция на железных дорогах Беларуси	7
Казачёнок О.А. Российско-ватиканское согласование вопросов русификации дополнительного богослужения Римско-католической церкви (на примере Минской губернии)	12
Міхайлец М.А. Вывучэнне народнага адзення беларусаў польскімі этнографамі XIX – першай паловы XX ст.	16
Гребень Е.А. Перемещение немецкими оккупантами трудоспособного населения Беларуси во время отступления (1943–1944)	19
Махнач А.И. Предпосылки формирования эволюционного направления в этнологии	24
Сальков А.П. СССР и проблема Южной Добруджи в международных отношениях 30–40-х гг. XX в.	28
Боровой В.Р. Возникновение Шанхайской организации сотрудничества и стратегия КНР в Центральной Азии	35

ФІЛАСОФІЯ

Оришева О.Ф. «Классический» марксизм: догма или открытый проект?	41
Калуга Е.В. Метафизика сострадания А. Шопенгауэра	45
Жолнеркевич Н.Н. Методологические аспекты семиотики текста Ю.М. Лотмана	50

ПСІХАЛОГІЯ

Дьяков Д.Г. Модель переживания как деятельности преодоления ситуаций фрустрации	55
---	----

ПАЛІТАЛОГІЯ

Судалева И.В. Основные принципы формирования и реализации государственной региональной политики в Республике Беларусь	60
---	----

САЦЫЯЛОГІЯ

Романова С.П. Интеграция идей глобализации в социологической концепции Энтони Гидденса	66
Волнистая М.Г. Социально-экологический мониторинг в контексте концептуальных положений устойчивого развития	70

ЭКАНОМІКА

Рубель И.В. Современные модели фондовых рынков: сравнительный анализ	76
Зенькова И.В. Социально-экономические тенденции развития рынка труда в условиях трансформации экономической системы	80
Ермакова Е.В. Социально-экономические формы государственной поддержки профессиональной деятельности женщин и материнства	85
Булаево В.Г. Новые подходы к формированию системы оценки деятельности предприятий	89
Раковец А.А. Внешнеэкономическая конъюнктура: основные факторы и прогнозы на 2004 г.	94

ПРАВА

Рубис А.С. Предпосылки формирования принципов криминалистического доказывания преступлений	98
Гучок А.Е. Криминалистическая техника в системе технoзнания	105
Самарын В.І. Аб рэгламентацыі перадачы асуджаных для адбывання пакарання інае іх грамадзянства	110
Минько Е.А. Консульские представительства: от истории к современности	115
Скобелев В.П. Законная сила судебного решения в гражданском процессе Древнего мира	119

РЭЦЭНЗІІ

Коршук В.К., Романовский И.Ф. Н.Б. Щавлинский. Национальный аэропорт Минск: исторический очерк	125
--	-----

НАШЫ ЮБІЛЯРЫ

Василий Федорович Чигир	126
Валентин Наумович Рябцевич	127

М.А. ГУЛЮК

МОЛОДЕЧНЕНСКАЯ УЧИТЕЛЬСКАЯ СЕМИНАРИЯ В ПЕРИОД СТАНОВЛЕНИЯ (1864–1870)

Анализируется процесс становления Молодечненской учительской семинарии, созданной в 1864 г. по инициативе российского правительства для подготовки учителей начальных школ Виленского округа, а также для апробации модели учебно-педагогического заведения, пригодного для всей пореформенной России.

This article analyses the initial period of Molodechno teachers seminary (1864–1870). This institution was founded in 1864 by the Russian government for training primary school teachers for Vilno educational region, as well as for the approbation of the educational and pedagogical model, suitable to all post-reform Russia.

Министерство народного просвещения (МНП) до начала 60-х гг. XIX в. практически не участвовало в распространении народного, т. е. недворянского, образования в западных губерниях Российской империи. Начальными училищами занималось в основном местное духовенство. Развитие народной школы в белорусских губерниях и создание специальных заведений, готовивших для нее учительские кадры, связано с именем князя А.П. Ширинского-Шихматова, который в августе 1861 г. был назначен попечителем Виленского учебного округа. Своей главной задачей он считал создание в округе широкой сети школ для православного населения. Таким образом, по его мнению, удалось бы оттеснить от народного образования польско-католические круги и поддержать просветительную деятельность православной церкви¹.

В начале 1862 г. Виленский округ получил 10 000 р., на которые летом того же года было открыто 101 начальное училище, их общее число увеличилось до 389 (включая 67 школ, созданных ранее православным духовенством и перешедших в ведение МНП) к 1 января 1864 г. Тогда же администрация округа впервые столкнулась с проблемой подготовки учительских кадров для народных школ. В апреле 1863 г. А.П. Ширинский-Шихматов подал на имя министра народного просвещения А.В. Головнина докладную записку, где предложил открыть в Виленском округе две учительские семинарии: в местечке Молодечно Вилейского уезда Виленской губернии и в уездном городе Поневеже Ковенской губернии. Семинария в Молодечно предназначалась для белорусских губерний, а Поневежская семинария – для Литвы и Жмуди².

Восстание 1863–1864 гг. и трения с новым генерал-губернатором Виленского края М.Н. Муравьевым вынудили А.П. Ширинского-Шихматова в начале 1864 г. подать в отставку. Но его проект был поддержан Министерством народного просвещения, хотя М.Н. Муравьев на первых порах и выступал против создания в округе учительских семинарий, считая, что они могут стать рассадником антирусских настроений в крае³.

25 июня 1864 г. Государственный Совет одобрил, а император Александр II утвердил временное «Положение Молодечнянской учительской семинарии»⁴, которая стала первым подобным заведением в пореформенной России. Учительские семинарии существовали в стране и в предыдущую эпоху (Дерптская, Финляндская, Витебская)⁵, но они были слишком специфическими, приспособленными лишь к местным условиям и нуждам. Только Молодечненская семинария смогла

перешагнуть «местечковые» рамки и стать вровень с требованиями всей страны, хотя для этого потребовалось почти шесть лет. Согласно указанному «Положению», основная ее задача заключалась в подготовке педагогов начальных училищ для Виленского округа. Семинария была открытым учебным заведением, где бесплатно обучались представители всех сословий, что соответствовало либеральному духу времени. Главным условием для поступления в Молодечненскую семинарию стало вероисповедание – в нее принимали только православных юношей. Для представителей всех прочих конфессий она была закрыта. Таким образом, правительство надеялось обеспечить полное единодушие преподавателей и воспитанников семинарии и сделать ее действенным орудием борьбы с польским влиянием в крае⁶.

В Молодечненскую учительскую семинарию принимали юношей 17–22 лет, державших вступительные экзамены за курс двухлетнего народного училища МНП. Все поступавшие представляли метрику о крещении, свидетельство об успехах в учебе и поведении, а выходцы из податных сословий – дополнительно вид на жительство и увольнительную от крестьянских обществ. На время пребывания в семинарии воспитанники полностью освобождались от всех податей и повинностей, кроме рекрутской. Размер казенной стипендии, установленный МНП в 1864 г., составлял 80 р. в год (половина жалованья учителя сельской школы). По окончании семинарии казенные стипендиаты должны были отслужить учителями в округе не менее четырех лет. В случае увольнения из заведения или при нежелании выпускников служить положенное число лет они должны были возвратить всю сумму, израсходованную на их содержание⁷.

По сравнению с проектом А.П. Ширинского-Шихматова, просившего для создания Молодечненской учительской семинарии 7 512 р., ее годовой бюджет был увеличен более чем в полтора раза – до 11 280 р. Срок обучения первоначально составлял два года. В каждом классе было 30 казенных и до десяти общественных стипендиатов и «своекоштных» воспитанников, но общее число воспитанников не должно было превышать 80 человек. По «Штату Молодечненской учительской семинарии», утвержденному вместе с ее «Положением», на содержание 60 казенных воспитанников отпускалось 4 800 р. Еще 300 р. выделялось на учебники. По расчетам министерства подготовка одного учителя должна была стоить около 376 р., что вполне окупалось четырьмя годами обязательной службы. Предполагалось, что, начиная с 1866 г., Молодечненская семинария будет ежегодно выпускать до 30 начальных учителей и к концу 70-х гг. XIX в. обеспечит кадрами народную школу Виленской и частично Минской губерний.

В семинарии изучали Закон Божий, русский и старославянский языки, географию, историю, арифметику, основы геометрии, пение и чистописание, в старшем классе – методику преподавания. Управлял семинарией назначенный попечителем округа директор, чей главной обязанностью был нравственный надзор за воспитанниками. В штат заведения входили законоучитель и два наставника, которые получили классный чин и право на пенсию. Была предусмотрена, кроме того, оплата вольнонаемного учителя пения и учителя образцового начального училища, открытого при семинарии для педагогической практики воспитанников.

Все штатные преподаватели Молодечненской семинарии должны были иметь высшее образование, опыт педагогической работы и быть коренными русскими православного вероисповедания. Согласно «Штату» 1864 г., директор семинарии имел VI классный чин и ежегодное жалованье в 1 500 р. (включая столовые деньги), а законоучитель и штатные преподаватели – IX класс и 900 р. в год. Даже учителю образцового народного училища полагалось 450 р. жалованья, т. е. в три раза больше, чем учителям обычных народных школ⁸. Все штатные преподаватели семинарии бесплатно обеспечивались казенными квартирами. Императорский указ от 10 февраля 1864 г. предоставил штатным педагогам Молодечненской семинарии 50 % прибавку к жалованью (за счет контрибуции с польских помещиков) и распространил на них «Особенные преимущества службы в отдаленных губерниях»⁹. Указанные льготы заключались в выплате подъемных (половина годового оклада для семейных и треть – для холостых), прогонных денег, а также 20 % прибавки к жалованью за каждые пять лет службы. В «муравь-

евский» период они также получили право покупки секвестрованных земель по льготным ценам¹⁰.

Месторасположение нового заведения было выбрано не случайно. К середине XIX в. в Молодечно укрепился католический орден пиаров, который российские власти считали «занозой в теле края». Пиары имели свой монастырь и заведовали местной прогимназией (ее ученики в ходе событий 1863–1864 гг. примкнули к повстанцам). Вместе с тем население Молодечненской волости было в основном православным, что давало широкие возможности для выбора «учительских кандидатов». К тому же в маленьком местечке было легче уберечь воспитанников от «развращающего влияния городской жизни» и организовать всесторонний надзор за ними, а здание закрытой Молодечненской прогимназии отлично подходило для нового заведения.

Торжественное открытие Молодечненской учительской семинарии состоялось 8 ноября 1864 г. Подавляющее большинство поступивших были детьми белорусских крестьян. Первый год обучения почти целиком ушел на то, чтобы подтянуть знания воспитанников до уровня двухклассного народного училища, которому они должны были соответствовать при поступлении. Такое отставание в уровне образования происходило из-за того, что между окончанием начальной школы и поступлением в семинарию проходило три – четыре, а то и пять лет¹¹.

Для того, чтобы из вчерашних «пастушков» за два года сделать учителей, было необходимо ускорить обучение. Занятия шли с восьми до половины четвертого пополудни с часовым перерывом на обед. Наибольшую трудность представлял русский язык, нелегко давались и другие предметы (по ним приходилось назначать многочисленные дополнительные занятия). Но первый директор семинарии А.И. Забелин, бывший сослуживец и протеже М.Н. Муравьева, считал самой эффективной формой внеклассной работы физический труд. По его приказу воспитанники таскали бревна, копали дренажные канавы, резали дерн и обустроили территорию семинарии. Впоследствии эти трудовые эксперименты вызвали критику даже со стороны преподавателей семинарии и послужили одной из причин увольнения А.И. Забелина¹². И все же за первый год из Молодечненской семинарии исключили только двух человек – такой сильной оказалась тяга к знаниям и крестьянская закалка воспитанников¹³.

Несмотря на подобные перегибы, новое учебное заведение вскоре приобрело большую популярность среди местных жителей, и количество желавших учиться в нем в два-три раза превышало число вакансий. Первый выпуск Молодечненской семинарии – около 20 человек – состоялся летом 1866 г. К 1869 г. в народных школах Виленского округа работало 90 ее выпускников, что составляло 9,1 % от числа педагогов штатных народных училищ округа¹⁴. Поменялось и отношение к Молодечненской учительской семинарии генерал-губернатора Виленского края М.Н. Муравьева. Отбросив свои недавние опасения, он стал ее горячим сторонником и заявил, что модель педагогического учебного заведения, пригодного для всей России, не стоит больше искать в Европе, так как она уже действует в Виленском крае¹⁵. В подтверждение своих слов Муравьев внес в 1865 г. в стипендиальный фонд Молодечненской учительской семинарии 294 р., а его преемник на посту генерал-губернатора К.П. Кауфман предложил увеличить число казенных воспитанников в Молодечненской семинарии до 200 человек¹⁶.

На период 1865–1870 гг. приходится пик финансовой поддержки Молодечненской учительской семинарии со стороны местных властей, крестьянских обществ белорусских губерний и православной церкви. За это время в семинарии было учреждено девять общественных стипендий. Так, в апреле 1865 г. на деньги, собранные крестьянами Слуцкого и Речицкого уездов (1 166,17 и 140,26 р.), и личные пожертвования М.Н. Муравьева (293,57 р.) была открыта первая общественная стипендия в семинарии – «муравьевская»¹⁷. Ее стипендиат, выбираемый крестьянами Слуцкого уезда из местных уроженцев, ежегодно получал 80 р.; после окончания учебы он должен был работать в уезде сельским учителем либо писарем (срок обязательной службы не оговаривался).

В октябре 1868 г. чиновники Виленского округа собрали 3 300 р. на две стипендии имени бывшего генерал-губернатора края К.П. Кауфмана. «Кауфмановские»

стипендии предназначались для беднейших воспитанников из числа крестьян белорусских губерний. Они назначались губернаторами по представлению директоров народных училищ, а получавшие их воспитанники приравнивались к казенным стипендиатам. В марте 1869 г. в связи со 100-летием смерти М.В. Ломоносова служащие Виленского округа собрали по подписке 2 403,53 р. на две «ломоносовские» стипендии в Молодечненской семинарии. Они назначались дирекцией народных училищ Минской губернии. Месяцем позже были учреждены еще две стипендии для крестьянских мальчиков Ошмянского уезда Виленской губернии (сумма в 3 400 р. поступила от Управления Виленского округа, МВД и начальника Ошмянского уезда генерал-майора Колодеева); в октябре того же 1869 г. – стипендия генерал-губернатора А.Л. Потапова. Деньги на нее (1 741,77 р.) дали крестьяне Борисовского уезда Минской губернии, которые и выбирали стипендиата из местных уроженцев. Наконец, в мае 1870 г. Виленское православное Братство Св. Духа открыло в семинарии стипендию имени наследника престола – «александровскую»¹⁸.

Суммы, из которых выплачивались все перечисленные стипендии, были помещены в Государственный банк под пять процентов годовых (80–85 р. в год), а получавшие их воспитанники приравнивались к казенным стипендиатам. Их кандидатуры утверждались попечителем округа либо губернаторами, а положения об общественных стипендиях – Министерством народного просвещения. Таким образом, за период 1865–1870 гг. общественные пожертвования на семинарию составили более 14 000 р., причем взносы крестьян – лишь 3 048,2 р., т. е. немногим более четверти стипендиального фонда. Основная доля пожертвований поступила от правительственных учреждений и государственных служащих западных губерний.

К концу 60-х гг. XIX в. относится и первая попытка улучшить материальное обеспечение выпускников Молодечненской учительской семинарии. В 1867/68 учебном году Управление Виленского округа отпустило ей 390 р. на обучение столярному и переплетному делу (в том числе 220 р. на жалованье двум учителям этих дисциплин)¹⁹. В следующем году семинария получила одновременно 1 290 р. для устройства мастерской, покупки инструментов и материалов, а также для оплаты учителей ремесел и пеня. Воспитанники стали изготавливать школьную мебель из лозы, переплетать учебники, предлагалось даже обучать их иконописи, но это начинание было оставлено как слишком сложное и дорогостоящее. Таким способом администрация Виленского округа во главе с попечителем И.А. Корниловым намеревалась максимально удешевить содержание воспитанников, но самое главное – дать будущим народным учителям дополнительный источник заработка.

В то же время в процессе работы семинарии на начальном этапе проявились и многие ее слабые стороны. Прежде всего, это низкий образовательный ценз поступающих, слишком короткий срок обучения в семинарии, а также недостаточное финансирование. Большинство этих просчетов было исправлено в марте 1870 г. после принятия нового «Положения о Молодечненской учительской семинарии».

Таким образом, при создании Молодечненской учительской семинарии правительство Александра II преследовало две главные цели: во-первых, противодействовать польскому влиянию в области народного образования; во-вторых, апробировать в Виленском округе модель профессионального заведения по подготовке народных учителей, которая могла бы стать пригодной для всей пореформенной России.

Автор выражает благодарность научному руководителю кандидату исторических наук, доценту В.В. Сергеевской за помощь, оказанную при написании статьи.

¹ См.: Белецкий А.В. Сорокалетие русской начальной школы в Северо-Западном крае России. Вильна, 1904. С. 22.

² См.: Там же. С. 35, 59.

³ См.: Миловидов А. Деятельность графа М.Н. Муравьева по народному просвещению в Северо-Западном крае (1863–1865 гг.) // Журнал Министерства народного просвещения (далее – ЖМНП). 1905. № 7. С. 66.

- ⁴ См.: Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗРИ). Собр. 2. СПб., 1867. Т. 39. Отд. 1. № 41007. С. 545–549.
- ⁵ См.: Сборник постановлений по Министерству народного просвещения (далее – СП по МНП). СПб., 1876. Т. 3. С. 1302.
- ⁶ См.: Там же. С. 309.
- ⁷ См.: Там же. С. 1298.
- ⁸ См.: Там же. С. 76.
- ⁹ См.: ПСЗРИ. Собр. 2. СПб., 1867. Т. 39. Отд. 1. № 40582. С. 103.
- ¹⁰ См.: Корнилов И.П. Путевые заметки. Витебск, 1895. С. 25.
- ¹¹ См.: Циркуляр по управлению Виленским учебным округом. 1868. № 1. С. 23.
- ¹² См.: Ивановский М. По поводу статьи г. Забелина об учительских семинариях // ЖМНП. 1868. № 1. Отдел педагогики. С. 157.
- ¹³ См.: ЖМНП. 1868. № 1. С. 151–157.
- ¹⁴ См.: ЖМНП. 1869. № 12. С. 173–174; 1872. № 2. С. 206.
- ¹⁵ См.: ЖМНП. 1869. № 6. С. 129.
- ¹⁶ См.: ЖМНП. 1867. № 3. С. 432.
- ¹⁷ См.: СП по МНП. СПб., 1876. Т. 3. С. 165–166.
- ¹⁸ См.: Там же. С. 992–993, 1077, 1102–1103, 1449–1450.
- ¹⁹ См.: Циркуляр по управлению Виленским учебным округом. 1867. № 1. С. 32.

Поступила в редакцию 09.09.2003.

Михаил Арисович Гулюк – переводчик-референт ИП «Берлони».

А.И. МУРАШКО

ЖАНДАРМСКАЯ ПОЛИЦИЯ НА ЖЕЛЕЗНЫХ ДОРОГАХ БЕЛАРУСИ

Рассматривается мало изученная в отечественной историографии проблема организации и деятельности органов правопорядка на железных дорогах Беларуси во второй половине XIX – начале XX в.

The article deals with the problem which is not thoroughly investigated in a domestic historiography the problem of the organization and activity of bodies of law and order on railways of Belarus in the second half of the 19th – the beginning of the 20th centuries.

Бурное строительство, а затем и использование железных дорог в Российской империи во второй половине XIX в. привели к концентрации на ограниченном пространстве тысяч обездоленных людей, проживавших в тяжелых бытовых условиях, эксплуатировавшихся подрядчиками, вступавших в конфликты как с нанимателями, так и с окрестным населением. Вследствие этого повышалась криминальная активность рабочих, занятых на строительстве и обслуживании железных дорог. Ухудшению обстановки содействовало процветание коррупции и казнокрадства в среде чиновников и подрядчиков.

На повестке дня остро стояла проблема обеспечения общественного порядка, защиты интересов организаторов производства и рабочих, а позже и общественной безопасности на железных дорогах, которые прокладывались по территориям различных губерний и уездов. Уже на стадии строительства возникала необходимость обеспечения линейного, а не территориального принципа охраны правопорядка. В силу разной удаленности полотна дороги от населенных пунктов территориальные подразделения полиции не могли быть задействованы во время его строительства. В такой ситуации потребовалось привлечение экстерриториальных подразделений, которыми и являлись жандармские команды и эскадроны, обладавшие к тому же значительной мобильностью передвижения.

Силловые подразделения подчинялись основному заказчику и пользователю железных дорог – Министерству путей сообщения (МПС). Жандармско-полицейские команды и эскадроны, обеспечивавшие общественный порядок в районах строительства и эксплуатации железных дорог, не имели единого централизованного руководства и нормативного регулирования своей деятельности. В результате они должны были выполнять требования местной железнодорожной администрации, т. е. сливались с ней для наблюдения за порядком при производстве работ. Материальная зависимость жандармской полиции от администрации

негативно сказывалась при осуществлении контроля за соблюдением законности. По сути дела, на начальном этапе жандармская железнодорожная полиция являлась ведомственным силовым органом Министерства путей сообщения.

К началу 1860-х гг., когда в России активно эксплуатировались Николаевская, Московско-Нижегородская железные дороги, заканчивалось строительство С.-Петербургско-Варшавской и других дорог, возникла необходимость выработки нормативно-правового регулирования деятельности жандармской полиции на железных дорогах. Император Александр II 27 июля 1861 г. утвердил «Положение о полицейских управлениях С.-Петербургско-Варшавской и Московско-Нижегородской железных дорог»¹. В структуре правоохранительных органов родился новый вид самостоятельного подразделения – жандармская железнодорожная полиция. Данный нормативно-правовой акт положил начало созданию первых органов правопорядка на железных дорогах Беларуси. В соответствии с этим Положением для полицейского надзора по С.-Петербургско-Варшавской железной дороге из чинов Корпуса жандармов было создано Полицейское управление с местом пребывания в г. Вильно, в штат которого вошло 95 человек. Обер-офицеры располагались в С.-Петербурге, Пскове, Динабурге, Вильно, Гродно, Белостоке и Варшаве. Нижние чины размещались по станциям в той мере, как «окажется действительная в том надобность, они в случае нужды могут назначаться и для сопровождения поездов»². Помещения при станциях всем чинам полицейского управления выделяла железная дорога.

Утвержденное Положение не изменило статуса железнодорожной полиции, она оставалась в ведении МПС с подчинением инспектору каждой дороги. Но при этом более конкретно определялись ее обязанности по отношению к МПС, по осуществлению контроля за точным соблюдением договоров между подрядчиками и рабочими при строительстве железных дорог, а также по «...попечению о сохранении порядка на станциях и между проезжающими, служащими и проживающими на железных дорогах» и разбирательству разного рода жалоб³.

19 марта 1863 г. были приняты основные условия строительства Динабургско-Витебской железной дороги⁴. Указом от 26 декабря 1863 г. император Александр II утвердил штаты и оклады чинам полицейских управлений Рижско-Динабургской и Динабургско-Витебской железных дорог⁵. В дальнейшем в связи со строительством Витебско-Орловской и Московско-Смоленской железных дорог эти управления первоначально реорганизуются в жандармское полицейское управление Митаво-Риго-Орловской железной дороги, а позднее (15 октября 1869 г.) – в жандармское полицейское управление Митаво-Риго-Елецкой и Московско-Смоленской железных дорог⁶.

В 1870 г. было дано разрешение на строительство Смоленско-Брестской железной дороги и в этом же году создается Московско-Брестское жандармское полицейское управление. В его зону обслуживания переходит Московско-Смоленская железная дорога, а Жандармское полицейское управление Митаво-Риго-Елецкой и Московско-Смоленской железных дорог реорганизуется в Жандармское полицейское управление Риго-Царицынской и Волго-Донской железных дорог⁷.

С введением в эксплуатацию Ландворово-Роменской железной дороги связано образование в марте 1873 г. Минского жандармского полицейского управления, в зоне обслуживания которого были Московско-Брестская и Ландворово-Роменская железные дороги⁸.

С появлением новых железных дорог на территории Беларуси изменились и зоны обслуживания жандармских полицейских управлений. К 1900 г. железные дороги Беларуси находились в ведении трех жандармских полицейских управлений: С.-Петербургско-Варшавского, Смоленского и Минского⁹. Участок Гродно – Поречье С.-Петербургско-Варшавской железной дороги, проходивший по территории Беларуси, относился к ведению С.-Петербургско-Варшавского жандармского полицейского управления на железных дорогах. Белорусские участки Риго-Орловской и Московско-Брестской железных дорог находились в зоне обслуживания Смоленского жандармского полицейского управления, а участки Либаво-Роменской и

Полесских железных дорог обслуживались Минским жандармским полицейским управлением железных дорог.

С увеличением числа введенных в эксплуатацию дорог и ростом пассажиро- и грузопотоков значительно расширялись задачи жандармской железнодорожной полиции, выходявшие за установленные правовые рамки. Нахождение полиции в оперативном подчинении и финансовой зависимости от МПС, т. е. местных начальников и управляющих дорог, значительно снижало ее возможности по поддержанию правопорядка на объектах транспорта. В возникавших ситуациях, особенно во взаимоотношениях между пассажирами и сотрудниками железных дорог, полиция не столько отстаивала законные интересы граждан, сколько защищала позиции администрации. По инициативе шефа жандармов генерал-адъютанта графа П. Шувалова в январе 1867 г. император Александр II подписал Положение, в соответствии с которым все подразделения жандармской полиции, в том числе и железнодорожная, передавались в ведение Корпуса жандармов¹⁰. Другим правовым актом от 16 марта 1867 г. «Порядок учреждения жандармского надзора на вновь проводимых железных дорогах» были определены структура и штаты жандармской железнодорожной полиции¹¹. С этого времени она становится самостоятельным институтом обеспечения правопорядка на железнодорожном транспорте. В соответствии с указанным правовым актом в ведении каждого железнодорожного жандармского полицейского управления должно было находиться не более 2 тыс. верст пути. В свою очередь, это расстояние делилось на участки по 200 верст, подведомственные жандармским отделениям¹². Структура железнодорожной жандармерии строилась по линейному принципу и имела отличное от общей полиции нормативное регулирование своей деятельности.

Жандармские полицейские управления относились к Военному министерству и входили в состав Отдельного корпуса жандармов. Общее руководство, или высшее «начальствование над Отдельным корпусом жандармов», осуществлял министр внутренних дел Российской империи, являвшийся шефом жандармов. Опосредованное руководство возлагалось на товарища (заместителя министра) – командира Отдельного корпуса жандармов. Непосредственно руководил железнодорожной полицией начальник штаба Отдельного корпуса жандармов. С учетом того, что Отдельный корпус жандармов являлся войсковой структурой, то начальник штаба обладал правами командира дивизии.

Штат каждого железнодорожного жандармского управления состоял из начальника, его адъютанта, писарей, начальников отделений, а также унтер-офицеров, количество которых колебалось от 120 до 300 чел.¹³ Начальник управления приравнивался в правах к командиру полка и назначался на должность (в чине генерал-майора или полковника) приказом по Отдельному корпусу жандармов. Начальники отделений руководили ими на правах эскадронных командиров и назначались на должность (в чине подполковника или ротмистра) приказом по корпусу. В ведении адъютанта находилось делопроизводство, он назначался из обер-офицеров Отдельного корпуса жандармов. Штат унтер-офицеров комплектовался уволенными в запас фельдфебелями, унтер-офицерами и фейерверкерами исключительно строевых званий. В каждом отделении для передачи служебных приказаний один из унтер-офицеров назначался вахмистром¹⁴.

Правовое положение железнодорожной жандармерии было по-своему уникальным. С одной стороны, она, являясь частью Отдельного корпуса жандармов, была политической полицией, организованной на военный лад, и финансировалась из бюджета Военного министерства. С другой стороны, жандармы выполняли функции общей полиции по обеспечению правопорядка на железных дорогах. Особенности же службы в пределах полосы отчуждения обуславливали и ряд специальных обязанностей, заключавшихся в надзоре за соблюдением «Полицейских железнодорожных правил». Таким образом, спецификой деятельности жандармской железнодорожной полиции было то, что она, являясь воинским формированием, выполняла комплексные функции: политической полиции, территориальной полиции в пределах полосы отчуждения, а также специальные – железнодорожные.

Среди наиболее распространенных преступлений и правонарушений на железных дорогах в конце XIX в. штаб Отдельного корпуса жандармов выделял следующие: первое место занимали кражи, второе – случаи телесных повреждений (в том числе смертельные) при эксплуатации дорог, третье – невыполнение полицейских правил, четвертое – нарушения благочиния и порядка, пятое – происшествия с поездами и несоблюдение технических правил, шестое – оскорбление железнодорожных служащих и жандармской полиции¹⁵.

В 1896 г. на всех железных дорогах Российской империи было совершено 13 830 краж, из них 4 625 – железнодорожного имущества¹⁶. И это вполне объяснимо, так как оно обладало большой притягательной силой для местного населения. «Железнодорожное имущество, – говорилось в одном из указаний штаба Корпуса жандармов, – большею частью воруются... жителями ближайших селений для применения в крестьянском хозяйстве. Так, например, шпалы новые идут на оконные рамы, старые – на устройство хлевов и мелких пристроек, рельсы вмазываются в банную печь, костыли употребляются на зубья для борон, гайки – для тяжестей в рыболовные сети и невода и т. д.»¹⁷.

Еще одним наиболее распространенным видом преступлений в те годы было хищение железнодорожных грузов. В 1902 г. на ряде дорог оно стало перерастать в бедствие. Не редкостью были даже групповые разбойные нападения на поезда. В связи с этим возникла идея создания жандармской железнодорожной конно-полицейской стражи, но по финансовым соображениям от ее реализации отказались.

По признанию руководства Корпуса жандармов успехи в борьбе с хищениями на железных дорогах были весьма скромными. Действительно, в 1904 г. Минским жандармским полицейским управлением было выявлено 982 кражи, из которых раскрыто 546, или 55,6 %, а в 1905 г. – 1 183 кражи, из них раскрыто 541 (45,7 %)¹⁸.

Низкая раскрываемость таких преступлений была обусловлена самой организацией службы на железных дорогах. В составе жандармерии отсутствовал орган, занимавшийся оперативной работой, переодеваться же в гражданское платье жандармам, как и всем российским военнослужащим, категорически запрещалось. Более того, им разрешалось сопровождать только те поезда, которые перевозили ценности на сумму свыше 100 тыс. рублей¹⁹.

Отсутствие сыскных подразделений частично компенсировалось неплохо налаженной системой учета и хорошей организацией патрулирования и наблюдения. В конце XIX в. на железных дорогах империи ввели правило, согласно которому лица, поступившие на работу, обязаны были сдать свой паспорт в жандармское управление. После наведения справок о благонадежности работник ставился на учет, причем в регистрационной карточке содержались сведения о нем самом, его родственниках и близких. Позднее штаб Корпуса жандармов установил правило, по которому лица, допущенные к работе на дорожных сооружениях и телеграфных линиях, обязаны были иметь специальные удостоверения, подписанные представителем администрации дороги и начальником жандармского отделения. В штабе Корпуса жандармов велся учет служащих, совершивших либо подозревавшихся в совершении преступлений на железных дорогах²⁰.

На жандармов возлагалось патрулирование не только станций и вокзалов, но и депо, мастерских, складов, подъездных путей, а один раз в месяц жандармы должны были обойти весь участок вверенной им железной дороги. Полномочия патрульных жандармов были чрезвычайно широки: от проверки исправности запоров люков и дверей вагонов, пресечения допуска к погрузке посторонних, нахождения при установке пломб, вторичного осмотра их и замков перед отправлением поезда, проверки в присутствии понятых сохранности груза при каждом подозрительном случае, выезда на место происшествия и т. д. до оценки качества продуктов в станционных буфетах.

Жандармская железнодорожная полиция занималась не только охраной общественного порядка и борьбой с преступностью. Значительное место в структуре функциональных обязанностей сотрудников занимало обеспечение общественной безопасности на транспорте. Были детально расписаны действия унтер-офицеров в случаях повреждения железнодорожных путей при нахождении на них

посторонних предметов, крушения, схода с рельсов, столкновения и разрыва поездов, нарушения железнодорожными служащими технических или специальных правил, обеспечивающих безопасность на железных дорогах. Необходимость выполнения этих действий, в свою очередь, требовала высокого уровня профессиональной подготовки служащих, в том числе их умения разбираться в чисто технических вопросах, связанных с эксплуатацией железных дорог.

Территория, охватываемая полосой отчуждения, имела особый правовой статус, являясь, по сути дела, зоной обеспечения безопасности железных дорог. Контроль за соблюдением установленных для этой зоны правил, нарушение которых могло отразиться на целостности железных дорог и их нормальном функционировании, возлагался также на сотрудников жандармской полиции. В среднем на одного жандарма приходилось 10–15 верст пути, и он обязан был владеть обстановкой на своем участке.

Жандармам вменялись в обязанность борьба с забастовками, оказание содействия при транспортировке ценностей, помощь военному ведомству при перевозках военнослужащих, содействие «чинам таможенным и корпуса пограничной стражи, судебного ведомства, сыскных и охранных отделений, Министерства путей сообщения»²¹. Перечень различных обязанностей, возлагавшихся на унтер-офицера, предусматривал действия более чем в 500 различных ситуациях: от надзора за проститутками до наблюдения за иностранными разведчиками²².

После февральского переворота 1917 г. Временное правительство 4 марта 1917 г. приняло решение об упразднении железнодорожной полиции²³.

¹ Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собр. 2. СПб., 1861. Т. 36. Отд. 2. № 37289.

² Там же.

³ См.: Там же.

⁴ См.: Железная дорога Беларуси: История и современность / Под общ. ред. В.Г. Рахманько. Мн., 2001. С. 31.

⁵ См.: ПСЗРИ. Собр. 2. СПб., 1869. Т. 38. Отд. 2. № 40429.

⁶ См.: Национальный исторический архив Республики Беларусь (НИА РБ). Ф. 3365. Оп. 1. Д. 1. Л. 1, 46.

⁷ См.: Там же. Ф. 3365. Оп. 1. Д. 2. Л. 32.

⁸ См.: Там же. Ф. 1217. Оп. 1. Д. 1. Л. 5–6.

⁹ См.: Там же. Д. 12. Л. 15–18.

¹⁰ См.: Литвинов Н.Д., Нурадинов Ш.М. Противодействие терроризму на железных дорогах Российской империи. М., 1999. С. 5.

¹¹ См.: Булыжкин А.В. Некоторые вопросы становления органов внутренних дел на железнодорожном транспорте в России // 80 лет транспортной милиции: История и современность: Материалы науч.-практ. конф. М., 1999. С. 165.

¹² См.: Там же.

¹³ См.: Сизиков М.И., Борисов А.В., Скрипилев А.Е. История полиции России (1718–1917). М., 1992. Вып. 2. С. 33.

¹⁴ См.: Литвинов Н.Д., Нурадинов Ш.М. Указ. пр. С. 8.

¹⁵ См.: Там же. С. 46.

¹⁶ См.: Там же.

¹⁷ На страже магистралей. Очерки истории транспортной милиции России / Под общ. ред. В.В. Захаренкова. М., 2002. С. 24.

¹⁸ См.: НИА РБ. Ф. 1217. Оп. 1. Д. 14. Л. 119, 128.

¹⁹ См.: Сизиков М.И., Борисов А.В., Скрипилев А.Е. Указ. пр. С. 34.

²⁰ См.: Там же. С. 35.

²¹ Нурадинов Ш.М. Из опыта зарождения Российской транспортной милиции после Октябрьского переворота 1917 года // 80 лет транспортной милиции... С. 134.

²² См.: Там же.

²³ См.: Там же.

Поступила в редакцию 10.04.2003.

Александр Иванович Мурашко – аспирант кафедры истории Беларуси нового и новейшего времени. Научный руководитель – доктор исторических наук, профессор В.Ф. Ладисев.

РОССИЙСКО-ВАТИКАНСКОЕ СОГЛАСОВАНИЕ ВОПРОСОВ РУСИФИКАЦИИ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО БОГОСЛУЖЕНИЯ РИМСКО-КАТОЛИЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ (НА ПРИМЕРЕ МИНСКОЙ ГУБЕРНИИ)

Анализируется значение позиции Святого Престола в осуществлении задач национально-государственной политики Российской империи в Беларуси. Рассматривается роль римско-католического духовенства и прихожан Беларуси в ватикано-российском диалоге.

The article is devoted to the analysis of the significance of the position of the Papal Throne in the realization of the national-governmental policy of the Russian Empire in Belarus. It considers the role of the Catholic clergy and the parishioners in the Vatican-Russia's dialogue.

Русификация дополнительного римско-католического (далее – р.-к.) богослужения и проповедей являлась одной из основных тем переговоров Российской империи со Св. Престолом последней трети XIX – начала XX в., в рамках которых особое внимание уделялось практическому разрешению ситуации, сложившейся в Минской губернии. Фактография проблемы в целом отражена в историографии¹. Однако с точки зрения соответствия интересам римо-католиков Беларуси, р.-к. участия в национально-культурном белорусском движении она не была комплексно исследована. Дальнейшего же рассмотрения требуют вопросы влияния р.-к. иерархии, духовенства и прихожан на ватикано-российское урегулирование проблемы, степень совпадения их интересов, отношения сторон к возможности употребления при богослужении белорусского языка.

Для России целесообразность русификации заключалась в ее соответствии задачам обеспечения национально-государственной безопасности. После восстания 1863–1864 гг. в Польше, Литве и Беларуси эта мера представлялась эффективным способом отделения в сознании римо-католиков региона исторически сложившегося отождествления католичества и польской национальной идеи. Правомочность политического решения правительство пыталось обосновать тем, что оно отвечало религиозным нуждам подданных и каноническим правилам Р.-к. церкви, в силу которых в дополнительном богослужении и при катехизации использовался язык, понятный верующим. Однако допуск не употреблявшегося ранее языка был возможен только с согласия Св. Престола. И как позже отмечал митрополит всех р.-к. церквей в империи А.-К. Гинтовт, каноническое одобрение русского языка не вызвало бы затруднений, имея оно религиозную, а не национальную мотивацию². Россия же пыталась заменить в р.-к. дополнительном богослужении русским языком именно польский в целях осуществления своей внутренней политики, принудительной в данном случае в отношении католиков Беларуси. Согласно историческим исследованиям, русификация р.-к. церквей Минской губернии не была добровольной³, несмотря на то что указ МВД от 18.02.1870⁴ обуславливал введение русского языка инициативой и потребностями прихожан. Определение целесообразности осуществления этой меры в конкретной местности относилось к компетенции епархиального начальника и приходского духовенства, но окончательное решение по каждому храму оставалось только за МВД⁴.

Решение о введении русского языка, принятое без согласования со Св. Престолом, в основном встретило противодействие со стороны российского р.-к. духовенства. Однако в Минской губернии, р.-к. церкви которой были подчинены не утвержденному курией и, следовательно, зависимому от российского правитель-

* В рассматриваемый период представители российской иерархии Р.-к. церкви к дополнительному богослужению относили гимны «Te Deum», «Sanctus Deus» и 45 псалмов «Deus refugium». Проповеди и религиозные поучения выделялись в особый раздел под названием «Magisterium Sancrum», который и указывался как канонически обязательный для употребления языка, понятного верующим. Синовики Римской курии при урегулировании исследуемой проблемы проповедь, катехиз, вопросы при совершении крещения и брака и «другое в том же роде» относили к единой совокупности дополнительного богослужения. См.: РГИА в Санкт-Петербурге. Ф. 821. Оп. 125. Ед. хр. 278. Л. 20–20 об., 29–30 об., 46–47 об.

** Основанием для данного указа стало разрешение Александра II от 25.12.1869 г. употреблять русский язык во всех его наречиях в богослужении и делах религии всех «иноверческих» исповеданий.

тва администратору Виленской р.-к. епархии П. Жилинскому*, инициативу поддержала часть приходских священников. Такая ситуация, по нашему мнению, не свидетельствовала о намеренном игнорировании мнения Ватикана, ибо запрет Св. Престола подчиняться епископу до официального извещения о каноническом утверждении последнего не был доведен до сведения всего приходского духовенства Минской губернии⁵, а однозначно выраженная позиция р.-к. епархиальной администрации имела существенное значение в этом вопросе. Когда впоследствии р.-к. церкви Минской губернии были переданы в канонически легитимное и официально не одобрявшее русификации управление, массовым явлением стал отказ священников от назначения в русскоязычные приходы⁶. Более того, в не вакантных из них требы часто совершались на польском языке: вопреки всем мерам местной гражданской администрации, по желанию самих верующих, поддержке р.-к. епархиального начальства⁷ и Св. Престола. Конгрегация Св. римской и всеобщей инквизиции (решения которой принимались как обеспечивающие защиту католического вероисповедания от заблуждений, ересей и связанных с ними преступлений) 11.07.1877 постановила не заменять русским языком польский в дополнительном богослужении⁸. Вынесенное частное определение (т. е. обязательное лишь для обратившихся с вопросом) в данном случае касалось всего региона, поскольку рассмотрение дела мотивировалось многочисленными запросами его клира и светских римо-католиков. Последнее позволяет сделать вывод, что в ситуации канонической неправомерности епархиального руководства для значительной части р.-к. священников и верующих решающее значение имела позиция Св. Престола, а не высшей инстанции управления Р.-к. церкви в России – Римско-католической духовной коллегии, допускавшей употребление русского языка в дополнительном богослужении⁹. Однако сама целесообразность создания коллегии российским государством заключалась в ликвидации возможности влияния Римской курии на внутривластную ситуацию в империи. Этим же обособывалось и введение *placet* – запрета католикам, ее подданным, включая духовенство, на непосредственное, без предварительного разрешения государства, сообщение со Св. Престолом. Тот же факт, что гражданские власти не контролировали ситуацию (в частности, в Минской губернии для нелегального сообщения с Ватиканом нужна была всего лишь «обыкновенная» осторожность¹⁰), делает понятным значение вопроса соотношения этих контактов с влиянием епархиальной администрации.

Официально Св. Престол известил о постановлении 1877 г. только в 1897 г. Однако российская газета «Русский мир» опубликовала его уже в 1877 г., что вызвало негативную реакцию Минского губернатора, считавшего обнародование запрета фактором активизации антиправительственной направленности католиков региона¹¹. О том, насколько дезорганизация деятельности Р.-к. церкви в Минской губернии дестабилизировала обстановку в последней, говорит хотя бы тот факт, что состоявшееся 02.04.1897 г. ватикано-российское соглашение было одобрено Николаем II уже на следующий день. Суть указанной договоренности заключалась в том, что в вакантных по причине несогласия священников с введением русского языка приходах Минской губернии богослужение и совершение таинств переводились на латинский; постановление 1877 г. не отменялось¹². Инициатива подобной нормализации объяснялась Св. Престолом исключительно заботой о белорусских верующих¹³, и в этой связи, на наш взгляд, следует отметить ту составляющую возникновения проблемы, что ее усугублению до вышеуказанной кризисной ситуации объективно способствовала сама курия. Выжидательная позиция в 1869–1877 гг. облегчила введение русского языка, постановление 1877 г. обусловило последующую вакантность минских р.-к. приходов¹⁴, что, с другой стороны, принесло позитивные для Р.-к. церкви дивиденды: российские власти поняли значимость взаимодействия со Св. Престолом в деле ее «расположения» в Беларуси.

* В 1869 г. в результате не согласованного со Св. Престолом упразднения российским правительством Минской р.-к. епархии ее приходы оказались лишены сложившейся церковно-административной структуры. До 1880 г. они находились в ведении Виленской епархии, а в результате ватикано-российских соглашений 1880–1882 гг. были переданы апостольской администрации архиепископа Могилевского, управление которого над р.-к. церквями Минской губернии легитимировалось буллой Льва XIII от 15.03.1883 и указом Александра III от 16.04.1883.

Руководил исполнением договоренности 1897 г. епископ-суффраган Могилевский Ф.-А. Сымон. Циркулярами от 28.05.1897 и 30.06.1897 действие соглашения было распространено не только на вакантные, но и на все русифицированные приходы. В дополнительном богослужении, при обращении священника к верующим, в молитвах и песнопениях прихожан было разрешено употреблять их разговорный язык. Сымон объяснял «искажение» сути соглашения 1897 г. тем, что последнее вызвало «недоразумения» у духовенства ввиду незнания населением Минщины латинского языка¹⁵. В рапорте же одного из р.-к. священников Минской губернии ее губернатору циркуляры от 28.05.1897 и 30.06.1897 характеризовались как «препятствующие претворению» соглашения 1897 г.¹⁶ Министр внутренних дел объяснял действия Сымона стремлением сохранить польский язык и устранить возможность использовать белорусский в р.-к. приходах Минской губернии¹⁷. Однако, на наш взгляд, последнее скорее можно считать субъективной характеристикой чужих побуждений, чем обоснованным выводом. Даже если она и соответствовала намерениям Сымона, допущение им употребления разговорных языков объективно расширяло возможности р.-к. участия в белорусском национально-культурном движении. Архиепископ С.-М. Козловский отказался отменить распоряжения своего суффрагана¹⁸, но Св. Престол поддержал российское правительство и подтвердил, что соглашение 1897 г. касалось только вакантных приходов, в дополнительном богослужении которых введенный русский язык должен был заменяться исключительно латинским¹⁹. Нам важно отметить, что так же как и российская администрация, Св. Престол не возражал против использования при катехизации населения «белорусского наречия» при условии наличия одобрения местного епископа²⁰. Архиепископ Б.-И. Клоповтовский сообщил о своем согласии обязать духовенство соблюдать указанные договоренности, но с периода его правления (1901–1903) и дополнительное богослужение, и проповеди в Минской губернии «повсеместно» велись на польском языке²¹. С достаточной долей вероятности можно утверждать, что со стороны епархиальной администрации так и не было сделано соответствующего однозначного официального распоряжения, без которого (что отмечалось практически всеми представителями местной гражданской власти) ни один р.-к. священник не изменил бы порядка совершения дополнительного богослужения, несмотря на соглашение 1897 г.²²

Таким образом, в Минской губернии в начале XX в. практическое исполнение р.-к. духовенством ватикано-российских договоренностей уже действительно регулировалось епархиальной администрацией. Российское государство само мерами по соблюдению расет и законодательными нормами, направленными на автономизацию от Римской курии институтов управления Р.-к. церкви в империи, делало личную позицию ее р.-к. иерархов одним из основных факторов реализации российско-ватиканских соглашений. При этом представители р.-к. епископата России (тем более рядового духовенства) не участвовали в переговорах, а для Св. Престола неофициальные контакты с р.-к. иерархией, священниками и верующими Беларуси имели в большей мере лишь информационное значение. Он, как и российское правительство, организацию духовной жизни римо-католиков региона не рассматривал вне контекста целесообразности своей внешнеполитической деятельности. Имперский же епископат при несоответствии его интересам сути ватикано-российских соглашений пользовался вышеуказанной возможностью влиять в нужном ему направлении на их практическое осуществление.

* Есть исследования, в которых по вопросу отношения еп. Сымона к белорусскому языку дается противоположная точка зрения. См.: Смоленчук А. Попытки введения русского языка в католическое богослужение в Минской и Виленской диоцезиях 60–70-е гг. XIX в. // *Lietuvių katalikų mokslo akademijos metraštis*. Vilnius, 2002. Т. 20. С. 140–152.

** Проблема значения обязательности употребления в религиозной практике белорусского языка для представителей р.-к. клерикального течения «белорусского возрождения», отношения к подобной перспективе р.-к. иерархии является, на наш взгляд, объектом отдельного исследования.

*** В частности, именно в этой связи Римская курия в конце XIX – начале XX в. предложила России содействие в проведении имперской национально-государственной политики в «Западном крае». См.: Ях и м о в и ч З. П. Россия и Ватикан: проблемы дипломатических взаимоотношений в конце XIX – начале XX века (по материалам АВПРИ) // *Россия и Ватикан в конце XIX – первой трети XX века* / Под ред. Е.С. Токаревой, А.В. Юдина. М.: СПб., 2003. С. 74–75.

Папским декретом в 1907 г. русский язык был признан церковным для Р.-к. церкви в России²³. Еще раньше в 1906 г. Св. Престол разрешил при катехизации, проповедовании, в молитвах и религиозных гимнах верующих использовать язык большинства прихожан и предписывал епископам предоставлять меньшинству прихожан возможность употреблять «свой» язык²⁴. Данные решения Ватикана позволяли как сохранять, так и вводить любой язык, и их практическое осуществление показало значительную обусловленность действий представителей р.-к. духовенства относительно Беларуси их собственной этнокультурной принадлежностью. Такое положение, на наш взгляд, являлось следствием существовавшей в империи политизации церкви в духе отождествления интересов конкретной конфессии с интересами государственности конкретной нации. Деполонизации Р.-к. церкви способствовала бы не административная русификация, а первоначальное устранение вышеуказанного характера политизации религиозной жизни региона. Однако стремление подчинить выбор языка богослужения и катехизации приоритетам российской национальной политики только поддерживало указанную тенденцию. Принципиальной же ошибкой, по нашему мнению, являлось и длительное отсутствие взаимодействия в этом вопросе российского правительства с Римской курией, поскольку отождествление польской национальной идеи с Римским католицизмом сущностно противоречило принципу институционализации Р.-к. церкви (централизации Папской власти). В этом смысле «располячение» Р.-к. церкви в Беларуси соответствовало интересам не только Российской империи, но и Св. Престола, активно противостоявшего в рассматриваемый период идее национально-государственной церковности.

¹ См., например: Владимирова А. П. История располячения западно-русского костела. М., 1896; Pzybyszewski. J. Język rosyjski w katolickim rytuale i dodatkowym nabożeństwie. Lwów, 1897; К вопросу об обрусении католицизма в Западном крае. Краков, 1898; Чихачев Д. Н. Вопрос о располячении костела в прошлом и настоящем. СПб., 1913; Boudou A. Stolica Święta a Rosja. Stosunki dyplomatyczne między niemi w XIX stuleciu: B 2 t. Kraków, 1928–1930. T. 2; Stankiewicz Ad. Rodnaja mowa w świątyniach. Wilnia, 1929; Kubicki P. O języku rosyjskim w nabożeństwie dodatkowym w kościołach rz.-kat. na obszarach b. Wielkiego Księstwa Litewskiego po roku 1863. Sandomierz, 1936; Смоленчук А. Попытки введения русского языка в католическое богослужение в Минской и Виленской диоцезиях 60–70-е гг. XIX в. // Lietuvių katalikų mokslo akademijos metraštis. Vilnius, 2002. T. 20.

² См.: Чихачев Д. Н. Вопрос о располячении костела в прошлом и настоящем. СПб., 1913. С. 90.

³ См.: Канфесіі на Беларусі (к. XVIII–XX ст.) / В.В. Грыгор'ева, У.М. Завальнюк, У.І. Навіцкі, А.М. Філатава. Мн., 1998. С. 89; Nagrodzki Z. Rola duchowieństwa katolickiego w godzinie prób i cierpień na terenie Litwy i Białejrusi. (1863–1883). Wilno, 1935.

⁴ См.: К вопросу об обрусении католицизма в Западном крае. Краков, 1898. С. 1–2.

⁵ См.: НИАБ. Ф. 1781. Оп. 32. Ед. хр. 212. Л. 96.

⁶ См.: РГИА в Санкт-Петербурге (далее – РГИА в СПб.). Ф. 821. Оп. 138. Ед. хр. 24. Л. 170, 178–178 об.

⁷ См.: НИАБ. Ф. 295. Оп. 1. Ед. хр. 1671. Л. 184–184 об.

⁸ См.: РГИА в СПб. Ф. 821. Оп. 125. Ед. хр. 278. Л. 28–30; Ед. хр. 289. Л. 15–15 об.

⁹ См.: НИАБ. Ф. 1781. Оп. 32. Ед. хр. 212. Л. 96.

¹⁰ См.: РГИА в СПб. Ф. 821. Оп. 125. Ед. хр. 289. Л. 5.

¹¹ См.: Там же. Л. 5 об.

¹² См.: Там же. Ед. хр. 278. Л. 1, 126–126 об.; Оп. 138. Ед. хр. 24. Л. 161–162; К вопросу об обрусении католицизма в Западном крае. Краков, 1898. С. 20–21.

¹³ См.: Там же. Оп. 125. Ед. хр. 278. Л. 1.

¹⁴ См.: Там же. Оп. 125. Ед. хр. 21. Л. 1; Оп. 138. Ед. хр. 24. Л. 170, 178–178 об.

¹⁵ См.: Там же. Оп. 138. Ед. хр. 24. Л. 14; НИАБ. Ф. 295. Оп. 1. Ед. хр. 1671. Л. 184–184 об.; Ф. 1781. Оп. 32. Ед. хр. 212. Л. 95–99.

¹⁶ См.: РГИА в СПб. Ф. 821. Оп. 138. Ед. хр. 24. Л. 11–13.

¹⁷ См.: Там же. Л. 79 об. – 80.

¹⁸ См.: Там же. Л. 167 об.

¹⁹ См.: Там же. Л. 167–169.

²⁰ См.: Там же. Оп. 125. Ед. хр. 278. Л. 1.

²¹ См.: Там же. Л. 20–21 об.

²² См.: НИАБ. Ф. 295. Оп. 1. Ед. хр. 1671. Л. 271–284 об.

²³ См.: Винтер Э. Папство и царизм. М., 1964. С. 456.

²⁴ См.: РГИА в СПб. Ф. 821. Оп. 125. Ед. хр. 278. Л. 46–47 об.

ВЫВУЧЭННЕ НАРОДНАГА АДЗЕННЯ БЕЛАРУСАЎ ПОЛЬСКІМІ ЭТНОГРАФАМІ XIX – ПЕРШАЙ ПАЛОВЫ XX ст.

Анализируются работы польских этнографов, посвященные материальной культуре белорусов. Выделяются три основные этапы изучения традиционного белорусского костюма польскими этнографами.

The works of the Polish ethnographers devoted to the Belarusian material culture are analysed in this article. It concludes that there are three basic stages of studying the Belarusian traditional costume by the Polish ethnographers.

Польскамоўныя крыніцы па этнаграфіі Беларусі да гэтага часу не выкарыстоўваюцца ў поўным аб'ёме ў беларускай этнаграфічнай навуцы, нягледзячы на наяўнасць у іх цікавай і карыснай інфармацыі па розных аспектах традыцыйнай культуры Беларусі, у тым ліку і па адзенню. Таму лічым неабходным правесці іх далейшы ўсебаковы аналіз.

Звесткі па народнаму адзенню беларусаў у польскіх даследчыкаў сустракаюцца ўжо на першым этапе развіцця польскай этнаграфіі, калі яна яшчэ ўваходзіла ў склад гістарычнай навукі і толькі пачынаўся працэс яе аўтанамізацыі. У першай палове XIX ст. большая частка намаганняў даследчыкаў была накіравана на збор крыніц. Гэтая дзейнасць не мела арганізацыйных рамак і характарызавалася аматарскімі ініцыятывамі, пазбаўленымі глыбокай тэарэтычнай рэфлексіі¹.

У часопісе “Tygodnik Wilenski” ў 1819 г. з'явіўся артыкул Ігната Шыдлоўскага “Вясельныя абрады сялян у Барысаўскім павеце Мінскай губерні...”² (тут і далей – пераклад аўтара), дзе сустракаюцца звесткі па некаторых элементах матэрыяльнай культуры, у тым ліку па адзенню. У прыватнасці, І. Шыдлоўскі піша, што падчас вяселля маладая раздавала паяскі. Паясок, які называлі “ўснова”, ткалі з белых ніцей, а “ўток” – з каляровых, пераважна чырвоных³.

У 1830 г. у Варшаве з друку выйшла некалькі работ Лукаша Галамбёўскага (1773–1849), прысвечаных этнаграфіі зямель былой Рэчы Паспалітай, у якіх аўтар закранае і пытанні этнаграфіі беларусаў⁴, але не лічыць беларусаў самастойным этнасам: “Нашу зямлю насяляюць тры віды сялян – польскі селянін, рускі і літоўскі”⁵.

Л. Галамбёўскі надае матэрыяльнай культуры мала ўвагі, прыводзіць яе кароткі нарыс, як бы ўводзіны ў культуру духоўную. У той жа час аўтар не хоча абмяжоўвацца толькі простым апісаннем традыцыйнай культуры, а лічыць, што даследчык павінен рабіць і тэарэтычныя высновы: “Трэба не толькі задавальненне першай патрэбы мець на ўвазе, але ў падрабязным апісанні спосаба жыцця знаходзіць падабенствы і розніцы з суседнімі ці больш далёкімі краінамі, даследаваць прычыны...”⁶ Ён піша пра сярмягі з даматканай тканіны шэрага колеру, а ў святочныя дні чорнага; пра лапці; пра шапкі з шэрай аўчыны з сінім, а ў дзяцей з пунсовым суконным верхам. Ёсць у яго апісанне жаночых галаўных убораў: «Дзяўчаты носяць хусткі белыя ці каляровыя і валасы, заплеценыя ў касу, звісаючыя. Замужнія жанчыны, павязавшы спачатку паркалёвую хустку, невялікую, з выпушчанымі канцамі, абвязваюць галаву рознымі спосабамі намёткай вузкай з кужэльнага палатна, на святы – з тканага галандскага ці паркалю, канцы вышываюць “гарынам” (пурпурава-чырвоным колерам)”⁷.

На амаль што пяцістах старонках даследавання Яўстафія Тышкевіча “Апісанне Барысаўскага павета”, якое выйшла ў Вільні ў 1847 г., падрабязна апісана флора і фауна, гаспадарка, архітэктура Барысава і бліжэйшых мястэчак, заняткі, звычаі і абрады жыхароў і шмат чаго іншага. Я. Тышкевіч у прадмове так вызначае мэту сваёй працы: “Усе асвечаныя народы ў наш час прыкладаюць намаганні, каб, разумеючы мэту саюзу людзей, злучаных у адно цела, сабраць і апісаць усё, што статыстыка агарнуць павінна, для дакладнага разумення палітычнай асновы свайго краю, а адтуль і карысці агульнай або асобнай кожнага жыхара”⁸.

Я. Тышкевіч падзяляе Барысаўскі павет на дзве часткі: лясную і палявую, а яго жыхароў – на два тыпы, якія адрозніваюцца паміж сабой, акрамя іншага, і некаторымі асаблівасцямі ў адзенні. Так, у паўночна-заходняй (лясной) частцы Барысаўскага павета ва ўжытку былі шэрыя суконныя ці палатняныя нагавіцы, там

насілі сукенную да кален свету бугага колеру. На тэрыторыі ўсяго павета была пашырана "...шэрая ці цёмная сярмяга (кафтан) з маленькім кантам замест каўняра, з вельмі моцнага сукна, простаі воўны; часам бывае белаватая; пакрой мае характэрны, аднолькавы для мужчын і жанчын; не шырокая; крысо на крысо далёка не заходзіць; рэдка бывае ніжэй за калена [...] носяць яе як улетку, так і ўзімку"⁹.

Падчас дажджу летам, а снегу зімой паверх сярмягі і жанчыны, і мужчыны насілі "насоў" і кажух без пояса. Летнія нагавіцы былі з палатна, а зімнія – з сукна, на "ўчкурні" (сцягнутыя пастаронкам). Больш заможныя жанчыны насілі шарсцяны каляровы андарак, бяднейшыя – палатняную спадніцу і фартух паверх яе¹⁰.

Паміж першым і другім этапамі развіцця польскай этнаграфіі постаць Оскара Кольберга (1814–1890) з'яўляецца пераходнай. Яго навуковая дзейнасць была накіравана, перш за ўсё, на збіранне фальклорных матэрыялаў. Пачаўшы з народных песень, у далейшым ён значна пашырыў кола сваіх навуковых інтарэсаў. Задуманая ім шматтомная работа "Народ..." увoguле не мела да той пары прэцэдэнтаў у сусветнай навуцы. Пры жыцці ён выпусціў 33 тамы "Народу...", прысвечаныя розным рэгіёнам Польшчы. Том пра Беларусь быў выдадзены ў 1968 г. (падрыхтоўку матэрыялаў да выдання астатніх з васьмідзесяці тамоў ажыццяўляў калектыў з 50 чалавек) на падставе архіўных папак № 28 і 29. Сам О. Кольберг наведваў Беларусь толькі аднойчы, у 1831 г., і, відаць, ніякіх запісаў у той час не зрабіў. У. Васілевіч лічыць, што "...верагодней за ўсё запісы рабіліся О. Кольбергам ад беларусаў-перасяленцаў не напачатку, а калі ў збіральніка ўзнікла жаданне ўслед за цэнтральнымі раёнамі Польшчы манаграфічна прадставіць і яе ўскраіны. (Да самастойных Кольбергавых запісаў з тэрыторыі сучаснай адміністрацыйнай Беларусі звычайна далучаюць толькі тыя, што былі зроблены на Брэсцкім Палессі.)"¹¹ Асноўную частку беларускіх матэрыялаў у даследаванні О. Кольберга складаюць выпіскі з работ Л. Галамбёўскага, Я. Тышкевіча, Ю.І. Крашэўскага, П. Баброўскага, Э. Ажэшкі і інш. Сам О. Кольберг планаваў апублікаваць гэтыя матэрыялы пад назвай "Чорная Русь, Літоўская, Палессе і Беларусь". Яго работа падзелена на некалькі раздзелаў: "Край", "Народ", "Звычаі", "Абрады, песні", "Апавяданні, байкі, прымаўкі", "Гульні і забабоны", "Мова". Пераважную большасць даследавання займае апісанне духоўнай культуры, вуснай народнай творчасці.

О. Кольберг піша, што "...у паўночнай старане беларусы і чорнарусы верхнюю вопратку маюць з шэрага сукна, світка са звычайнага даматканага сукна з невялікім пастаўленым каўняром [...] Пояс суконны, блакітны або сіні, зялёны ці чырвоны, шырокі на тры вяршкі (13,32 см)"¹². Адзначаныя матэрыялы змяшчаюць звесткі аб мужчынскіх і жаночых галаўных уборах, каліце, спадніцы, гарсэце.

У другой палове XIX – пачатку XX ст. у польскай этнаграфіі стаў вядучым эвалюцыянізм і былі сфармуляваны важныя палажэнні, сярод якіх прызнанне крыніцай старажытных перажыткаў і неабходнасць вывучэння сялянства як групы з малой дынамікай развіцця¹³. У гэты час з'яўляюцца працы Э. Яленскай¹⁴, З. Глогера¹⁵ і П. Талька-Грынцэвіча¹⁶. У той жа час большасць аўтараў артыкулаў працягвае папярэдняю традыцыю, іх работы вызначаюцца аматарскім характарам і галоўнай мэтай маюць збор крыніц.

У лепшых традыцыях пазітывізму напісана работа Эмы Яленскай-Дмахоўскай (1864–1919) "Вёска Камаровічы ў Мазырскім павеце", якая можа і сёння паслужыць прыкладам краязнаўчага даследавання. Вёска Камаровічы, што знаходзілася за 35 вёрст (каля 37,5 км) ад бліжэйшай чыгуначнай станцыі (а незадоўга перад тым – за ўсё 130 (каля 138,5 км)), сапраўды ўяўляла цікавасць як для фалькларыста, так і для этнографа. Даследчыца не толькі сабрала матэрыял па абрадах, святах, вераваннях палешукоў, але і шматгранна апісала матэрыяльную культуру, уключаючы гаспадарчыя заняткі, народнае дойлідства, адзенне.

Э. Яленская даволі падрабязна апісвае кашулю, адзначаючы асаблівасці жаночай кашулі; камізэльку, якую апраналі на кашулю, "...з глыбокім выразам ля шыі, ззаду палатняную, а спераду з даматканай шарсцяной тканіны, чырвонай у краты або ў палосы з чорным, зялёным або жоўтым"¹⁷. Яна застала яшчэ аблавуку: «Сустрэкаюцца яшчэ шапкі, пашытыя ў хаце, белыя, уверсе чатырохвугольныя,

па швах аздобленыя сінім шнурам, з адваротам з меха, які можна спусціць на вушы і завязаць пад барадой. Шапкі такія называюцца “аблаухы” і носяць іх толькі вельмі старыя»¹⁸.

Даследчыца дае падрабязнае апісанне жаночай спадніцы, фартуха і гарсэта: «Спадніца доўгая да зямлі, гафрыраваная каля пояса і заўсёды звязаная тканым паяском, канцы якога вісяць збоку. Спадніца заўсёды з шарсцянога матэрыялу, чырвонага ў клетку або ў чорныя, сінія ці зялёныя палоскі; тканіна гэта называецца “андаракі” і робяць яе дома. Летам часта відаць спадніцы паркалёвыя, звычайна чырвоныя. На працу апранаюць таксама больш лёгкія і танныя, з ільняной бела-блакітнай тканіны, якую называюць “летнікам”. Фартухі на будні дзень у іх палатняныя, вышытыя ўнізе чырвоным; на святы апранаюць белыя, паркалёвыя, купленыя ў яўрэяў, з нашыўкамі або з вязанай устаўкай. За такі фартух, агідна пашыты, плацяць па пяць грошай і болей. Гарсэты часцей за ўсё цёмныя, суконныя, чорныя, цёмна-сінія, часта нават чорныя аксамітныя. На святы маладыя жанчыны апранаюць чырвоныя паркалёвыя, у кветкі жоўтыя і зялёныя. Такі гарсэт без рукавоў, з глыбокім выразам ля шыі, зашпільваецца на бліскучыя гузікі; калі гладка прылягае, дасканалы падкрэслівае формы»¹⁹.

Трэці перыяд гісторыі польскай этнаграфіі паміж сусветнымі войнамі характарызуецца з’яўленнем новых арыентацый: антрапагеаграфія, культурна-гістарычная школа, сацыялагічны накірунак. З польскіх даследчыкаў гэтага часу, якія займаліся вывучэннем традыцыйнай культуры беларусаў, вылучаецца імя Казіміра Машынскага (1887–1959). К. Машынскі працягваў распрацоўваць эвалюцыйны метады ў этналогіі, удасканаліў яго, у выніку чаго з’явіўся яго ўласны метады – крытычны эвалюцыйнізм. Ён напісаў некалькі работ, прысвечаных традыцыйнай культуры Беларусі, сярод якіх вылучаецца сваёй ґрунтоўнасцю “Усходняе Палессе”²⁰, па матэрыялах палявых этнаграфічных даследаванняў, якія аўтар праводзіў у чэрвені 1914 г. у Мазырскім і Рэчыцкім паветах. Шмат інфармацыі К. Машынскі атрымаў ад Чэслава Пяткевіча, які знаёміў яго з мясцовымі акаліцамі.

Даследаванне К. Машынскага адрознівае строга пабудаваная структура, якая ўключае ўводзіны, дзе гаворка ідзе аб фізіка-геаграфічным апісанні Мазырскага і Рэчыцкага паветаў; першую частку – “Матэрыяльная культура” і другую – “Духовная і грамадская культура”. У сваю чаргу, першая частка падзяляецца на падраздзелы: 1. Клопат аб пракормленні; 2. Гатаванне страў; 3. Вытворчасць прылад і прыстасаванняў, адзення і будынкаў; 4. Падарожжы і дарогі. Як адзначае сам аўтар, работа не з’яўляецца поўнай, таму што працу даследчыка на Палессі перапыніла Першая сусветная вайна.

К. Машынскі падрабязна апісвае працэс плячэння лапцей, мужчынскую кашулю, свету, “казачыну” – святочную свету са складкамі ззаду. У наваколлі Выраў і Чабля на Палессі ён сустракаў асаблівыя “радзюхоны” з кароткімі рукавамі. «Штаны пашыты з сукна ці тоўстага канаплянага палатна такім чынам, што, калі сядзіш, яны моцна абвісаюць і ўтвараюць так званае “крэсла”. Падпяразваюцца штаны тоўстай вярхоўкай альбо раменьчыкам (“учкур”), які прапускаецца праз утулку з закручанага верхняга краю штаноў»²¹. Даследчык прыводзіць таксама малюнак шапкі, абшытай аўчынай, піша пра шапку-рагатку.

Падрабязна апісаны К. Машынскім комплекс жаночага адзення, у прыватнасці андарак: «Пасля кашулі самай важнай часткай адзення рэчыцкай жанчыны з’яўляецца спадніца (“андарак” або “андэрак”) з даматканага шарсцянога сукна, вытканага ў вялікую або дробную шахматную дошку, чорную з чырвоным. Падобныя шарсцяныя і каляровыя андаракі носяць таксама ў Мазырскім павеце, дзе пры гэтым вельмі распаўсюдзілася купля матэрыялаў з больш яркімі і стракатымі ўзорамі. У Тураве мне апавядалі, што ў Альнях (Бярозаўская воласць) жанчыны яшчэ носяць замест спадніцы дзве полкі [...] Паверх спадніцы падпяразваюцца часам доўгім чырвоным поясам (Тураў), а ў будні дзень падгінаюць яе звычайна да кален і засоўваюць за пояс. Носяць таксама фартухі, а ў Рэчыцкім павеце хаджэнне без гэтай часткі адзення (“хвартух”) лічыцца нават непрыстойным. Вельмі цікава, што спадніцу альбо фартух, калі іх трымаюць перад сабой і збіраюць у іх, напрыклад, жалуды ці грыбы, называюць “пелена»”²². Ёсць у К. Машынскага паведамленні і пра жаночыя галаўныя ўборы, у прыватнасці пра намітку.

Найбольш падрабязна польскімі этнографамі К. Машынскім і Э. Яленскай было даследавана сялянскае адзенне Палесся і Я. Тышкевічам – Барысаўскага павета. У навуковых працах польскіх этнографу XIX – першай паловы XX ст. змешчана інфармацыя пра ўсе элементы традыцыйнага касцюма беларусаў.

¹ Гл.: Pozern-Zielicki A. Etnografia jako samodzielna dyscyplina naukowa // Historia etnografii polskiej. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1973. С. 50–51; Sokolewicz Z. Szkoły i kierunki w etnografii polskiej // Ibid. С. 120.

² Гл.: Obrzędy weselne ludu wiejskiego w gub. Mińskiej, w powiecie Boryrowskim, w parafii Hajeńskiej, obserwowane w latach 1800, 1-m i 2-m z niektórymi piosenkami i ich zwyczajną notą // Tygodnik Wileński. 1819. Т. 7. С. 1–18, 81–104.

³ Гл.: Ibid. С. 94–95.

⁴ Гл.: Gołębiowski Ł. Domy i dwory. Warszawa, 1830; Lud Polski. Warszawa, 1830; Ubory w Polsce. Warszawa, 1830.

⁵ Ён жа. Lud Polski. С. 1.

⁶ Ён жа. Domy i dwory. С. 28–29.

⁷ Ён жа. Lud Polski. С. 51–52.

⁸ Opisanie powiatu Boryrowskiego. Wilno, 1847.

⁹ Ibid. С. 116.

¹⁰ Гл.: Ibid. С. 118.

¹¹ Васілевіч У.А. Збіральнікі. Мн., 1985. С. 13.

¹² Kolberg O. Dzieła wszystkie. Т. 52. Białoruś – Polesie. Warszawa, 1968. С. 53.

¹³ Гл.: Sokolewicz Z. Op. cit. С. 139.

¹⁴ Гл.: Jeleńska E. Wieś Komarowicze. Warszawa, 1892.

¹⁵ Гл.: Gloger Z. Encyklopedia staropolska ilustrowana. Wyd. 4. Warszawa, 1972; Zwyczaje ludu z okolic Tykocina i Bielska // Biblioteka Warszawska. 1868. Т. 1. С. 141–147.

¹⁶ Гл.: Talko-Hryniewicz P. Człowiek na ziemiach naszych. Warszawa, 1913.

¹⁷ Jeleńska E. Op. cit. С. 30.

¹⁸ Ibid. С. 30–31.

¹⁹ Ibid. С. 31.

²⁰ Гл.: Moszyński K. Polesie Wschodnie. Warszawa, 1928.

²¹ Ibid. С. 100.

²² Ibid. С. 100–101.

Паступіў у рэдакцыю 11.03.2003.

Міхаіл Анатольевіч Міхайлец – аспірант кафедры этналогіі, музейалогіі і гісторыі мастацтва. Навуковы кіраўнік – кандыдат гістарычных навук, дацэнт Т.А. Навагродскі.

Е.А. ГРЕБЕНЬ

ПЕРЕМЕЩЕНИЕ НЕМЕЦКИМИ ОККУПАНТАМИ ТРУДОСПОСОБНОГО НАСЕЛЕНИЯ БЕЛАРУСИ ВО ВРЕМЯ ОТСТУПЛЕНИЯ (1943–1944)

Рассматривается актуальная в белорусской историографии проблема перемещения трудоспособного населения Беларуси немецкими оккупационными властями в 1943–1944 гг. На основе архивных источников приведены статистические данные, изучены причины принудительного перемещения, проанализирована его специфика.

The topical problem in the Belarusian historiography which is connected with the displacing of the able-bodied population of Belarus by the German occupation authorities in 1943–1944 is considered in the article. The reasons of compulsory moving are studied on the basis of archive sources and its specific character in different periods of the Great Patriotic war is analysed. Statistical data that describe the problem are also given here.

Советские войска с 1942 г. начали приближаться к территории Беларуси. Освобождение оккупированных территорий Советского Союза происходило медленно, но неуклонно, и этого факта немецкие оккупационные власти не могли не осознавать. В результате встал вопрос о вывозе на Запад материальных ценностей и людских ресурсов. В 1943–1944 гг. развернулась настоящая борьба за трудоспособное население, которое оккупационные власти начали принудительно перемещать в западные районы Беларуси и далее в Германию. Во-первых, по-прежнему актуальным оставалось обеспечение экономики рабочими руками

как на оккупированной территории, так и в Германии, поэтому трудоспособное население принудительно перемещалось немцами на Запад во время отступления. Во-вторых, акция преследовала цель ослабить трудовой и военный потенциал Советского Союза, которому по возможности оставлялись обезлюдившие и выжженные земли.

Первые партии принудительно перемещенных советских граждан начали прибывать в Беларусь с территории оперативного тыла группы армий «Центр» уже в 1942 г. На совещании гебитскомиссаров, состоявшемся в Минске 08–10.04.1943 г., гауляйтер В. Кубе сообщил, что число эвакуированных, прибывших к декабрю 1942 г. в генеральный округ Беларусь (далее – ГОБ) и размещенных в пересыльных лагерях, составило 200 тыс. чел. На момент совещания часть из них (в первую очередь трудоспособные мужчины) были отправлены в Германию, остальные распределялись по районам. К тому времени расселено было около 60 тыс. чел. (в среднем по 6 тыс. чел. на гебитскомиссариат), часть по-прежнему содержалась в лагерях. Еще 60 тыс. планировалось принять в ближайшем будущем¹. Среди оставшихся на территории генерального округа преобладали в основном женщины, дети, подростки и пожилые мужчины, которые пока не представляли особой ценности в качестве работников в рейхе, но вполне могли бы заменить на оккупированной территории рабочих, вывезенных в Германию из сельской местности². Кроме того, этот резерв рабочей силы можно было и в дальнейшем использовать для заполнения «дыр в квотах» на поставку рабочей силы для рейха. Во-первых, беженцы воспринимались как чужаки теми же волостными старостами и полицейскими службами порядка, а в экстремальных условиях (в данном случае – война) отношения «свой-чужой» обостряются. Во-вторых, вновь прибывшим в силу их незнания местных реалий было намного сложнее уклоняться от угона в Германию либо от работы на новом месте проживания. На этот счет волостные старосты получали недвусмысленные указания посылать в Германию в первую очередь лиц, прибывших после 22.06.1941 г.³ Так называемым «беженцам» управы не должны были выдавать документы на проезд в районы западнее Минска, если не было специального разрешения биржи труда, которая и определяла степень его полезности для немецкой экономики⁴.

В августе 1943 г. барановичский гебитскомиссар получил указание принять от вермахта лагерь для военнопленных в д. Лесной, где размещались трудоспособные эвакуированные. Только первая партия насчитывала 1 500 чел. В конце месяца в лагере размещалось 6 тыс. чел. и планировалось прибытие еще 4 тыс. В целях учета была создана картотека. Каждому главе семьи планировалось выдать паспорт, в котором бы указывалось количество человек в семье и место рождения. Предполагалась охрана лагеря силами местной полиции. Среди первой партии насчитывалось много заболевших сыпным тифом, поэтому в лагере было налажено оказание медицинской помощи местными докторами и медсестрами. Работали также немецкие дезинсекторы, которые могли обслуживать до 1 500 чел. ежедневно (в будущем планировалось довести до 2500 чел.)⁵. Иногда эвакуированным удавалось взять с собой некоторое имущество и скот, содержание которых в лагере было невозможно, поэтому он был скуплен Центральным торговым обществом; помимо денег, людям выдавались справки о сдаче, которые будто бы предоставляли право на предпочтительное приобретение скота в будущем. К началу сентября в лагере находилось 7 785 чел.: 962 мужчины, 2 660 женщин и 4 163 ребенка. Отправка людей в Германию проходила достаточно оперативно (05.09.1944 г. была отправлена партия из 516 трудоспособных). В этот же день прибыл транспорт с 535 «беженцами», которых также планировалось отправить в Германию. Местные власти констатировали неспособность принимать новых беженцев на территории генерального округа Беларусь, где скопилось от 300 тыс. до 400 тыс. чел. Фльтрационные лагеря были переполнены, и значительная часть перемещенных лиц находилась просто на улицах населенных пунктов, живя в крайней нужде⁶.

На протяжении 1942–1943 гг. насильственно эвакуированные граждане республики расселялись в западных районах Беларуси и лишь частично вывозились в Германию, поскольку у немецких властей сохранялись иллюзии относительно возможности удержания оккупированных территорий СССР, но с 1944 г. начались масштабные мероприятия по их насильственному перемещению в рейх. По плану оккупационных властей большинство жителей из прифронтовых районов (призывного возраста и трудоспособные), если они не являлись служащими военных формирований или вспомогательных частей, не работали на предприятиях военной промышленности, в дорожном и транспортном хозяйстве, должны были быть перемещены на Запад вместе с немецкими частями и учреждениями⁷. Временное исключение составляли лица, мобилизованные в гражданские батальоны службы трудовой повинности и используемые на оборонительных работах. В ходе эвакуационных мероприятий часть рабочей силы направлялась в батальоны, где люди жили на казарменном положении, что предоставляло оккупационным властям больше возможностей в перераспределении трудовых ресурсов на наиболее важные объекты. По мнению немецких чиновников, местные рабочие давали только 60–70 % от выработки рабочих, содержащихся на казарменном положении, что имело особое значение в 1944 г., когда деятельность гражданских оккупационных учреждений почти полностью была переключена на строительство укреплений и коммуникаций. Рабочие батальоны состояли из рот и отделений (староста и десять рабочих). Для мобилизованных в батальоны планировалось предоставлять выходной раз в десять дней, отдых после выполнения рабочими дневной нормы выработки; за санитарной обстановкой должны были следить направляемые в роты местные врачи. Также предусматривалось проведение пропагандистами бесед о необходимости использования гражданского населения на военных работах, что, по мнению оккупантов, должно было повышать трудовой энтузиазм. К концу марта 1944 г. на территории оперативного тыла в трудовых батальонах было привлечено не менее 60 тыс. трудоспособных и годных к военной службе граждан⁸. Общее количество рабочих, состоящих на довольственном обеспечении гражданской администрации (за исключением рабочих трудовых батальонов, находившихся на довольствии вермахта), составило к июню 1944 г. 365 тыс. чел.

В целом 1944 г. характеризуется более интенсивным трудоиспользованием оккупационными властями населения Беларуси, поскольку масштабы работ постоянно расширялись за счет постройки оборонительных сооружений. Кроме того, все новые контингенты рабочих требовались в Германии, в связи с чем в очередной раз прочесывалась сельская местность. Так, после подобной проверки в Холопеничском районе местные власти констатировали, что 2 965 сельскохозяйственных рабочих (30,7 % всех рабочих на селе и 15,2 % от всего трудоспособного населения) могут быть привлечены к труду на других объектах. На территории 213-й хозяйственной команды (Борисов) количество рабочих, занятых на лесозаготовках, увеличилось за месяц в полтора раза – с 2 тыс. чел. в феврале 1944 г. до 3 тыс. – в марте. За счет батальонов гражданской трудовой повинности расширялись масштабы военного производства, как, например, в Осиповичах, где в марте 1944 г. был создан новый лагерь лесозаготовителей⁹.

В ходе эвакуации для повышения ее эффективности проводилось преобразование в структуре бирж труда. Так, отделения биржи труда в Слуцке, Любани и Марьиной Горке (хозяйственная команда Бобруйска) и Березино (хозяйственная команда Борисова) были преобразованы в самостоятельные учреждения, создан новый филиал биржи труда в Ново-Борисове. На территории некоторых армейских корпусов создавались новые пересыльные лагеря. К июню 1944 г. потребность в рабочей силе различных учреждений выросла с 13 950 до 16 910 чел. Частично она была покрыта за счет проведения карательных операций «Праздник весны» (захвачено 6 129 мужчин и 5 104 женщины), «Праздник на Троицу» (соответственно 1 663 и 1 390), «Марабу» (608 и 520) и «Баклан» (112 и 88); всего – 8 512 мужчин и 7 102 женщины. Мужчины рассматривались как военнопленные и сразу же отправлялись в рейх, а захваченные женщины использовались на

работам на оккупированной территории. Из захваченных женщин в данных карательных операциях 2 087 чел. было отправлено в Германию, 1 710 чел. передано организации Тодта, 2 241 чел. — на строительство оборонительных сооружений на территории 3-й танковой армии, 637 чел. — на строительство железной дороги, остальные были переданы другим более мелким потребителям рабочей силы. Началась также мобилизация подростков 10–13 лет. На территории 9-й армии была оборудована детская деревня на 700 подростков 8–13 лет обоих полов, велись работы по созданию трудовой колонии для детей.

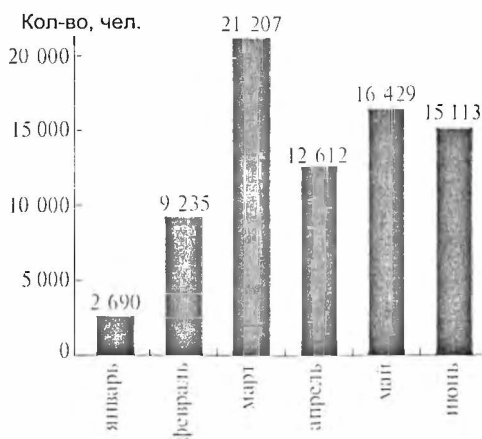
В 1944 г. отправка жителей Беларуси в Германию еще более активизировалась. В первую очередь направлялась молодежь 1925–1926 гг. рождения из числа гражданских батальонов, а также с предприятий, учреждений и воинских частей. Динамика вывоза в Германию в январе — июне 1944 г. отражена на диаграмме.

Как видно на диаграмме, отправлено всего 77 281 чел.: из них мужчин — 31 285 чел. (40,5 %); женщин — 35 188 чел. (45,5 %); детей 10–14 лет — 5 418 чел. (7 %); детей до 10 лет — 5 390 чел. (7 %). Установленная генеральным уполномоченным по труду Ф. Заукелем квота в 75 тыс. чел. была выполнена. Только с 04.07.1944 г. по 18.07.1944 г. количество населения, вывезенного с территории Беларуси (оперативный тыл и ГОБ) и учтенного в фильтрационных лагерях, составило 37 128 чел. (64 обоза), из которых направлено в сельское хозяйство Восточной Пруссии 18 400 чел., остальные — на различные работы.

С 28.02.1944 г. начался вывоз оккупантами населения из Витебска и Витебского района. Город был разбит на участки и методично прочесан, в результате чего к 15.03.1944 г. были схвачены 23 256 чел., из которых 10 276 чел. направлены на поселение в район Вильнюса, 2 017 — на расселение на территории Беларуси, 9 647 — на работы в Германию, 1 316 — на строительство оборонительных сооружений. Общее количество рабочих, занятых на оборонительных работах на территории оперативного тыла, возросло с 71 тыс. в феврале 1944 г. до 88 тыс. в марте. В марте 1944 г. на работы в рейх было отправлено из тыловой зоны 18 592 чел., с территории ГОБ — 2 478 чел.¹⁰ В июне — июле 1944 г. происходила эвакуация округов Генерального комиссариата Беларуси: 25.06.1944 г. — Барановичи, Вилейка, Ганцевичи. Для урегулирования следования обозов «эвакуированного» населения были установлены три маршрута движения. Людские потоки направлялись к Белостоку и Граево. 05.07.1944 г. проводилась эвакуация районов Кобрин и Бреста, незадолго до этого — Пинска и Лунинца, 08.07.1944 г. — Гродно и Белостока. Часть эвакуированной рабочей силы направлялась на строительство оборонительных сооружений по линии Брест — Гродно — Каунас.

В последних числах июня началась эвакуация оккупационных структур и вывоз населения из Минска. Согласно приказу генерал-фельдмаршала Моделя все мужчины в возрасте 14–55 лет должны были быть собраны на товарной станции и вывезены по железной дороге в Барановичи. Остальная часть горожан долж-

жна была следовать туда пешком. Стараясь не допустить распространения слухов и бегства жителей из города, оккупационные власти инициировали пропагандистскую акцию по разборке развалин и постройке новых домов для горожан, желая тем самым создать иллюзию прочности и долговечности своего господства. Естественно, что подобные наивные расчеты провалились. На жизненно важных промышленных объектах рабочие были переведены на казарменное положение¹¹. Однако уже к 28.07.1944 г. рабочие практически прекратили являться на предприятия (на отдельных объектах оставалось не более

Количество людей, отправленных в Германию за январь — июнь 1944 г.

20 % рабочих), эвакуационные мероприятия перестали быть тайной для горожан. После инспекционного объезда Минска 01.07.1944 г. городской комиссар констатировал, что город покинуло более половины жителей, особенно мужчин.

Вместе с тем, несмотря на масштабность эвакуационных мероприятий, тотальный вывоз трудоспособного населения Беларуси провалился. Начальник эвакуационной группы при штабе группы армий «Центр» подполковник Ниденфюрер констатировал, что оккупационные структуры не смогли угнать намеченные 90 тыс. чел. в составе батальонов службы трудовой повинности и 90 тыс. чел. добровольцев на немецкой службе, в результате чего в фильтрационные лагеря и сборные пункты прибыло лишь незначительное количество людей. Как следует из его отчета, к моменту освобождения Беларуси в Германию было угнано 408 367 чел., из них с территории оперативного тыла – 287 677 чел. (с 01.01.1942 г. по 31.12.1943 г. – 210 396 чел.; с 01.01.1944 г. по 30.06.1944 г. – 77 281 чел.), из генерального округа Беларусь – 120 690 чел. (94 771 чел. и 25 919 чел. соответственно). В другом месте своего отчета Ниденфюрер оценивал количество трудоспособного населения, вывезенного с территории оперативного тыла за период с 01.01.1942 г. по август 1944 г., в 467 370 чел. Можно предположить, что цифра в 287 677 чел. имеет отношение в основном к территории Беларуси, а число 467 370 чел. отражает общее количество угнанных с территории всего оперативного тыла, который включал в себя некоторые области РСФСР. Таким образом, цифра в 408 367 чел. не намного отличается от на сегодняшний день официальной цифры 399 374 угнанных в Германию с территории Беларуси¹².

Срыв плана эвакуации оккупационная администрация объясняла следующим образом: во-первых, темп эвакуации диктовался наступлением советских войск – иногда период между отдачей приказа об эвакуации и вступлением советских частей составлял от нескольких дней до нескольких часов, и большинство колонн эвакуированных было перехвачено Красной Армией; во-вторых, местное население не желало покидать свои дома. Граждане Беларуси осознавали высокую вероятность принудительного вывоза в Германию накануне прихода советских войск, и судьбы лиц, эвакуированных в Беларусь в 1942–1943 гг. и позднее отправленных в рейх, были тому подтверждением. К тому же оккупационным властям не удалось сохранить в тайне свои намерения, что позволило значительной части населения заблаговременно укрыться в лесах. Например, гебитскомиссар Глубокого отмечал, что служащим местной полиции, Белорусской краевой обороны и их родственникам было заранее объявлено об эвакуации, и эта информация стала известна остальным жителям. О том же свидетельствовал и Ниденфюрер, приводя в пример г. Борисов, где с началом эвакуации предприятий большая часть персонала их покинула. В-третьих, план эвакуации был сорван в связи с отсутствием четкого руководства колоннами и недостатком транспортных средств, мобилизованных вермахтом.

Более успешно происходила эвакуация местных воинских формирований и членов их семей, поскольку эти люди опасались возмездия со стороны советских властей. С территории Беларуси на Запад были выведены: Русская освободительная народная армия Каминского – 6 000 чел. и 20 000 их родственников; кавказцы соответственно 1 200 и 2 500 чел.; казаки – 8 200 и 8 000 чел.; полиция службы порядка и бойцы оборонных деревень – 8 000 и 14 000 чел.; полицейские военные формирования – 6 000 и 15 000 чел.; служащие СД – 2 000 и 5 000 чел. Всего было эвакуировано 31 400 немецких пособников и 64 500 их родственников¹³. В общей сложности немцами из генерального комиссариата Беларусь было вывезено 156 700 чел., в том числе членов местных воинских формирований – 107 000; их родственников – 49 700. Как отмечал Ниденфюрер, эта цифра составляла лишь 3,5 % от общего количества населения генерального округа Беларусь в 4,4 млн чел. Из эвакуированных отсюда 10 тыс. чел. гражданского обоза были отправлены на строительство укреплений, 33 700 чел. переданы генеральному уполномоченному по труду.

Значительная заслуга в срыве эвакуационных мероприятий принадлежала партизанам. Спасению граждан Беларуси от истребления и угона было посвящено постановление ЦК КП(б)Б от 21.09.1943 г., которое предусматривало организацию вывода населения в леса и населенные пункты, контролируемые

партизанами, издание листовок и газет для местных жителей, предупреждающих об опасности, сбор продовольствия для эвакуированных, нападения на колонны и освобождение угоняемых. При партизанских отрядах создавались лагеря для гражданского населения, которому угрожал угон или уничтожение¹⁴.

Таким образом, в результате наступления советских войск немецкие оккупационные власти уже с 1942 г. приступили к принудительной эвакуации трудоспособного гражданского населения на Запад. Данная акция преследовала цель ослабить трудовой и мобилизационный потенциал Советского Союза и создать резерв рабочей силы для германской военной экономики. В ходе эвакуационных мероприятий проходила интенсификация трудового использования перемещенной рабочей силы путем создания трудовых батальонов и перевода персонала предприятий на казарменное положение. Несмотря на масштабность проводимой акции, большей части граждан республики удалось избежать угона, эвакуационные планы оккупационных властей были в значительной степени сорваны.

¹ См.: НА РБ. Ф. 4683. Оп. 3. Д. 978. Л. 120.

² См.: НА РБ. Ф. 4683. Оп. 3. Д. 978. Л. 121.

³ См.: ГА Минской области. Ф. 686. Оп. 1. Д. 1. Л. 182.

⁴ См.: ГА Минской области. Ф. 622. Оп. 1. Д. 5. Л. 116.

⁵ См.: НА РБ. Ф. 4683. Оп. 3. Д. 974. Л. 228.

⁶ См.: НА РБ. Ф. 4683. Оп. 3. Д. 932. Л. 149.

⁷ См.: НА РБ. Ф. 4683. Оп. 3. Д. 936. Л. 187.

⁸ См.: НА РБ. Ф. 4683. Оп. 3. Д. 937. Л. 201.

⁹ См.: НА РБ. Ф. 4683. Оп. 3. Д. 937. Л. 217–218.

¹⁰ См.: НА РБ. Ф. 4683. Оп. 3. Д. 937. Л. 201, 203, 205.

¹¹ См.: НА РБ. Ф. 4683. Оп. 3. Д. 971. Л. 217, 226, 228.

¹² См.: Белорусские оstarбайтеры. Угон населения Беларуси на принудительные работы в Германию (1941–1944): Документы и материалы. Мн., 1997. Кн. 2. С. 381.

¹³ См.: НА РБ. Ф. 4683. Оп. 3. Д. 337. Л. 234.

¹⁴ См.: ГА Минской области. Ф. 2270. Оп. 1. Д. 576. Л. 44.

Поступила в редакцию 02.12.2003.

Евгений Александрович Гребень – аспирант кафедры истории Беларуси нового и новейшего времени. Научный руководитель – доктор исторических наук, профессор В.К. Коршук.

А.И. МАХНАЧ

ПРЕДПОСЫЛКИ ФОРМИРОВАНИЯ ЭВОЛЮЦИОННОГО НАПРАВЛЕНИЯ В ЭТНОЛОГИИ

Рассматривается эволюционное направление в западноевропейской этнологической науке второй половины XIX в.; анализируются теоретические и методологические положения концепции эволюционизма, сформулированной британскими учеными Э.Б. Тейлором и Г. Спенсером.

The article considers the evolutionary direction in western European ethnology in the second part of the 19th century. It analyses theoretical and methodological provisions of the conception of evolutionism, which were worked out by British scientists E. Taylor and G. Spencer.

Развитие мировой этнологической науки неразрывно связано с разработкой ее теоретико-методологических основ. Центральное место в истории этнологии принадлежит систематизации и осмыслению эмпирических данных, анализу концепций, изучению их возникновения, генезису и методологии. Концепция эволюционизма, сформулированная британскими исследователями Г. Спенсером и Э.Б. Тейлором, и определила теоретическую направленность этнологической науки на протяжении второй половины XIX столетия. В этой связи представляет интерес выделение комплекса теоретических положений, оказавших влияние на формирование эволюционного направления в этнологической науке.

Г. Спенсер был единственным среди британских эволюционистов, кто принял попытку создания всеохватывающей философской системы, центральным пунктом которой стала идея всеобщей эволюции. Как отмечал Ч. Дарвин, «...законченное философское обоснование теории эволюции принадлежит Г. Спенсеру»¹. Фундаментальные положения эволюционизма Г. Спенсер сформулировал в терминах механики и биологии². «Эволюция есть интеграция вещества, которая сопровождается рассеянием движения и в течении которой вещество пе-

переходит из состояния неопределенной бессвязной однородности в состояние определенной связной разнородности, а сохраненное веществом движение претерпевает аналогичное превращение»³. Как пишет Ю.П. Аверкиева, «...именно Спенсоровское понимание эволюции восторжествовало в этнографической науке конца XIX века»⁴.

Э.Б. Тейлору также принадлежит заслуга в разработке основных положений концепции эволюционизма в европейской науке XIX в. Э.Б. Тейлор и Г. Спенсер считали, что все явления подчинены естественному закону и, следовательно, возможно с помощью определенных логических процедур открыть и доказать существование общего закона эволюции культуры, т. е. вывести некоторые общие положения или формулы, обладающие универсальностью в отношении ее развития.

Э.Б. Тейлор рассматривал эволюционизм как часть общего закона развития природы и считал, что история человечества есть часть или даже частичка истории природы. Э.Б. Тейлор утверждал, что важнейшими элементами этого закона является общее сходство природы человека и общее сходство обстоятельств его жизни. Данным положением, с одной стороны, он объяснял единство развития человечества и его культуры на сходных ступенях, а с другой – считал, что эти ступени являются неизбежными в развитии и каждая из них – не только продукт предыдущего, но и влияет на формирование будущего. Таким образом, он сделал вывод о том, что все народы и все культуры соединены между собой в один непрерывный и прогрессивно развивающийся эволюционный ряд. Но он понимал, что эволюция культуры представляет собой не только независимое, самостоятельное развитие, но и является результатом диффузии. «Цивилизация есть растение... Насколько справедлива аналогия между распространением растений и животных и распространением цивилизации, мы убеждаемся в тех случаях, которые ясно показывают, что в той и в другой области действовали одни и те же причины»⁵.

В стремлении Г. Спенсера, Э.Б. Тейлора сформулировать и доказать существование единого закона эволюционного развития культуры важную роль сыграли этнографические материалы, собранные к середине XIX в. Исторические источники были ограничены хронологически и географически, а археологические позволяли создавать реконструкции только в области материальной культуры. Проанализировав собранный к середине XIX в. этнографический материал, Г. Спенсер, Э.Б. Тейлор получили возможность говорить о прогрессе культуры человека как факте, характерном для всего человечества, находя этому подтверждение на пяти обитаемых континентах – Южной и Северной Америках, Африке, Австралии, Евразии.

Как и другие эволюционисты, Э.Б. Тейлор считал, что все явления культуры – материальные объекты, обычаи, верования – представляют собой такие же виды, как в биологии: «...точно так же как каталог всех видов растений и животных известной местности дает нам представление об ее флоре и фауне, полный перечень явлений, составляющих общую принадлежность жизни известного народа, суммирует собою то целое, которое мы называем его культурой»⁶.

Увлечшись этой идеей, Э.Б. Тейлор в исследовании истории культуры использовал методику, практикуемую биологами: систематизировал культурные явления по их видам, расположил эволюционными рядами от более простых к более сложным и проследил их прогресс – процесс постепенного вытеснения менее совершенных видов более совершенными. Данная методика позволила ученому прийти к выводу, что жизнь некоторых современных обществ может дать представление о социальных институтах, существующих на протяжении палеолита. Другие группы, по его мнению, подходят на типичную неолитическую культуру, третьи – на ранние предгосударственные общества. Письменные источники до середины XIX в. позволяли историкам реконструировать социальные институты древних греков и римлян, эволюционисты же основное внимание уделяли реконструкции социальной истории на протяжении эпох, известных лишь по археологическим материалам. Сравнительный метод дал возможность эволюционистам значительно расширить хронологические границы исследования социальной истории человечества, но единственно возможным способом ее изучения на тех стадиях, которые не могут быть подтверждены историческими данными, являет-

ся гипотетическая реконструкция, которая с помощью сравнительного метода доказывалась эволюционистами этнографическим материалом. Сравнительный метод был необходим им не для доказательства существования в культуре универсальных законов эволюции, а для подтверждения того, что эта эволюция была процессом, в ходе которого человеческое общество проходило через ряд стадий или фаз⁷.

В доказательство существования единых для всего человечества стадий культуры в британской этнологии сформировалось эволюционное направление, сторонниками которого стали Э.Б. Тейлор, Г. Спенсер, Дж. Мак-Леннон, Дж. Леббок и др. Ими был выдвинут ряд теорий, среди которых наибольшую популярность приобрели история брачно-семейных отношений и история религиозных верований.

В европейской этнологической науке в области реконструкции брачно-семейных отношений стал известен англичанин Дж. Мак-Леннон. В своем сочинении «Первобытный брак» он предложил схему развития брака, определив характер всех последующих исследований в этом направлении на протяжении второй половины XIX – начала XX в. Первобытная человеческая группа представлялась Дж. Мак-Леннону «беспорядочной ордой». В такой ситуации наиболее ранней формой сексуальных отношений он считал «промискуитет», который характеризовался отсутствием на начальных стадиях развития человечества каких-нибудь длительных индивидуальных связей между мужчинами и женщинами. Идея об отсутствии брака в отмеченный период была высказана еще раньше Дж. Мак-Леннона австрийским исследователем И. Бахофеном, но не заслужила внимания исследователей⁸. И. Бахофен начальную стадию существования половых отношений представлял как «гетеризм» (термин позаимствован у древних греков, которым они называли отношения женатых или холостых мужчин с незамужними женщинами)⁹. Дж. Леббок сформулировал тезис о коммунальном или общинном браке, где, как он отмечает, все мужчины и женщины каждой небольшой общины считались в супружестве между собой¹⁰. Характеризуя промискуитет, Г. Спенсер отмечает, что «беспорядочное половое сожитие может быть рассмотрено как неопределенное многомужество (полиандрия) в соединении с неопределенным многоженством (полигиния)»¹¹.

Для обоснования перехода от промискуитета к более поздним формам брака Дж. Мак-Леннон отмечал одну из причин данного процесса – убийство девочек в группе вследствие нехватки пищи. Такая ситуация привела к уменьшению числа взрослых женщин и, как следствие, полиандрии – браку одной женщины с несколькими мужьями. Наиболее ранней формой полиандрии является такая, когда мужья (не родственники между собой) и общая жена остаются в родительском доме, где и общаются. Позднейшая форма проявляется в том, что мужья (братья между собой) берут жену к себе в дом. Пережитком этой формы полиандрии является левират, т. е. обязательство деверя жениться на жене покойного брата. Другим последствием недостатка женщин стало их похищение из другой группы, что со временем отразилось на предубеждении против эндогамных браков внутри собственной группы¹².

Реконструируя историю брачно-семейных отношений, британские эволюционисты подняли вопрос о происхождении родства на ранних стадиях развития. Характеризуя стадию промискуитета, Дж. Мак-Леннон говорит о системе родства через женщину и при этом отмечает невозможность точно определить отца ребенка. Когда женщина переходит в группу своих мужей, являющихся братьями, дети, рожденные на этой стадии, ей и принадлежат, но, как считает Дж. Мак-Леннон, появляется система родства по мужской линии и дети становятся наследниками в семье мужей их матери. Дж. Мак-Леннон считал, что родство через женщин существовало среди населения австралийского и американского континентов, а также среди островитян Тихого океана.

Вторым направлением развития эволюционизма можно назвать исследование происхождения и развития религиозных верований на ранних стадиях культуры, значительным вкладом в которое стала концепция «анимизма», сформулированная Э.Б. Тейлором в своем сочинении «Первобытная культура». Анимизм – вера в ду-

шу, составляющая основу мышления как дикарей, так и цивилизованных народов. Духовные существа создавались воображением человека по образцам его первобытных понятий о своей человеческой душе, а духи нужны были ему для объяснения явлений природы. Характеризуя анимизм, Э.Б. Тейлор не принимает положения Дж. Леббока о стадии атеизма и отмечает, что исходя из определения религии как «верования в верховное божество или суд после смерти, поклонение идолам, обычаев жертвоприношения или других каких-либо более или менее распространенных учений или обрядов, то конечно придется исключить многие племена из раздела религиозных». При этом ученый отмечает, «...что верование в духовных существ обнаруживается у всех примитивных обществ. Сведения же об отсутствии такого верования относятся к более или менее неполно описанным современным народам»¹³.

Опираясь на метод пережитков, Э.Б. Тейлор не строит твердо сменяющихся схем, как у Дж. Леббока и Г. Спенсера. Представления о душе, по его мнению, являются наиболее ранними, но они существуют до сих пор у цивилизованных народов как «развитый продукт более древней и грубой системы», т. е. как пережитки сохранились неизменными до современных учений профессоров богословия. Так, анализируя представления человека о загробной жизни, Э.Б. Тейлор отмечает, что наиболее ранней формой этих верований является идея о переселении душ и ее самостоятельном существовании, в то время как на цивилизованной стадии появляется нравственное христианское учение о возрождении.

Исследуя развитие анимизма, Э.Б. Тейлор отмечает, что он характеризует племена, стоящие на весьма низких ступенях развития человечества, он подымается отсюда без перерывов, но глубоко видоизменяется при переходе к высокой современной культуре. «Анимизм в его полном развитии включает верования в управляющие божества и подчиненных им духов, в душу и будущую жизнь, верования, которые переходят на практике в действительное поклонение». Эволюцию анимизма сам Э.Б. Тейлор видел так: «...анимизм дикарей, основанный на учении о душах, развитом у них в гораздо более широком масштабе, чем в цивилизованном мире, и развернутом в еще более обширное учение о духовных существах, которые оживляют вселенную и управляют ею во всех ее частях – этот анимизм становится мало-помалу теорией олицетворенных причин, переходящей в общую философию человека и природы»¹⁴. Ранняя стадия анимизма ограничивается представлениями человека о том, что составляет разницу между живым и мертвым телом, является причиной бодрствования, сна, экстаза, болезни и смерти. Из представлений о душе, связанной с человеком, развились представления об отдельно существующих духах, ставших олицетворением природных стихий, растений и животных. Исходя из вышеизложенного, Э.Б. Тейлор отмечает прямую связь с политеистическими представлениями о пантеоне богов, олицетворяющих силы природы, и, наконец, монотеистической верой в единого бога. Э.Б. Тейлор считал, что развитие анимизма привело к возникновению фетишизма – учения о духах, воплощенных в тех или иных предметах, и появлению тотемизма – веры человека в родственную связь с животными или растениями.

На основе гипотез, предложенных Дж. Мак-Ленноном, Дж. Леббоком, Э.Б. Тейлором, Г. Спенсером и другими учеными, появилось множество эволюционных схем. Наиболее несостоятельные из них с течением времени были устранены из обращения, наиболее противоречивые стали предметом острых обсуждений и дали этнологической науке ряд формулировок и понятий, которые являются актуальными и по сей день.

Таким образом, в основу концепции эволюционизма была положена гипотеза о существовании универсального закона развития культуры человечества. В философском доказательстве существования общего закона эволюции культуры имели значение два теоретических положения, сформулированных Э.Б. Тейлором и Г. Спенсером. Они считали, что развитие культуры является частью общей эволюции развития природы. Второе положение следовало из первого и заключалось в признании универсальности культуры человечества независимо от интеллектуальных, психологических, физических и расовых способностей.

В доказательстве существования развития культуры человечества сложились основные предпосылки формирования эволюционного направления в этно-

логии. Признание эволюционного развития культуры как части соответствующего процесса в природе позволило эволюционистам перенести научные методы, применяемые в биологии и геологии, на исследование эволюционных процессов в культуре, основным из которых стал сравнительный метод. Он позволил реконструировать стадии развития культуры, которые не могут быть подтверждены историческими данными. Основным источником доказательства существования изменений в культуре человечества стал этнографический материал, собранный ко второй половине XIX в. Единственно возможным способом изучения эволюции человечества на тех стадиях, которые не могут быть подтверждены историческими данными, стала гипотетическая реконструкция. Эволюция социальных институтов проходила через стадии развития брачно-семейных отношений от таких широких форм сексуальных и кровнородственных отношений, как промискуитет, групповой брак, гетеризм, полиандрия, полигамия, к моногамному браку. В развитии родовой организации эволюционисты выделили две стадии развития – матриархальную и патриархальную. Эволюция религиозных верований проходила через такие формы верований, как анимизм, фетишизм, тотемизм, полидемонизм и политеизм, к монотеизму. Таким образом, основой эмпирического подтверждения развития культуры человечества стало доказательство ее эволюции как процесса, в ходе которого человеческое общество проходило через ряд стадий или фаз. Эволюционисты обосновали две генеральные реконструкции развития социальных и духовных институтов человечества.

¹ Аверкиева Ю. П. История теоретической мысли в американской этнографии. М., 1979. С. 8.

² См.: Лимаренко А. П., Г. Спенсер. Социология: энциклопедия. Мн., 2003. С. 1081.

³ Спенсер Г. Основания социологии. СПб., 1876. Т. 1. С. 237.

⁴ Павленко Ю. В. Герберт Спенсер как последний западноевропейский философ-энциклопедист (вступительная ст.) // Спенсер Г. Синтетическая философия в сокращенном изложении Говарда Коллинза. Киев, 1997. С. 8.

⁵ Тайлор Э. Б. Первобытная культура / Пер. с англ. М., 1989. С. 23.

⁶ Там же. С. 23.

⁷ Рэдклифф-Браун А. Р. Метод в социальной антропологии. М., 2001. С. 415.

⁸ См.: Косвен М. О. Матриархат. М.; Л., 1948. С. 151.

⁹ См.: Косвен М. О. И. Я. Бахофен и русская наука // Советская этнография. 1946. № 3. С. 155.

¹⁰ См.: Леббок Дж. Начало цивилизации. СПб., 1875. С. 66.

¹¹ Спенсер Г. Указ. соч. С. 709.

¹² См.: Mac-Lennan J. F. Studies in ancient history. Comprising a report of primitive marriage. London, 1876. P. 110–161.

¹³ Тайлор Э. Б. Указ. соч. С. 210.

¹⁴ Там же. С. 452.

Поступила в редакцию 30.08.2004.

Алексей Иванович Махнач – преподаватель кафедры этнологии, музеологии и истории искусств. Научный руководитель – кандидат исторических наук, доцент П. В. Терешкович.

А. П. САЛЬКОВ

СССР И ПРОБЛЕМА ЮЖНОЙ ДОБРУДЖИ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ 30–40-х гг. XX в.

Исследуется болгаро-румынский национально-территориальный конфликт в Южной Добрудже в 30–40-е гг., принципы и способы территориального урегулирования в Карпато-Дунайском бассейне, роль и национальные интересы Советского государства.

The article analyses the national territorial conflict in Southern Dobrudja between Bulgaria and Romania in the thirties-forties of the XX century, the ways and principles of territorial settlement in the Danube-Black Sea region, the role and interests of the State of Soviet power.

По Сан-Стефанскому миру и по Берлинскому трактату (1878) Южная Добруджа отошла к Болгарскому княжеству, Румыния получила Северную Добруджу. После второй Балканской войны Болгария лишилась по Бухарестскому миру (10 августа 1913 г.) в пользу Румынии двух участков Южной Добруджи – Дуростора (Силистры) и Калиакры площадью 7,5 тыс. кв. км с населением 300 тыс. чел. Однако во время Первой мировой войны Болгария в 1916 г. оккупировала всю Добруджу. По румыно-германскому сепаратному миру в мае 1918 г. Южная Добруджа

была закреплена за Болгарией. Мирный договор с Болгарией в Нейи-сюр-Сен (27 ноября 1919 г.) отдал Румынии всю Добруджу и прилегающие территории площадью свыше 11 тыс. кв. км. В межвоенный период Болгария вынашивала планы территориальной ревизии.

В конце 30-х гг. проблемы юго-востока Европы выдвинулись на передний план европейской политики. В справке II Западного отдела НКВД СССР «Дунайская проблема» от 16 июня 1939 г. отмечалось, что продвижение Германии вниз по Дунаю со стремлением поставить придунайские страны «под экономический, политический и военный протекторат» становится важной европейской проблемой, причем в прямой связи с ней находится возникновение «завтрашней мировой войны»¹.

В Болгарии имелось представление о послевоенной общности судеб с Венгрией как о двух странах, «одинаково тяжело пострадавших и территориально и материально», главным образом, от Румынии. В марте 1939 г. крайне правый Всеболгарский союз «Отец Паисий» расклеил по всей Софии воззвание о возврате Южной Добруджи. Как писал болгарский официоз «Днес», 30 мая «Южная Добруджа стала психозом». Председатель Народного собрания С. Мошанов в интервью газете «Пти Паризьен» указывал, что край был житницей страны, давая 16 % хлебного болгарского производства и только 1 % – румынского. Передовица в газете «Слово» за 30 августа 1939 г. развернула целую программу присоединений в пользу Болгарии (румынская Добруджа, греческая Западная Фракия, турецкая Восточная Фракия, югославская Западная Македония) и Венгрии (румынские Трансильвания и Банат, югославская Хорватия)². Проблема Добруджи увязывалась с пока еще румынской Бессарабией. Советское полпредство сообщало из Софии, что в болгарской прессе «речь идет не только о возвращении Добруджи, но упоминается о... "болгарской Бессарабии"», а в радиопередачах ставился вопрос о «задунайских» болгарях, насчитывающих 350 тыс. чел. в Бессарабии и 180 тыс. чел. на Украине. (Газета «Празнични вести» называла 29 июля 1940 г. более здравую цифру – 7 % болгар в бессарабском населении³.)

В Москве считали, как следует из письма наркома иностранных дел СССР М.М. Литвинова советскому полпреду в Лондоне И.М. Майскому 11 апреля 1939 г., что Англия ошибочно рассчитывала на готовность Румынии отказаться от Южной Добруджи ввиду опасности со стороны Германии и Венгрии. Сама же Англия затеяла игру с предоставлением гарантий Польше и Румынии. К апрелю на западной румынской границе Венгрия сконцентрировала 300 тыс., а на южной – Болгария 100 тыс. войск. 13 апреля Румыния все же получила английские гарантии, над которыми Гитлер откровенно издевался в разговоре с румынским министром иностранных дел Г. Гафенку. Посетив после Берлина Лондон, он высказывался там о большой опасности для Румынии любых территориальных уступок Болгарии⁴.

Политические отчеты советских полпредств в Софии и Берлине за 1939 г. особо отметили визит премьер-министра Болгарии Г. Кыосейванова в Берлин в июле. Болгары убедились, что Германия «платонически поддерживает территориальные притязания Болгарии», открыто заявляя, что «Добруджа неоспоримо является болгарской землей». «Фёлькишер Беобахтер» писал 5 июля, что в ходе попыток Англии вовлечь Болгарию в Балканскую Антанту София «вспомнила о том, что именно Англия являлась той страной, которая раньше всегда препятствовала разрешению болгарских территориальных притязаний по отношению к Греции и Румынии». В справке Ближневосточного отдела НКВД «О посещении Кыосейвановым Берлина» от 15 июля отмечались обещания немцев помочь с возвратом Добруджи и Западной Фракии. Москва начала проявлять повышенный интерес к Болгарии. Ее парламентская делегация была радушно принята в августе новым наркомом В.М. Молотовым, который категорически высказался за возвращение Южной Добруджи⁵.

Советско-германский пакт о ненападении 23 августа 1939 г. вначале вызвал в Болгарии, как сообщал временный поверенный в делах СССР Н.И. Прасолов, «недоумение и растерянность». Однако правые круги были от «такого сближения в восторге». Болгарский посланник Н. Антонов на приеме у зам. наркома В.Г. Деканозова 4 сентября выразил удовлетворение Софии пактом и советским пони-

манием болгарской заинтересованности «в положительном разрешении вопроса о Добрудже». С нападением Германии на Польшу Болгария, как сообщал 6 сентября Прасолов, решила проводить «политику резервирования и лавирования» и только 16 сентября заявила о нейтралитете. 17 сентября «с небывалым подъемом и ликованием» в стране было встречено известие о переходе Красной Армией польской границы⁶.

В новой обстановке усилились надежды Софии добиться Добруджи с помощью Москвы и Берлина. Для этого, как выразился болгарский посланник в Берлине П. Драганов в разговоре с советским полпредом А.А. Шкварцевым 25 сентября, «достаточно советскому полпреду в Бухаресте поугарить румын примером Польши». В Бухаресте появление советских войск на бывшей польско-румынской границе было встречено с тревогой. На новую румыно-советскую границу были посланы три армейских корпуса. Часть этих войск была перебросена из Добруджи⁷. Вместе с тем министр труда Румынии М. Раля уже 29 сентября неофициально высказывал мнение, что Болгария должна получить «свое удовлетворение территориального порядка». Демонстрируя сближение с СССР, София хотела убедить Румынию в необходимости уступок. На этом фоне Болгария еще и лавировала между двумя силами: англо-французской и итапо-германской. Однако она не могла ввязаться в вооруженный конфликт в условиях войны в Европе. Этому мешала не только военная слабость Болгарии, но и позиция Германии, которая в случае войны в Дунайском бассейне лишилась бы огромного сырьевого рынка. У Болгарии оставался другой путь – дипломатическая торговля с соседями об уступках и игра с великими державами, заинтересованными в том или ином поведении Болгарии. Он и был избран Софией⁸.

Осенью 1939 г. Болгария уклонялась от заключения с СССР договора о дружбе. Кюсейванов на встрече с советским полпредом в Болгарии (сентябрь 1939 г. – июнь 1940 г.) А.И. Лаврентьевым 3 ноября 1939 г. отклонил такую перспективу, так как договор якобы мог «ускорить войну на Балканах» и «мы не знаем планов Советского Союза относительно Балкан». Одновременно муссировался план создания нового Балканского блока, за всеми комбинациями которого, как записал Майский в дневнике 9 ноября, стояла Англия, которая, «как всегда, играет на две руки... Выжидает и сидит на заборе. В определенный момент сделает выбор». Москва прояснила позицию Болгарии – нежелание входить в любые блоки и требование границ 1913 г. При этом наиболее вероятной, если не максимальной, уступкой для Софии могла быть Южная Добруджа. Румынская же сторона неофициально заявляла, что «никогда не уступит Болгарии Добруджи, а может только обменять население»⁹.

С апреля 1940 г. София начала подготовку возврата Добруджи. Однако позиция Болгарии отличалась неким политическим потребительством. Венгерский посланник в Берлине Д. Стояи сообщал в Будапешт, что в середине июня болгарский посланник П. Драганов во время беседы с госсекретарем Германии Э. Вайцеккером «весьма резко высказался». Он заявил, что после краха Версальской системы Германия «морально обязана» содействовать союзникам в возвращении потерянных территорий и что будет «бесчестно, если она этого не сделает». Госсекретарь парировал, не думает ли Драганов, что «немцы уже могут командовать самим господом богом». Болгария рассчитывала, что следовало из беседы советского полпреда в Турции А.В. Терентьева с болгарским посланником С. Кировым 20 июня, получить награду и за свой нейтралитет в начавшейся войне – Южную Добруджу и выход к Эгейскому морю. Как заключил Терентьев, Болгария надеется, что Германия «подарит ей все принадлежавшие ранее территории». В дипломатических кругах Анкары имелось мнение: «Болгария способна сейчас полностью ввалиться в объятия Германии»¹⁰.

На фоне военного краха Франции и бессарабского кризиса Болгария решилась на практические шаги. Накануне советизации Бессарабии царь Борис предупредил Берлин, что вслед за этим в Болгарии начнутся массовые выступления за возвращение Добруджи. Болгария же во избежание опасности просоветского переворота должна иметь на сей счет хотя бы германские обещания, иначе новый режим может получить край уже из рук Москвы. Посланник США в Софии

Д. Эрл после встречи с министром иностранных дел Болгарии И. Поповым в конце июня докладывал о безусловной справедливости болгарских требований. В начале июля СССР уведомил Болгарию о поддержке ее претензий на Южную Добруджу. Британский посланник в Болгарии Дж. Ренделл вслед за этим также заявил Попову о признании Лондоном болгарских прав на Добруджу, досадуя, что Англия не возвратила ее Болгарии еще два года назад. В письме румынскому королю Каролю 15 июля 1940 г. Гитлер дал ему совет договориться на разумной основе и с Болгарией, и с Венгрией¹¹.

Решающее значение в судьбе края имели встречи Гитлера в Зальцбурге – 26 июля 1940 г. с румынским премьером И. Джигурту и 27 июля – с болгарским премьером Б. Филовым, который записал в дневнике, что Германия отказалась от идеи арбитража и «может только советовать и помогать на переговорах». Филлов считал добруджанский вопрос «более легким» по сравнению с трансильванским, так как болгары «не будут торговаться и хотят лишь то, что у них вымогательски отняли в 1913 г. без боя»¹². В Зальцбурге Румыния из уст Риббентропа услышала, что Германия считает требования Болгарии и Венгрии к ней «полностью оправданными», так как после 1918 г. Румыния стала «неестественно большой» и тем самым нарушила соотношение сил на Балканах¹³. Москва очень интересовалась встречами. В беседе Молотова с Шуленбургом 31 июля было выяснено, что Германия отказалась от роли арбитра и посоветовала Бухаресту уступить Южную Добруджу. Справедливость претензий болгар признавала и Турция. Болгария была довольна позицией Москвы. Речь Молотова на сессии Верховного Совета СССР была полностью напечатана 2 августа во всех утренних болгарских газетах. Попов сообщил советскому полпреду в Болгарии (июнь 1940 – сентябрь 1944) А.А. Лаврищеву, что Болгария на переговорах с Румынией «хочет рассчитывать на... моральную поддержку» СССР¹⁴. Еще в июле 1940 г. болгарский посланник в Будапеште Точев допускал, что в случае арбитража между Румынией и Болгарией София попросит именно СССР быть арбитром, так как он публично поддержал болгарские требования, поместив 12 августа в «Правде» и «Известиях» статью «Южная Добруджа». Новый румынский посланник в Москве Гафенку имел 14 августа встречу с Деканозовым. В советской записи беседы отмечено, что Румыния ведет переговоры о Добрудже «в духе примирения и доброй воли», в румынской – что переговоры устранят «некоторые недоразумения с Болгарией». 15 августа болгарская печать была полна откликов на упомянутую статью¹⁵.

Переговоры в Крайове по проблеме Добруджи шли 19 августа – 7 сентября 1940 г. Уже в день их открытия Манойлеску заметил Лаврентьеву: «...вопрос можно рассматривать как урегулированный». В письме последнего Молотову 23 августа объяснялись причины румынской сговорчивости: Южная Добруджа «относительно невелика» по сравнению с Трансильванией, Москва и Берлин поддержали Болгарию. Острые дискуссии вызвал лишь обмен населением. Больше же всего Румыния боялась худшего – ликвидации своей государственности. Гафенку в отчете Манойлеску 26 августа опасался, не смирятся ли немцы под давлением русских «с возможностью разделить нашу страну – как Польшу – до Карпат?». Слухи об этом были особенно упорными накануне Венского арбитража и касались якобы занятия Красной Армией не только всей Молдавии до р. Сирет, но и Северной Добруджи. Перед вступлением первых немецких частей в Румынию (12 сентября) волна слухов повторилась¹⁶.

Решение второго Венского арбитража 30 августа 1940 г. о передаче Северной Трансильвании Венгрии вызвало в Румынии кризис, приведший к отречению Кароля II и приходу к власти И. Антонеску. Венгрия была удручена чрезвычайно невыгодной границей и фактическим ухудшением стратегического положения. Москва, узнавшая о венских решениях из газет, впала в состояние тихого бешенства, а последствия ее раздраженности сказывались вплоть до советско-германской войны¹⁷.

На фоне такого накала переговоры в Крайове прекратились. Филлов и Попов, потеряв терпение, были близки к решению о мобилизации и вторжении. Однако по соглашению в Крайове от 7 сентября Румыния возвратила Болгарии Южную

Добруджу, названную румынами Кадрилатера («Четырехугольник»). Соглашение и протокол к нему новую линию болгаро-румынской границы «в секторе между Дунаем и Черным морем» проводили «от Дуная непосредственно под Силистрой до Черного моря в 8 км южнее Мангалии». Граница объявлялась «окончательной и вечной», стороны обязывались «никогда не предъявлять претензий территориального характера» друг другу. В результате обмена населением 60,5 тыс. болгар переселились из Северной в Южную Добруджу, а 6 тыс. румынских колонистов уехали на родину¹⁸.

Крайовское решение вызвало общенациональный праздник. 8 сентября объявляется всеобщая амнистия. Филев на пресс-конференции 9 сентября выразил Германии и Италии признательность за помощь. Болгарский посланник И. Стаменов на приеме у Молотова 10 сентября передал всего лишь благодарность за «моральную поддержку Болгарии в деле с Южной Добруджей». Молотов заметил, что читал речь Филова, отметившего только Германию и Италию. Стаменов почти оправдывался тем, что Германия «проявила инициативу в этом вопросе». Даже сдержанная благодарность Москве вызвала раздражение в Берлине, который потребовал учитывать не только германские интересы, но и германскую чувствительность¹⁹. 10 сентября в Варне состоялось факельное шествие с прославлением Гитлера и Муссолини. Борис 14 сентября принял германского и итальянского послов. 21 сентября болгарские войска вступили в край. Филев в парламенте заявил, что «без Зальцбурга не было бы и Крайовы». 6 октября в административном центре Добриче, вслед за Софией, прошли торжества по случаю присоединения двум улицам имен Гитлера и Муссолини²⁰.

Проблема Добруджи имела отзвук в международных событиях. Молотов в беседе со Стаменовым 18 ноября 1940 г. жестко зондировал вопрос о советских гарантиях безопасности Болгарии. В ходе «миссии А.А. Соболева» София получила 25 ноября предложение заключить договор о взаимопомощи. За это СССР был готов поддержать ее требования о возврате Адрианопольской области и Западной Фракии с Эгейским побережьем. Крупный политический деятель А. Цанков пишет в мемуарах и об обещании румынской Северной Добруджи, но это не соответствовало действительности. Несмотря на страх перед Москвой, София отказалась от обоих предложений. Как отмечал Филев в дневниковых записях, на первое «решили ответить отрицательно», второе же «отвергли в принципе»²¹. В ответе, переданном Поповым Лаврищеву 30 ноября, были обойдены острые углы, но подчеркивалось мирное исправление «несправедливости» в Нёйи, чему имелся «хороший пример – разрешение вопроса о Южной Добрудже». Секретный бюллетень Верховного командования вермахта от 16 декабря 1940 г. сообщал о твердой убежденности Софии в удовлетворении ее претензий «на выход к Эгейскому морю без болгарского военного участия». Драганов в беседе с Деканозовым 18 февраля 1941 г. в Берлине лгисто подчеркнул, что возвращение Добруджи «стало возможным только после занятия советскими войсками Бессарабии. Таким образом, Советский Союз косвенно помог Болгарии осуществить свои стремления». Югославский посланник в Румынии А. Авакумович на встрече с Лаврентьевым 12 марта 1941 г. заметил, что присоединение Болгарии к немецкой политике было «заранее решено, еще в то время, как ей отдали Добруджу»²².

Осенью 1940 г. в Болгарии началась шовинистическая кампания вокруг Македонии. В этой связи генсек КПЮ И.Б. Тито написал в декабре статью, в которой отметил, что София, «ободренная присоединением Южной Добруджи», начала подготовку к захвату Фракии и Македонии²³. Болгарский публицист П. Киранов в очерке «Обзор экономического и политического положения Болгарии», направленном советской миссией в НКВД 26 мая 1941 г., подметил важный аспект: после выхода СССР на Дунай Германия «сделала жест по поводу Южной Добруджи (только Южной)». Тем самым для Болгарии была «избегнута возможность создания общей границы с СССР», и она еще в Крайове «неразрывно связала себя с державами оси»²⁴.

Соперничество за Болгарию и преобладание на Балканах было бездарно проиграно Москвой Берлину²⁵. 1 марта 1941 г. Болгария присоединилась к Трой-

ственному пакту. Этот шаг мотивировался в том числе и возвратом Южной Добруджи. Подчеркивалось, что Германия «приняла идею урегулирования и внесла свой вклад» в ее реализацию. Участвуя в оккупации Югославии и Греции весной 1941 г., Болгария захватила 41,2 тыс. кв. км «новых земель» в Македонии и Западной Фракии с населением 1 733 тыс. чел.²⁶ Конфликт в Южной Добрудже в контексте болгарской политики 1939–1941 гг. получил освещение в болгарской и российской историографии²⁷.

В новых геополитических условиях начавшейся советско-германской войны Москва обрела абсолютную адекватность в оценке своего влияния на Болгарию. В ответ на письмо Димитрова Сталину от 2 августа 1941 г., в котором сообщалось, что «поставлен конкретно» вопрос о восстании против царя Бориса, и содержался запрос, «как и в каких размерах СССР может оказать помощь в случае восстания в Болгарии», был сформулирован категорический и отрезвляющий отказ: «Пока мы не можем оказать никакой помощи. Попытка к восстанию будет провокацией»²⁸.

В концептуальных советских программах послевоенного урегулирования Добруджа упоминалась редко. В справке о Румынии Отдела балканских стран НКВД (датирована 1943 г.) отмечалось, что Бухарест претендует на возвращение Южной Добруджи. Причем румынская статистика говорила о 37 % болгар в общей численности населения края, а болгарская – лишь о 2 % румын²⁹. Масштабная записка зам. наркома иностранных дел И.М. Майского Молотову о послевоенном устройстве от 10 января 1944 г. указывала, что вопрос о границе между Болгарией и Румынией «должен быть разрешен в соответствии с интересами СССР»³⁰.

После объявления СССР 5 сентября 1944 г. войны Болгарии взгляд Москвы на проблему края не изменился. Вместе с тем ГлавПУ РККА информировал Димитрова об отношении его населения к приходу Красной Армии. Оно отличалось особой консервативностью, южнодобруджанцами были укомплектованы болгарские войска в Югославии³¹. Командующий 3-м Украинским фронтом генерал армии Ф.И. Толбухин докладывал в Ставку, что войска фронта 8 сентября перешли «новую болгаро-румынскую границу». В руководстве БРП(к) также использовали термин «добруджанская болгаро-румынская граница». ГлавПУ РККА сообщал в ЦК ВКП(б) 30 сентября, что болгарское население края относится к Красной Армии сдержанно, считая, что «немцы сделали для них благое дело», присоединив к Болгарии. Имелись опасения, «как бы Красная Армия не пересмотрела вновь этот вопрос». Показательно, что на приеме у Молотова 29 октября министр иностранных дел Болгарии П. Стайнов зондировал, не предвидится ли создание советско-болгарской границы³².

В предварительных условиях перемирия с Болгарией от 11 октября и Соглашении о перемирии от 28 октября 1944 г. Южная Добруджа не упоминалась³³, так как она не была захвачена, подобно Македонии и Фракии, и не была получена в результате арбитража фашистских государств, подобно Трансильвании. Крайовское соглашение формально представляло собой двусторонний болгаро-румынский документ.

Примечателен генезис взглядов по проблеме Добруджи такой знаковой фигуры, как министр иностранных дел Румынии Г. Татареску. В беседе с Молотовым 13 октября 1946 г. он говорил лишь о договоре о взаимопомощи с СССР и Болгарией. На встрече с зам. председателя СКК в Румынии И.З. Сусайковым 10 марта 1947 г. Татареску уже считал, что советско-румынские отношения нужно «дооформить, доорганизовать» путем заключения союза между двумя странами, а также с соседями Румынии, включая Болгарию. Он затронул проблему Южной Добруджи: «...вопрос этой земли для нас совершенно ясен: она принадлежит Болгарии», но Крайовский диктат, подобно Венскому, нужно упразднить, ибо это «документ Гитлера, Антонеску и царя Бориса». Для этого Татареску предлагал «составить новый договор между нами и болгарскими, по которому мы добровольно уступаем им Южный Кадрилатер»³⁴.

Мирные договоры, подписанные с Болгарией и Румынией 10 февраля 1947 г., содержали положения, что границы обеих стран «будут такими, как они существо-

вали на 1 января 1941 г.» (за двумя исключениями в румынском договоре – на трансильванском и бессарабско-буковинском участках границы)³⁵. Это решение ставило точку в болгаро-румынском споре из-за Южной Добруджи, долго остававшимся в тени более масштабных и ожесточенных национально-территориальных конфликтов.

¹ Архив внешней политики РФ (АВП РФ). Ф. 74. Оп. 19. П. 9. Д. 10. Л. 96.

² См.: Там же. Ф. 74. Оп. 19. П. 9. Д. 6. Л. 81, 93–94, 144; Д. 7. Л. 54.

³ См.: Там же. Оп. 19. П. 9. Д. 6. Л. 14, 34; Оп. 20. П. 11. Д. 22. Л. 68-а.

⁴ См.: Год кризиса, 1938–1939. Документы и материалы: В 2 т. Т. 1. 29 сентября 1938 – 31 мая 1939. М., 1990. Док. 266. С. 378; Док. 303. С. 412; Документы внешней политики (далее – ДВП). 1939. Т. XXII. Кн. 1. Январь – август. М., 1992. Док. 210. С. 265; Док. 212. С. 266–267; Док. 266. С. 325.

⁵ См.: АВП РФ. Ф. 74. Оп. 19. П. 9. Д. 11. Л. 39; ДВП. Т. XXII. Кн. 2. Док. 904. С. 466; Док. 905. С. 481; Валева Е. Л. Болгария в советско-германских противоречиях на Балканах // Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. 1939–1941 гг. М., 1999. С. 368–369.

⁶ См.: ДВП. Т. XXII. Кн. 1. Док. 491. С. 643; Кн. 2. Док. 538. С. 23–24; Док. 550. С. 34–35; Док. 603. С. 99–100.

⁷ См.: Бессарабия на перекрестке европейской дипломатии. Документы и материалы. М., 1996. Разд. 7. Док. 2–4. С. 335–337; Док. 7. С. 338; ДВП. Т. XXII. Кн. 2. Док. 633. С. 129; Док. 638. С. 132–133.

⁸ См.: Советско-румынские отношения 1917–1941. Документы и материалы (далее – Советско-румынские отношения): В 2 т. Т. 2. 1935–1941. М., 2000. Док. 129. С. 255; ДВП. Т. XXII. Кн. 2. Док. 904. С. 468, 470.

⁹ См.: Советско-болгарские отношения и связи. Документы и материалы: В 3 т. Т. I (ноябрь 1917 г. – сентябрь 1944 г.). М., 1976. Док. 510. С. 468; ДВП. Т. XXII. Кн. 2. Док. 768. С. 278–279; Док. 771. С. 281–282; Док. 773. С. 285; Док. 783. С. 299; Док. 804. С. 328; Примеч. 264. С. 627.

¹⁰ Венгрия и вторая мировая война. Секретные дипломатические документы из истории кануна и периода войны. М., 1962. Док. 113. С. 194; ДВП. 1940 – 22 июня 1941. Т. XXIII. Кн. 1. Январь – октябрь 1940. М., 1995. Док. 211. С. 359.

¹¹ См.: Akten zur Deutschen Auswärtigen Politik 1918–1945. Serie D. Bd. X. Frankfurt am M., 1963. S. 46, 183; Болгария в XX веке: Очерки политической истории. М., 2003. С. 240–241.

¹² Филов Б. Дневник. София, 1990. С. 206–209.

¹³ См.: Documents on German Foreign Policy, 1918–1945 (DGFP). Series D. Vol. XI: The War Years. September 1, 1940 – January 31, 1941. Washington, 1960. P. 301–303.

¹⁴ См.: ДВП. Т. XXIII. Кн. 1. Док. 291. С. 466–467; Док. 296. С. 471; Док. 357. С. 563.

¹⁵ См.: Трансильванский вопрос. Венгеро-румынский территориальный спор и СССР. 1940–1946 гг. Документы российских архивов (далее – Трансильванский вопрос). М., 2000. Док. 12. С. 50; Док. 17. С. 61; Советско-румынские отношения. Т. II. Док. 191. С. 354; Док. 192. С. 356; АВП РФ. Ф. 74. Оп. 20. П. 11. Д. 22. Л. 68-а.

¹⁶ См.: Советско-румынские отношения. Т. II. Док. 198. С. 365; Док. 213. С. 393; Трансильванский вопрос. Док. 18. С. 65; Док. 27. С. 92; ДВП. Т. XXIII. Кн. 1. Док. 329. С. 522; Док. 342. С. 539.

¹⁷ Подробней см.: Сальков А. П. Трансильванский вопрос в политике СССР в Юго-Восточной Европе (1939–1941) // Актуальные проблемы славянской истории XIX и XX веков: К 60-летию профессора Московского университета Г. Ф. Матвеева. М., 2003. С. 279–319; Он же. СССР и второй Венский арбитраж: дипломатические оценки результатов и последствий // Белорусский журнал международного права и международных отношений. 2003. № 3. С. 60–66.

¹⁸ См.: Сирков Д. Вышната политика на България. 1938–1941. София, 1979. С. 236; Сборник на международни актове и договори. София, 1948. С. 583–585; Валева Л. Б. Болгарский народ в борьбе против фашизма (накануне и в начальный период Второй мировой войны). М., 1964. С. 154–155.

¹⁹ См.: ДВП. Т. XXIII. Кн. 1. Док. 371–372. С. 590–591; Сирков Д. Цит. съч. С. 239–240.

²⁰ См.: АВП РФ. Ф. 74. Оп. 20. П. 10. Д. 5. Л. 26, 43; П. 11. Д. 22. Л. 69–70.

²¹ См.: Коминтерн и Вторая мировая война. Документы: В 2 ч. Ч. 1. До 22 июня 1941 г. М., 1994. Док. 127. С. 454; Цанков А. България в бурно време. Спомени. София, 1999. С. 286; Филов Б. Дневник. С. 211–212.

²² ДВП. Т. XXIII. Кн. 2 (1). 1 ноября 1940 – 1 марта 1941. М., 1998. Док. 564. С. 159; Док. 680. С. 402; Кн. 2 (2). 2 марта – 22 июня 1941. М., 1998. Док. 719. С. 474; България своенравният съюзник на Третия райх. Документална колекция. София, 1992. Док. 8. С. 19.

²³ См.: Документи за борбата на македонскиот народ за самостојност и за национална држава: В 2 т. Т. 2. Од крајот на Првата светска војна до создавањето на национална држава. Скопје, 1981. Док. 101. С. 193.

²⁴ АВП РФ. Ф. 74. Оп. 23. П. 12. Д. 10. Л. 13–14, 73–74.

²⁵ Подробней см.: Волков В. К. Балканские проблемы в отношениях Советского Союза и Германии в 1940 г. // Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. 1939–1941 гг. С. 241–296.

²⁶ См.: България своенравният съюзник на Третия райх. Документална колекция. Док. 11–12. С. 24–25; Док. 14. С. 28–29; Док. 18. С. 35; Семиряга М. И. Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. М., 2000. С. 181.

²⁷ См.: Вaлeв Л. Б. Указ. соч. С. 122–188; Генчев Н. Възвръщане на Южна Добруджа към България през 1940 г. // Исторически преглед. 1969. № 6. С. 58–73; Тошкова В. България и Третият райх. 1941–1944. (Политически отношения). София, 1975. С. 17–36; Сирков Д. Цит. соч. С. 227–241; Груев С. Т. Корона от тръни. Царуването на Борис III 1918–1943. София, 1991. С. 323–332; Димитров И. Миналото като пролог. Исторически очерци. София, 1993. С. 137–144; Валева Е. Л. На перекрестке геополитических интересов великих держав (1939–1941) // Болгария в XX веке. С. 230–261.

²⁸ Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) и Коминтерн: 1919–1943 гг. Документы. М., 2004. Док. 509. С. 800–801; Димитров Г. Дневник. 9 март 1933 – 6 февруари 1949. София, 1997. С. 243.

²⁹ См.: АВП РФ. Ф. 125. Оп. 25. П. 23. Д. 2. Л. 13–14.

³⁰ См.: СССР и германский вопрос. 1941–1949. Документы из Архива внешней политики РФ: В 4 т. Т. 1. 22 июня 1941 г. – 8 мая 1945 г. М., 1996. Док. 79. С. 333, 343.

³¹ См.: България непризнатият противник на Третия райх. Сборник документи. София, 1995. Док. 7. С. 18.

³² См.: Русский архив: Великая Отечественная. Красная Армия в странах Центральной, Северной Европы и на Балканах: 1944–1945. Документы и материалы. Т. 14–3 (2). М., 2000. Раздел «Румыния». Док. 17. С. 101; Док. 31. С. 115; Док. 45. С. 136; Восточная Европа в документах российских архивов. 1944–1953 гг.: В 2 т. Т. 1. 1944–1948 гг. М.; Новосибирск, 1997. Док. 41. С. 142.

³³ См.: Советско-болгарские отношения. 1944–1948 гг. Документы и материалы. М., 1969. Док. 10. С. 22; Док. 17. С. 38; Восточная Европа в документах российских архивов. Т. 1. Док. 15. С. 73–74.

³⁴ Советский фактор в Восточной Европе. 1944–1953 гг. Документы: В 2 т. Т. 1. 1944–1948 гг. М., 1999. Док. 122. С. 352; Док. 151. С. 422–423.

³⁵ См.: Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. М., 1956. Вып. XIII. Док. 513. С. 27; Док. 516. С. 204–205.

Поступила в редакцию 29.06.2004.

Анатолий Петрович Сальков – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории южных и западных славян.

В.Р. БОРОВОЙ

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ШАНХАЙСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СОТРУДНИЧЕСТВА И СТРАТЕГИЯ КНР В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

В контексте анализа политики КНР в Центральной Азии рассматриваются причины, приведшие к возникновению Шанхайской организации сотрудничества. Делается вывод о том, что эта организация является логическим развитием усилий Китая по выработке такой модели интеграции Центральной Азии в мировые экономические и политические процессы.

The article studies the reasons leading to the establishment of the Shanghai Cooperation Organization in the context of Chinese strategy in Central Asia. The author concludes that the SCO is a logical development of Chinese efforts to offer a model of Central Asia's integration into world economy and policy that would be acceptable both for the local states and China as their neighbor.

Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) является в настоящее время одним из основных элементов китайской стратегии в Центральной Азии, призванной распространить влияние Пекина на данный регион. Можно утверждать, что «шанхайский процесс», в рамках которого в 1996 г. возникла сначала «Шанхайская пятёрка», а затем в 2001 г. – ШОС, зародившись, с одной стороны, как реакция на объективно существующую ситуацию в Центральной Азии, с другой – будучи органической частью внешнеполитической стратегии КНР, к началу XXI в. стал политической оболочкой для формирования предлагаемого Пекином проекта интеграции региона в мировое сообщество. Данный проект интеграции, в свою очередь, представляет реальную альтернативу западным подходам к региону.

С точки зрения эволюции «шанхайского процесса» принципиально важно проанализировать два ключевых момента: во-первых, контекст и факторы, приведшие к его возникновению; во-вторых, причины трансформации «Шанхайской пятёрки» в формальную международную организацию (ШОС).

Зарождение «шанхайского процесса». «Шанхайская пятёрка» возникла в результате целенаправленных усилий Китая, России, Казахстана, Киргизстана и Таджикистана, целью которых на первом этапе было преодоление негативного наследия, сохранявшегося со времен противостояния СССР и КНР. Для этого,

прежде всего, необходимо было решить все спорные пограничные вопросы и обеспечить безопасность границ за счет внедрения мер доверия и снижения уровня милитаризации приграничных районов. Отмеченные задачи были в целом решены на Шанхайском и Московском саммитах «Шанхайской пятёрки» в 1996 г. и 1997 г., что способствовало благополучному разрешению проблемы делимитации границ между Казахстаном, Киргизстаном, Таджикистаном и КНР во второй половине 1990-х гг. Решение наиболее насущных вопросов в двусторонних отношениях между Китаем и остальными странами открыло дорогу к дальнейшему углублению и расширению связей.

Вместе с тем необходимо проанализировать принципиально важный вопрос: почему в середине 90-х гг. XX в. Китай не попытался играть на противоречиях между державами, параллельно укрепляя связи с некоторыми странами региона, а предпочел партнерство с Россией и многосторонние переговоры для расширения своего влияния в Центральной Азии. Следует подчеркнуть, что отдельные китайские специалисты в середине 1990-х гг. прямо рекомендовали пойти именно по первому пути¹. Как можно предположить, подобная стратегия была обусловлена следующими причинами.

Во-первых, к середине 90-х гг. XX в. элита КНР пришла к консенсусу относительно внешнеполитической стратегии Китая на ближайший период. Суть данной стратегии сводилась к более активному участию в многосторонней деятельности, в том числе и на региональном уровне; принятию на себя большей ответственности в международных отношениях; развитию системы партнерств с ведущими странами мира². «Шанхайский процесс» очень хорошо вписывается в эту стратегию, поскольку его краеугольным камнем являются партнерские отношения между КНР и РФ, а основное содержание – это многостороннее сотрудничество по региональной проблематике.

Руководство КНР к 1996–1997 гг. также осознало, что ни маневры китайской армии в Тайваньском проливе, ни жесткая позиция КНР в отношении территорий в Южно-Китайском море не решили соответствующих проблем. Более того, прямые вызовы сложившейся де-факто ситуации в Восточной Азии вели к усилению ощущения растущей «китайской угрозы» у соседних стран, на чем умело играла администрация США. Для того чтобы противодействовать указанным тенденциям, Пекин, помимо прочего, начал подчеркивать продолжающийся многосторонний диалог между лидерами России, КНР, Казахстана, Киргизстана и Таджикистана, а также подписанное весной 1996 г. «Соглашение о мерах укрепления доверия в военной области в районе границы» как доказательство миролюбивой политики КНР и активного участия страны в многосторонних процессах³. Таким образом, «шанхайский процесс» стал важным пропагандистским элементом во внешней политике Пекина.

Во-вторых, сотрудничество с Россией в Центральной Азии не только обеспечивало Китаю влияние, сопоставимое с российским, но и являлось одной из гарантий успешного развития собственно российско-китайского партнерства, подчеркивая общность интересов двух стран. Отметим, что, по мнению некоторых китайских авторов, сохранение значимой роли для России в международных отношениях прямо зависело от поддержки КНР⁴. С этой точки зрения сотрудничество с Россией в Центральной Азии в рамках «Шанхайской пятёрки» имело для Пекина еще один потенциальный плюс: помогая России сохранить влияние в Центральной Азии, Китай в случае обострения ситуации получал возможность избежать прямой конфронтации с Западом в регионе, оставив это на долю традиционного гегемона (России).

В-третьих, как уже указывалось, после развала СССР Центральная Азия превратилась в регион, который необходимо было заново встроить в систему международных отношений. В этом смысле Центральная Азия представляла резительный контраст по сравнению, например, с Восточной и Юго-Восточной Азией, где за годы холодной войны сложилась устойчивая региональная структура, опирающаяся на поддержку США и Японии. С этой точки зрения Центральная Азия, в которой США на том этапе были не очень заинтересованы⁵, являлась идеальным местом для создания, хотя бы на региональном уровне, системы связей,

одним из инициаторов и гарантов которой являлся Китай, и где в полной мере могли быть учтены его интересы. Однако для решения подобных задач в одиночку Китай был все еще слишком слаб и предпочел прибегнуть к взвешенной и умеренной политике, используя российское влияние в регионе и постепенно вырабатывая свой проект реинтеграции Центральной Азии в мировое сообщество.

«Шанхайский процесс», во-первых, являлся органической частью новой стратегии КНР на мировой арене и важным элементом российско-китайских отношений; во-вторых, давал возможность влиять на реинтеграцию Центральной Азии в мировое сообщество. Существенную роль сыграли также следующие два фактора: потребность в союзниках в этом новом для внешней политики КНР регионе; ограниченный характер экономических интересов этой страны (сводившихся к использованию потенциала Центральной Азии для развития экономики Синьцзяна) в регионе на данном этапе.

Создание ШОС и интересы Пекина в Центральной Азии. Созданная в 2001 г. ШОС отличается от «Шанхайской пятёрки» в следующих отношениях: во-первых, ШОС после принятия в свои ряды Узбекистана переросла первоначальные ограничения, связанные с решением пограничных проблем, и в принципе стала открытой для новых членов. Во-вторых, ШОС начала выступать не просто как форум для встреч и консультаций стран-участниц, а как полноценная международная организация, способная устанавливать связи с другими международными организациями и государствами. В-третьих, значительно расширились ее функции⁶.

Возникновение ШОС обусловлено различными причинами. Как отмечается в журнале «Партийная учеба», предназначенном для руководящих кадров КНР, основной предпосылкой для возникновения ШОС стало достаточно успешное решение проблем в рамках «Шанхайской пятёрки», что постепенно привело к расширению обсуждаемой проблематики и поставило вопрос о формализации успешно работающего механизма. В статье указываются три основные причины создания ШОС. Во-первых, международная ситуация, где постоянно растет компонент силовой политики, а США открыто стремятся к созданию однополярного мира. Во-вторых, эффективная борьба с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом требует новых подходов. В-третьих, такая структура необходима для успешного развития экономических связей между странами-участницами⁷.

Что касается первой причины, китайские авторы всегда подчеркивали необходимость противодействовать угрозе проникновения США в регион⁸ и значение «Шанхайской пятёрки» как средства «сорвать замыслы Запада относительно контроля над региональными организациями [в Центральной Азии – добавлено автором. – В. Б.] и помешать имеющей существенный политический подтекст экономической экспансии развитых стран в регионе»⁹. Часто упоминается и об опасности проникновения НАТО в регион, что трактуется как дестабилизирующий фактор в региональном развитии¹⁰.

Одной из глубинных причин возникновения ШОС как формальной организации, вероятно, также было то, что Пекин не мог игнорировать начавшийся после распада СССР процесс формирования нового баланса сил в Евразии. К концу 90-х гг. XX в. контуры этого процесса довольно четко проявились в Закавказье, где интересы США, Турции, Израиля, Грузии, Азербайджана сталкиваются с интересами России, Ирана и Армении¹¹. Участие в переделе сфер влияния потребовало от Китая более активной позиции и формально зафиксированного участия в региональных процессах.

Важную роль в возникновении ШОС сыграло присоединение к «шанхайскому процессу» Узбекистана и его вступление в ШОС на саммите в Шанхае в 2001 г.¹² Возможность привлечь на свою сторону этого важного регионального игрока и ограничить его дрейф в сторону Запада, несомненно, повлияла на позицию КНР в вопросе о создании ШОС. Как известно, во второй половине 1990-х гг. Узбекистан зачастую проводил открыто антироссийскую и прозападную политику, явно претендуя на роль регионального лидера под патронажем США. Однако проблемы с правами человека и отсутствие демократических реформ стали серьезным препятствием для установления формального партнерства между США и Уз-

бекистаном, что подталкивало режим Каримова к поиску других партнеров для противодействия факторам нестабильности в регионе¹³. ШОС, основополагающей идеей которой являются гарантии безопасности существующим в Центральной Азии светским режимам со стороны двух соседних держав и в которой роль России была сбалансирована участием Китая, стала вполне приемлемым вариантом. Что касается КНР, то присоединение Узбекистана к ШОС означало существенное расширение возможностей влиять на ситуацию в Центральной Азии через вовлечение Узбекистана в диалог в рамках ШОС, а также способ противодействовать проникновению в регион США.

Отметим, что у «шанхайского процесса» есть достаточно развитая идеология, ядро которой часто называют термином «дух Шанхая», или так называемая «новая концепция безопасности», предложенная КНР в 1996–1997 гг. Основные постулаты названной доктрины – это утверждение принципа незыблемости государственного суверенитета и невмешательство во внутренние дела других государств, что резко контрастирует с современными западными концепциями «гуманитарной интервенции»¹⁴. Подобные идеи идеально подходят центральноазиатским режимам, в отношениях которых с Западом одним из главных препятствий становятся проблемы соблюдения прав человека и отсутствия демократических реформ в этих странах.

Таким образом, Китай имел все основания рассчитывать на дальнейшее укрепление своего влияния в регионе, опираясь как на политические механизмы ШОС, так и на концептуальную общность подходов к центральным международным проблемам современности.

Что касается третьей причины (необходимости укрепления экономических связей), то, по мнению китайских авторов, к созданию ШОС привели вполне конкретные факторы. На первом месте – потребность Китая в энергоресурсах, причем подчеркивается также взаимодополняемость экономик шести стран¹⁵.

Относительно энергетического сотрудничества у Китая существуют обширные и всесторонние планы. КНР полностью перешла в группу стран-импортеров нефти с 1993 г.; в 2000 г. Китай уже вынужден был импортировать 25 % необходимой ему нефти. По оценке специалистов к 2010 г. этот показатель возрастет до 30, а к 2020 – до 50 %. Существенной проблемой является и то, что более 60 % нефти, импортируемой КНР, идет через Малаккский пролив, который контролируется флотом США. В таких условиях развитие энергетического сотрудничества со странами Центральной Азии имеет особое значение. С одной стороны, повысится безопасность и надежность снабжения Китая нефтью, будет частично достигнута цель диверсификации нефтяных источников, с другой – ШОС обретет реальное экономическое наполнение, что, в свою очередь, поспособствует дальнейшему углублению политического сотрудничества¹⁶. Помимо достаточно хорошо известных нефтяных соглашений КНР с Казахстаном (заметим, что китайско-казахстанское сотрудничество в области энергоресурсов характеризуется китайскими авторами как неизбежное¹⁷), Китай планирует участвовать в освоении нефтяных месторождений Каспия, в строительстве нефтеперерабатывающих заводов, а также выдвигает идею создания ориентированной на китайский рынок единой региональной системы электростанций в рамках ШОС¹⁸.

Идеологической основой для развития экономических связей между КНР и Центральной Азией стала идея возрождения Великого шелкового пути (ВШП) в его современном варианте (т. е. включая нефте- и газопроводы, а также информационные коммуникации). Все страны Центральной Азии в определенной степени поддерживают данную мысль, высказанную правительством КНР еще в 1992 г., видя в ВШП один из способов преодоления географической изолированности региона. Китайские авторы прямо увязывают «шанхайский процесс» и реализацию этой идеи¹⁹. Строго говоря, изначально борьба за влияние в регионе определялась тем, может ли тот или иной ее участник предложить центральноазиатским республикам внятный и выгодный проект их интеграции в мировую экономику. Для Китая таким проектом стал новый Шелковый путь, для России – идея транспортного коридора Север-Юг, для Запада – проект TRACECA (Transport Corridor Europe-Caucasus-Asia, официально одобренный Евросоюзом в 1993 г.).

С этой точки зрения расширение экономических связей между Центральной Азией и Синьцзяном (при всей важности такого сотрудничества для развития западных районов Китая) может рассматриваться лишь как одно из звеньев более глобального плана восстановления Шелкового пути, который откроет для стран Центральной Азии доступ к растущим рынкам АТР.

В последние годы КНР сознательно стремится играть более значительную посредническую роль в отношениях стран Центральной Азии со странами АТР, прежде всего с Юго-Восточной Азией. С одной стороны, КНР всячески поощряет развитие торгово-экономических связей между Центральной и Восточной Азией, намереваясь усилить свое значение в качестве транзитной территории. Основным маршрутом для подобного рода контактов – это железная дорога из провинции Синьцзян в порт Ляньюньган на восточном побережье Китая, откуда легко доставлять грузы как в Японию и Корею, так и в Юго-Восточную Азию²⁰. С другой – Китай старается стать организатором диалога по общим проблемам (терроризм, международная преступность) между АСЕАН и странами ШОС. Соответствующие заявления были сделаны во время визита председателя постоянного комитета ВСНП КНР У Банго на Филиппины в августе 2003 г.²¹

Очевидно, что совместное освоение энергетического потенциала региона и создание нового Шелкового пути при несомненных выгодах для стран Центральной Азии объективно являются способами прикрепления региона к гораздо более сильной и динамичной экономике Китая и закрепления за КНР статуса важного связующего звена между регионом и внешним миром.

С начала 1990-х гг. политика КНР в отношении Центральной Азии прошла через три этапа: на первом (1992–1995) КНР параллельно с переговорами по вопросам границы стремилась развивать скорее двусторонние отношения со странами региона; на втором (1996–2000) Китай сделал акцент на развитии многосторонних связей, используя успех многосторонних переговоров по пограничным вопросам в качестве отправной точки своей новой политики. Третий этап (с 2001 г.) связан с возникновением ШОС как формальной международной организации, призванной обеспечить стабильность региона и углубление экономического сотрудничества между странами-участниками.

К моменту возникновения ШОС в 2001 г. в китайской политике по отношению к Центральной Азии присутствовали все компоненты, необходимые для интеграции региона в систему мировых экономических и политических связей на приемлемых для Пекина условиях. Во-первых, уже «Шанхайская пятерка» стала механизмом для регулярного политического диалога на высшем уровне. Создание ШОС позволило сделать важный шаг вперед и распространить политический диалог на более низкие уровни, вовлекая различные министерства и ведомства. Во-вторых, Китай вместе с Россией в рамках ШОС является гарантом стабильности и безопасности как для региона в целом, так и для отдельных режимов. В-третьих, Пекин предложил идеологию, внятную и соответствующую потребностям центральноазиатских правительств, политического сотрудничества, гарантирующую невмешательство в их внутренние дела. В-четвертых, Пекин выдвинул ясную доктрину и идеологию углубления экономического сотрудничества между странами Центральной Азии и Китаем в форме возрождения Шелкового пути, которая одновременно представляет собой проект реинтеграции региона в мировую экономику. В-пятых, весьма важно и то, что отмеченные компоненты (политические, экономические, идеологические, а также связанные с проблемами безопасности) являются для Пекина составными частями общей стратегии, где политика ведет за собой экономику. В связи с вышеизложенным можно говорить о целостном плане встраивания Центральной Азии в мировую политику, в котором регулирующая роль посредника принадлежит Китаю. Данный план также представляет собой определенную альтернативу возможным подходам США и Европейского союза.

Очевидны и слабые стороны китайского проекта. Во-первых, будущее ШОС в значительной степени зависит от развития китайско-российских отношений, в которых существует целый ряд действительных и потенциальных противоречий. Во-вторых, политика КНР в отношении стран Центральной Азии формировалась

в основном в 1990-е гг., когда США еще не проявляли особой заинтересованности в данном регионе. В-третьих, ШОС плотно привязана к существующим в Центральной Азии клановым режимам, и, если, например, США попытаются сместить тот или иной режим, Китай будет поставлен перед выбором: либо отказаться от его поддержки, что в значительной мере обесценит ШОС в глазах центрально-азиатских лидеров, либо вступить в конфронтацию с США. Таким образом, можно сделать вывод, что стратегия КНР в Центральной Азии будет в дальнейшем корректироваться и уточняться, адаптируясь к новым условиям, возникшим в регионе после 11 сентября.

Автор выражает благодарность научному руководителю доктору исторических наук, профессору А.А. Розанову за помощь при написании статьи.

¹ См.: Шэнь Фану. Борьба великих держав за влияние в Центральной Азии: новое измерение международной стратегии // Вестн. Ин-та иностр. яз. НОАК. 1996. № 5. С. 108.

² См.: Goldstein A. The Diplomatic Face of China's Grand Strategy: A Rising Power's Emerging Choice // China Quarterly. 2001. № 168 (Dec., 2001). P. 842.

³ См.: Ibid. P. 843.

⁴ См.: Li Jingjie. The progress of Chinese-Russian relations: from friendship to strategic partnership // Far Eastern Affairs. May-June 1997. P. 40–41.

⁵ См.: Wishnick E. Growing U.S. Security Interests in Central Asia // Strategic Studies Institute, U.S. Army War College, 2002. P. 1. <<http://www.carlisle.army.mil/ssi/pubs/2002/usintrst/usintrst.htm>> (12.04.2004)

⁶ См.: Ван Цзиньцунь. Исторический прорыв – от «Шанхайской пятёрки» к Шанхайской организации сотрудничества // Мировая экономика и политика. 2001. № 9. С. 78.

⁷ См.: Фан Гуаншунь. От «Шанхайской пятёрки» к Шанхайской организации сотрудничества // Партийная учеба. 2001. № 8. С. 46.

⁸ См.: Юй Чжида. Анализ механизма сотрудничества «Шанхайской пятёрки» // Вестн. Нанкинского ун-та. 2000. № 6. С. 88, 91.

⁹ Дин Пэйхуа. К проблеме анализа базовых факторов в развитии «Шанхайской пятёрки» // Социальные науки. 2001. № 7. С. 49.

¹⁰ См.: Пань Гуан. «Шанхайская пятёрка»: значимость достигнутых успехов и будущие перспективы // Международное обозрение. 2001. № 2. С. 9.

¹¹ См.: Cornell S. E. Uzbekistan: a regional player in Eurasian geopolitics? // European security. 2000. Vol. 9. № 2 (Summer 2000). P. 121–122.

¹² См.: Misra A. Shanghai 5 and the emerging alliance in Central Asia: the closed society and its enemies // Central Asian Survey. 2001. № 20 (3). P. 316–317.

¹³ См.: Cornell S. E. Op. cit. P. 135.

¹⁴ См.: Ли Сяоминь. «Шанхайская пятёрка» и новая концепция безопасности КНР // Мир и развитие. 2000. № 4. С. 14–15.

¹⁵ См.: Дин Пэйхуа. Указ. соч. С. 47–48.

¹⁶ См.: Тан Юйхуа. Шанхайская организация сотрудничества и нефтяная стратегия КНР // Проблемы Юго-Восточной Азии. 2002. № 3. С. 3.

¹⁷ См.: Сю Тао. Шанхайская организация сотрудничества в новых условиях // Современные международные отношения. 2002. № 6. С. 12.

¹⁸ См.: Гао Шисянь. Анализ потенциала сотрудничества между странами-участниками Шанхайской организации сотрудничества в энергетической сфере // Энергоресурсы Китая. 2003. № 2. С. 5–6.

¹⁹ См.: Дин Пэйхуа. Указ. соч. С. 47–48.

²⁰ См.: Чжао Чанцин. АСЕАН, Шанхайская организация сотрудничества и КНР // Современные проблемы АТР. 2003. № 11. С. 14.

²¹ См.: Жэньминь жибао. 2003. 1 авг. С. 1.

Литературные источники под номерами 1, 6–10, 14–21, изданные на китайском языке, используются в статье в авторском переводе.

Поступила в редакцию 25.06.2004.

Виталий Ростиславович Боровой – преподаватель кафедры восточных языков.

О.Ф. ОРИШЕВА

«КЛАССИЧЕСКИЙ» МАРКСИЗМ: ДОГМА ИЛИ ОТКРЫТЫЙ ПРОЕКТ?

Пересматривается общепринятая оценка марксизма как закрытой, институционально закреплённой догмы. В результате «классический» марксизм предстаёт как гибкий и открытый практико-теоретический проект, исторически уникальный в своём требовании превратить философию в орудие общественной эмансипации.

The article reconsiders a conventional image of marxism as a closed, officially legitimated doctrine. As a result, «classical» marxism reveals itself as an open and flexible, both theoretical and practical project, historically unprecedented in its demand to transform philosophy into a tool for social emancipation.

В настоящее время многие постсоветские гуманитарии рассматривают марксизм как нечто статичное, догматическое, мало совместимое с философским поиском. Действительно, условия, когда основная функция марксистской теории заключалась в легитимации официального политического режима, не способствовали ее развитию. Наша задача состоит в том, чтобы обосновать достаточно простую мысль, состоящую в том, что историческое превращение марксизма в институционально узаконенную ортодоксию находится в прямом противоречии с его изначальной направленностью, так как в своих основаниях он представляет собой чрезвычайно гибкий, самокритичный теоретико-практический проект.

Первое, на что следует обратить внимание при попытке дать интегральную оценку наследию Маркса, это его *гетерогенность*, в силу которой совокупность оставленных им текстов можно объединить в «доктрину» посредством значительных интерпретаторских усилий. В данном случае уместно сослаться на «черновиковый», незавершенный характер многих произведений, а также на многообразие затрагиваемых тем наряду с глобальным сдвигом проблематики от философии к экономике, с которым принято связывать противопоставление «раннего» и «зрелого» Маркса. Было бы несомненной идеализацией представлять его письменное наследие как последовательность хорошо отстроенных теоретических работ, объединенных жесткой преемственностью с вкраплением второстепенных материалов, каковыми, по всей видимости, следует считать тексты сугубо публицистического характера и корреспонденцию. Представляется, что проводить принципиальное различие между «большими» и «вторичными» произведениями Маркса (и Энгельса) не только достаточно сложно, но и не вполне правильно, что объясняется не только индивидуальной манерой письма, но причинами, имманентными проекту марксизма в целом. Как пишет по этому поводу Жорж Лабики, «тексты, которые принято квалифицировать как исторические (*Крестьянская война в Германии*, *Восемнадцатое брюмера*, *Гражданская война во Франции* и т. д.), политические (*Господин Фогт*, *Критика Готской программы...*), моментальные письменные отклики на сиюминутные события, публицистические статьи, переписка, записи и черновики – все они являются для теории конституирующими»¹.

Подавляющее большинство произведений, вышедших из-под пера Маркса и Энгельса, независимо от их теоретической нагрузки представляют собой ответ либо на текущие политические события, либо (на более высоком уровне генерализации) на общую социально-историческую ситуацию, предельным горизонтом осмысления которой становится проблематика капитализма. В данном ракурсе особого внимания заслуживает работа «Классовая борьба во Франции», состоящая из четырех статей, которые в 1895 г. незадолго до своей смерти Энгельс объединил в книгу и издал под этим заглавием. Как указывает Лабика, данный текст характеризует *двойная ситуативная отнесенность*². С одной стороны, речь в ней идет о периоде, охватывающем события революции 1848–1849 гг. во Франции и завершающемся отменой всеобщего избирательного права в 1850 г.; с другой стороны, специфическое смысловое обрамление работе придает предисловие, написанное Энгельсом в год издания книги, где он сопоставляет ситуацию рабочего движения в середине XIX в. с изменениями, произошедшими к моменту 1890-х. Сочетание в рамках одного произведения двух исторических контекстов создает необычный эффект: с одной стороны, интерес вызывает сам контраст между ситуацией и общим настроением поражения, связанными с падением Парижской коммуны и теми удивительными успехами, которых удалось достичь немецким социал-демократам благодаря умелому использованию всеобщего избирательного права, введенного в Германии в 1866 г. С другой стороны, совмещение двух исторических перспектив усиливает «эффект присутствия» и генерирует впечатление, что теория постоянно «держит руку» на пульсе истории, находясь в постоянной готовности пересмотреть собственные позиции, если общий ход событий фальсифицирует их. («История показала, что и мы и все мыслящие подобно нам были неправы»³.)

Наиболее яркой иллюстрацией ситуативной отнесенности работ «классиков» служат, безусловно, исторические тексты, где специфическая марксистская понятность вплавлена в обширный эмпирический материал. Однако данная тенденция оказывается не менее значимой, хотя и менее очевидной в экономических произведениях Маркса. В частности, «Капитал» (прежде всего, первый его том – единственный, собственноручно отредактированный автором и вышедший в свет при его жизни), который закономерно рассматривается как книга, подводящая итог длительному становлению Маркса-ученого, и считается своеобразной «иконной» марксистской научности, содержит в себе четко опознаваемое *внеэкономическое измерение*. Следует обратить внимание на громадное значение, которое придается анализу конкретных ситуаций и случаев, что проявляется в рамках «Капитала», прежде всего, в объеме приводимого фактического материала, в первую очередь относящегося к условиям труда и быту рабочих. В ситуации, когда общенациональная статистика находилась в зачаточном существовании, Марксу на основании сведений, почерпнутых из прессы, отчетов правительственных инспекторов, исследований отдельных аналитиков (всего порядка тысячи источников) удалось создать объемную картину реалий современного ему способа производства, по сути – целой эпохи, взятой в ее экономическом срезе⁴. Особое место в первом томе занимает двадцать четвертая глава «Так называемое первоначальное накопление капитала», которая придает синхроническому в целом исследованию диахроническое измерение и представляет собой анализ исторических предпосылок формирования нового, «буржуазного» общества как в аспекте основных закономерностей его становления, так и в плане той гуманитарной катастрофы, которая ему сопутствовала. Принципиально важно, однако, что общая историческая «нагруженность» «Капитала» проявляется не только в большом удельном весе, который принадлежит анализу истории политэкономических доктрин или отдельных событий, но и в самом способе представления материала. Несмотря на нейтральную окраску и абстрактность заглавий и подзаголовков, работа носит ярко выраженный «ангажированный» характер, так как организация фактических данных и их теоретическое обрамление указывают на совершенно определенную и четко осознаваемую социальную (и потенциально – политичес-

кую) позицию, с которой идентифицирует себя автор. Речь, безусловно, идет о позиции *пролетариата* как класса, исключительно угнетенное положение которого делает его невольным персонифицированным воплощением противоречий и несправедливости своей эпохи и одновременно – возможным орудием их разрешения. Практически среди семи отделов первого тома «Капитала» в отделах с третьего по седьмой анализ положения рабочих занимает столь значительное место, что теория оттесняется на второй план.

Обращение к конкретно-историческому анализу, по сути, представляет собой лишь одну из возможных форм самообнаружения «ситуативного» характера теории, связанного, в свою очередь, с фундаментальной *практической направленностью* марксизма, лучшим выражением которой был и остается 11-й тезис «Тезисов о Фейербахе»: «Философы лишь различным образом *объясняли* мир, но дело заключается в том, чтобы *изменить* его»⁵.

Корнелиус Касториadis, последовательный и жесткий критик «ортодоксии», в своих работах говорит о том, что основное историческое значение и непреходящая ценность марксизма заключаются в уникальности его требования объединить философию, политику и борьбу угнетенных классов в рамках синтеза, который трансформирует и «пресуществляет» входящие в него элементы. Благодаря подобному синтезу *философия* вместо того, чтобы искать разрешение человеческих проблем и конфликтов в сфере умопостигаемого, должна транслировать себя в социально-преобразовательную активность. *Политика* должна превратиться из совокупности техник манипуляции в сознательную деятельность, нацеленную на усовершенствование общественного устройства. *Борьба эксплуатированных* за достойное существование должна выйти за рамки интересов отдельных страт и стать борьбой за универсальную эмансипацию⁶.

В целом соглашаясь с этой оценкой марксистского проекта, обратим внимание на то, что с точки зрения его исходной направленности конструирование *теории* (философской, социальной, экономической), т. е. создание определенной системы категорий, выявление и экспликация каузальных зависимостей и т. д., оказывается своего рода сопутствующим эффектом. Другими словами, ценность концепции определяется не в терминах полноты, внутренней когерентности, эвристической продуктивности, но как бы выносятся «вовне»: она обуславливается эффективностью теории в качестве орудия общественной эмансипации, осуществление которой связывается у Маркса и Энгельса с судьбами «универсального класса» – пролетариата.

Второй основной особенностью марксистской теории в ее классическом варианте является ярко выраженная *критическая направленность*. Данная черта наблюдается уже в первых полемических статьях Маркса («Дебаты по поводу закона о краже леса», «К еврейскому вопросу», «Запрещение *Leipziger allgemeine Zeitung*» и др.), а также в такой теоретически значимой работе, как «К критике гегелевской философии права. Введение», где одним из главных объектов атаки становится немецкая политическая и духовная действительность. Со временем вырисовывается образ иного, гораздо более значимого «противника», масштабность которого требует систематического и теоретически зрелого подхода, – образ *капитализма* как общества, концентрирующего в себе основные достижения, пороки и контрверсы своей эпохи.

Критика капитализма в работах Маркса имеет поистине всеобъемлющий характер: фактически нет ни одной реалии, социально узаконенного представления, общепризнанной ценности, которая бы не стала ее объектом. Главной мишенью является основанный на эксплуатации капиталистический способ производства, порождающий парадоксальную ситуацию, в которой реальные производители оказываются наиболее угнетенной и материально стесненной частью населения. Дезавуируя порочность капиталистического общества в самом его средоточии (т. е. в сфере экономики), Маркс закладывает основу для систематической критики любых его проявлений на самых разных уровнях (будь то уровень права, искусства, философии, обыденных человеческих взаимоотношений). В «Манифесте Коммунистической партии», например, такие образования, как «бур-

жуазная личность», «буржуазная свобода», «буржуазная семья», «буржуазное воспитание»⁷ и пр., подвергаются последовательной деструкции и напроць лишаются ценностного ореола: им, как фактически и любому другому внеэкономическому феномену, не удастся избежать обезличивающего, отчуждающего воздействия капитала, пронизывающего самые «интимные» уголки социальной жизни и накладывающего на элементарные формы человеческого общения печать извращенности.

Проект радикальной критики придает гетерогенному, во многом фрагментарному, наследию Маркса специфическую целостность и позволяет поставить в один ряд такие непохожие друг на друга произведения, как «экономическо-философские рукописи 1844 г.» (имеется в виду прежде всего раздел о частной собственности и отчужденном труде) и «Капитал»: в данном ракурсе рассмотрения тематизация проблемы универсального отчуждения может рассматриваться как философское предвосхищение последующего детального экономического анализа.

Позиция, с которой осуществляется эта универсальная критика, в свою очередь, опознается как универсальная, т. е. рассматривается не как спорадически возникший очаг сопротивления наличному status quo, но как выражение тенденции, подготовленной всем предшествующим развитием общества. Как утверждается в «Манифесте», теоретические положения коммунистов «...являются лишь общим выражением действительных отношений происходящей классовой борьбы, выражением совершающегося на наших глазах исторического движения»⁸. Представляется, однако, что укорененность марксизма в своей эпохе, в частности в реалиях капиталистического общества, имеет также иной, неотрефлектированный у «классиков» и не вполне желательный аспект, указывающий не столько на органическую включенность проекта в исторический контекст, сколько на имманентную зависимость от него. Используя терминологию Дэвида Харви, специфическую сращенность марксизма с объектом своей критики можно представить как одно из его основных «практических противоречий». «Первое практическое противоречие марксизма обусловлено тем фактом, что он в той же мере является продуктом изначальной склонности буржуазного общества к самоизлучению, в какой представляет собой орудие его устранения. (...) Само существование марксизма парадоксальным образом зависит от системы, которую он пытается преодолеть. Отсюда следует, что марксизм как теория и как практика имеет смысл лишь до тех пор, пока существует капитализм»⁹.

Марксизм, несомненно, является продуктом своей эпохи (и этот момент отчетливо обозначается самим его основателем), при этом радикальный характер его теоретического проекта состоит в том, что, будучи кульминационным выражением интенции модерной культуры на самоизлучение, ему удается выйти за пределы сформированного ею проблемного горизонта. Разоблачая претензии капитализма на статус универсального общества, опирающегося на «естественную» человеческую склонность к «договору, торговле и обмену», Маркс показывает, что капитализм обязан своим возникновением совершенно определенным историческим условиям, развивается в соответствии со своим собственным, уникальным набором динамических противоречий и, как всякая другая социально-историческая институция, должен в свое время превратиться в реликт, уступив место иным формам социального общежития¹⁰.

Итак, несмотря на обширность и граничащую с фрагментарностью разносторонность теоретического наследия Маркса и Энгельса, можно выделить его две основополагающие характеристики – *ситуативный характер* подавляющего числа работ и их *критическую направленность*. *Ситуативность* проявляется не только в том особом статусе, который придается конкретно-историческому анализу, но и в открыто прокламируемой политической позиции (ориентации на максимальное содействие формированию и развитию рабочего движения), что, в свою очередь, делает очевидной преимущественную *практическую* ориентацию марксизма. Вследствие этого возникает образ теории как гибкого, подвижного и открытого для возможных корректив образования, ценность и необходимость ко-

торого определяются практикой. Осмысление второй фундаментальной – *критической* – составляющей марксистского проекта позволяет сделать вывод о парадоксальной природе того отношения, которое связывает его с капиталистической культурой. С одной стороны, она выступает как объект постоянно возобновляемых усилий по обличению, демаскировке, деконструированию, с другой стороны, во многом является источником тех форм, в которые облачаются эти усилия. Глубинная зависимость марксизма от объекта своей критики обуславливает, в частности, тот факт, что негативное самоопределение теоретического проекта становится положительным условием его существования, что, в свою очередь, обеспечивает нас своеобразным критерием его валидности. Даже несмотря на глобальные изменения, которые претерпели западные общества с XIX в., можно утверждать, что марксизм как одна из наиболее развитых и авторитетных стратегий противостояния капитализму обладает значимостью до тех пор, пока существует объект его критики. Иными словами, марксизм остается в настоящее время значимым настолько, насколько он позволяет сохранить восприимчивость к «теневым» сторонам «глобализированного» капитализма и тем самым не поддаваться идеализирующему взгляду на либеральные демократии как на венец социального прогресса.

¹ Labica G. Le marxisme: orthodoxie et heterodoxie // Encyclopedie philosophique universelle. Paris, 1989. Vol. 1. P. 314.

² См.: Ibid.

³ Маркс К. Классовая борьба во Франции // Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения: В 3 т. М., 1986. Т. 1. С. 199.

⁴ См.: Певзнер Я. А. Экономическое учение Карла Маркса перед судом двадцатого столетия. М., 1996. С. 31.

⁵ Маркс К. Тезисы о Фейербахе // Маркс К., Энгельс Ф. Указ. соч. С. 3.

⁶ См.: Castoriadis C. Imaginary Institution of Society. Cambridge, 1987. P. 62.

⁷ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии // Указ. соч. С. 121–123.

⁸ Там же. С. 119.

⁹ Harvey D. Practical Contradictions of Marxism // Critical Sociology. 1998. Vol. 24. Issue 1/2. P. 9.

¹⁰ См.: Ibid. P. 10.

Поступила в редакцию 17.02.2004.

Ольга Феликсовна Оришева – аспирантка кафедры философии и методологии науки. Научный руководитель – доктор философских наук, профессор А.И. Зеленков.

Е.В. КАЛУГА

МЕТАФИЗИКА СОСТРАДАНИЯ А. ШОПЕНГАУЭРА

Анализируется феномен сострадания в интерпретации А. Шопенгауэра. Главное внимание уделяется его метафизическому происхождению, основанному на воле к жизни.

The article deals with the phenomenon of the Empathy in the A. Schopenhauer's interpretation. The main attention is given to its metaphysical origin based on the volition to existence.

Кризисные явления цивилизации во многом предвосхитил Артур Шопенгауэр. Вероятно, именно потому, что они особенно остро ощущаются в наше время, произошел и своеобразный ренессанс идейного наследия мыслителя, оказавшийся возможным лишь после его смерти. Поскольку в своем мировоззрении он особенно ярко отразил трагизм человеческого бытия, полного несбывшихся надежд и страдания, его не случайно принято называть философом мировой скорби. Однако пессимизм Шопенгауэра можно интерпретировать различным образом, как и те его идеи, которые в современной этике приобрели особую значимость и актуальность, что в первую очередь касается проблемы сострадания, в известной мере фундирующую этическое мировосприятие немецкого философа. Для того, чтобы

корректно ее реконструировать, необходимо коснуться некоторых вопросов методологического характера.

Шопенгауэр был, пожалуй, одним из последних европейских философов, которые выстраивали всеохватывающую систему философствования, включавшую в себя онтологию, гносеологию, логику, эстетику, теорию музыки. Однако нельзя забывать о том, что одной из основных составляющих его философии была морально-этическая проблематика. Этика является ключевым моментом в понимании всей его философии. Более того, можно утверждать, что Шопенгауэр перенес центр тяжести философских проблем из теоретической сферы в область морали. Его пессимизм как раз таки и является той моральной оценкой, которую он дает окружающему миру. В своих философских построениях мыслитель соединил этику с метафизикой, поскольку, только придав бытию нравственное значение, человек может, по его мнению, обрести цель и смысл своего личного существования и существования всего мира в целом.

Шопенгауэр отвергает императивный характер этики, абстрактные принципы которой чужды индивидуальному характеру личности. «Добродетели, как и гению, нельзя научить: для неё понятие столь же бесплодно, как и для искусства, и может служить только орудием»¹. Его философская программа базируется на истолковании человеческой деятельности, исходя из ее внутреннего содержания. Философ ставит целью отыскать некое последнее основание образа действия людей, импульс, побуждающий человека к совершению моральных поступков. При помощи эмпирического пути исследования и интуитивного познания, способного заглянуть в глубины человеческого «я», Шопенгауэр делает вывод, что «...все те, кто основывает этику, исходя из сочиняемой ими в муках мировой цели, требуют, чтобы люди каждый раз взбирались на самые высокие ступени их философствований для того, чтобы найти там мотивы для нравственных действий... Шопенгауэр же разрешает человеку прислушиваться к своему сердцу»².

Известно, что центральным понятием философии Шопенгауэра является понятие «мировая воля» (бесосновное, бесконечное, слепое влечение, вечно неудовлетворенное и ненасытное), рассматриваемое как некий всеобщий творческий принцип, лежащий в основе всех вещей и процессов, порождающий их. Воля – нечто основополагающее и ключевое для понимания всего, что происходит в мире. Поскольку в данном случае нас интересует морально-этическая проблематика, то правомерно будет задаться вопросом: каково же проявление слепого влечения воли в человеке и человеческих взаимоотношениях? Ряд поступков субъекта, сам субъект, его тело есть не что иное, как проявление воли, ее объектность. Поэтому, исходя из онтологической укорененности воли в человеке, следует признать, что каждый из нас является тем, что он есть в силу своей воли. Таким образом, она является фундаментом моральной деятельности, ее побуждения становятся причиной многочисленных страданий, переполняющих человеческое бытие, исследование причины которых и выработка путей преодоления этого состояния занимают в этике Шопенгауэра самое важное место.

Поднимая вопрос о более конкретных основаниях человеческих поступков, Шопенгауэр считает правомерным выделить три главных: эгоизм, злобу и сострадание. Эгоизм обладает фундаментальным характером, ведь он затрагивает самую сокровенную сущность живого. Все поступки живых организмов (как животных, так и человека) берут в нем свое начало, так как все они желают сохранить свое существование, стремятся к личному счастью и наслаждению. Но это неукротимое стремление воли, жажда жизни неминуемо оборачивается страданием. Эгоизм человека заключается в возвышении своего личного «я» по отношению к другим, каждый является для себя неким микрокосмом, в котором сосредоточивается весь мир; все остальное лишь представление. Рассматривая феномен эгоизма как причину возникновения непонимания между людьми и вызывающую страдание, Шопенгауэр подчеркивает, что отмеченная черта не единственный порок. Помимо эгоизма, человек подвержен гораздо более серьезному моральному пороку – злобе. Такие спутники человеческих взаимоотношений, как зависть, злорадство, воплощаются на практике в злобе и жестокости. Дать более ясную

интерпретацию подобного рода поведения позволяет обращение к кантовскому императиву: эгоизм всегда направлен на достижение собственного благополучия любыми путями, а горе и страдания, причиняемые при этом другим людям, являются лишь средством для достижения своих целей; напротив, злоба и жестокость страдания других ставят себе в качестве цели, достижение которой приносит удовольствие и наслаждение, поэтому являются выражением высшей степени морального порока.

Исходя из предписания И. Канта относиться к человеку всегда как к цели, а не как к средству, можно четко определить, что поведение, продиктованное эгоистическими побуждениями, не сопоставимо с морально ценными поступками. Для Шопенгауэра кантовский императив становится ориентиром в обосновании нравственного поведения, поскольку моральную значимость поступка он предлагает искать только лишь в отношении к другим. Причем понятие «другие» рассматривается достаточно широко: проявление нравственного поведения возможно как по отношению к людям, так и к животным. Анализируя поведение человека по отношению к другим, Шопенгауэр приходит к заключению, что среди всего разнообразия мотивов и побуждений только в одном случае можно встретить проявление нравственной глубины личности, когда в основании мотивации лежит не что иное, как желание непричинения зла другому или, более того, всякого содействия его благу. Другими словами, нравственная деятельность связывается Шопенгауэром с состраданием.

Шопенгауэр достаточно подробно разбирает механизм проявления сострадания, суть которого заключается в том, что человек способен совершить нечто во благо другого, точно так же, как если бы мотивом ему служило свое собственное благополучие. Возникает вопрос: каким же образом удастся преодолеть природный эгоизм и злобу? Ответ коренится в метафизическом основании всей философской системы мыслителя – понятии воли: «...это возможно лишь благодаря тому, что этот другой становится последней целью моей воли, совершенно такую же, как в других случаях бываю я сам; благодаря тому, следовательно, что я совершенно непосредственно желаю его блага и не желаю его зла, столь же непосредственно, как в других случаях только своего собственного»³. Чувство сострадания предполагает способность переживать чужое горе как свое собственное, что связано с отождествлением субъекта и объекта сострадания, устранением границы между «я» и «другим». «Коль скоро возбуждается это сострадание, благо и зло другого становится непосредственно близким моему сердцу, совершенно также, хотя и не всегда в равной степени, как в других случаях единственно мое собственное: стало быть, теперь разница между им и мною уже не абсолютна»⁴. Поэтому объяснить явление сострадания в структуре философского мировоззрения Шопенгауэра возможно лишь с позиции его метафизики. Тот прописанный в этике сострадания Шопенгауэра факт, что нравственные проявления человеческой индивидуальности даны *a priori*, а воля определяет их существование, позволяет в равной степени назвать ее метафизикой сострадания.

Эгоизм, как уже отмечалось, приводит к оторванности людей друг от друга, разобщенности, непониманию и страданию. *Principium individuationis* (принцип индивидуации), лежащий в основе эгоизма, вызывает представление о существенном различии между «я» и «не-я», порожденном пространством и временем. Однако указанный принцип – лишь явление, скрывающее под пеленой Майи подлинную сущность вещей. Целью каждого, кто стремится наполнить свою жизнь нравственным смыслом, должно стать избавление от такого состояния. Метафизика сострадания основывается Шопенгауэром на том утверждении, что, только сострадая, «...один индивидуум узнает в другом непосредственно себя самого, свою собственную истинную сущность»⁵. Осознав, что множественность принадлежит миру явлений, а воля как «вещь в себе» едина и неделима, человек может понять свое единство с миром. Путь к этому лежит через сострадание. Человек, полностью охваченный чувством сострадания, прозревает суть того, что покрывало Майи, созданное эгоизмом и злобой, скрывает за собой подлинный мир, мир

единой воли, в котором содержится подлинная сущность человека, требующая единения его со всем живым, с мировым целым, а не замыкания в своем индивидуальном существовании. Именно сострадание способно воплотить в реальности принцип единения людей, лечь в его основу, что будет являться воплощением истинного назначения морали. Поскольку, только сострадая, чувствуя боль другого, человек способен ощутить реальность существования этого другого, его присутствие в мире, а тем самым и свою связь с ним.

Человек, уважающий права другого, узнавший в другом существе самого себя, срывает пелену Майи, проникает в глубину вещей, познает единство мира и отрицает свою волю к жизни, причиняющую ему страдания. Такой человек понимает, что различие между ним и другим существует лишь в явлении, тогда как объединяет их нечто более весомое – воля к жизни, лежащая в основе всего сущего: «...для того, кто совершает подвиги любви, пелена Майи стала прозрачной, и мираж *principii individuationis* рассеялся перед ним. В каждом существе, а следовательно, и в страждущем, он узнает себя, свою личность, свою волю»⁶. Такой человек не может более оставаться равнодушным к страданиям других, их боль он воспринимает как свою собственную, все его поступки направлены на то, чтобы облегчить их тяжелую участь, содействовать всеми усилиями их благу, зачастую вопреки собственному, рискуя своей индивидуальностью и даже жизнью. Осознание посредством сострадания сущности «вещей в себе» делает возможным избавление от воли к жизни и, следовательно, от страданий. Преодолевая эгоистические ориентации, воплощающие в себе жажду жизни, человек способен погружаться в безмятежное состояние, свободное от желаний.

Метафизика сострадания Шопенгауэра предлагает своеобразный вариант определения нравственной ценности поступка. Согласно его представлениям, единственно подлинным мотивом, лежащим в основе морали, является сострадание, а не чувство долга, совесть или что-либо иное. Более детальное исследование этики Шопенгауэра, особенно касающееся сострадательного поведения, позволяющее вывести некую формулу, по которой должна осуществляться нравственная оценка поступка, без чего не может обойтись ни одно моральное суждение. Для этого не требуется давать другому какую-либо объективную оценку его достоинств или недостатков, но в первую очередь следует учитывать те страдания, боль, которые он испытывает, так как только тогда посредством сострадания возможно почувствовать свое родство с ним.

Показав, как благодаря нравственности можно познать единство и полноту бытия, Шопенгауэр наполняет это бытие моральным смыслом. Когда чужое страдание становится таким же мотивом поведения, как и свое собственное, это означает, что граница между «я» и «другим» уничтожена. Благодаря некоему, можно даже сказать мистическому, отождествлению с другим существом, испытывающим боль и страдание, возможно избавление от тягот собственной жизни во имя блага другого. Подобное отождествление, проникнув в самые глубины человеческого «я», обнаруживает в нем действительное, подлинное основание всего живого – единство воли. Осознав свою причастность к мировому целому, человек способен возлагать на себя вину за все страдания мира, тогда целью его жизни становится желание компенсировать причиненный ущерб. Из такой морали, основанной на сострадании, вытекают две основные добродетели: справедливость и человеколюбие, лежащие в основе всех положительных нравственных качеств. Они являются двумя различными видами поведения: активным и пассивным. Шопенгауэр их определяет как две степени проявления сострадания: «...первая степень лишь та, что оно, противодействуя эгоистическим или злым мотивам, удерживает меня от того, чтобы я причинял другому страдание, т. е. производил то, чего еще нет, сам становился причиной чужих скорбей; затем вторая, высшая степень – та, когда сострадание, действуя положительно, побуждает меня к деятельной помощи»⁷.

В данном случае, правда, возникает вопрос: почему наряду с феноменом сострадания Шопенгауэр не рассматривал феномен сопереживания радости, тем са-

мым лишая его права существования как действительно нравственного? Получается, что человек способен сопереживать чужому страданию, но чужая радость не вызывает в нем ответной реакции. Более того, философ отмечал, что «...вид счастья и наслаждения чисто как таковых очень легко может даже возбуждать нашу зависть, задаток для которой лежит в каждом человеке»⁸. Вероятно, Шопенгауэр наделяет само страдание положительным нравственным статусом в силу того, что только оно способно вызывать в человеке эмоции, достойные морального одобрения, тогда как радость есть феномен отрицательный, порождающий дурные мысли. Такая позиция отражает пессимистическую интенцию, свойственную всему мировоззрению Шопенгауэра и не позволяющую ему рассматривать проблему сопереживания в более полном объеме.

Этика Шопенгауэра не только имела значение для философов второй половины XIX – первой половины XX в. Ситуация начала XXI в. показывает ее значимость в качестве одного из основных ориентиров развития общества в целом и каждого отдельного человека в нем. Беспокойство за судьбу человечества в условиях научно-технического прогресса заставляет вновь и вновь обращаться к проблеме взаимоотношений между людьми, их нравственной составляющей. Этика Шопенгауэра предвосхитила кризис общественных, межличностных отношений в условиях глобального роста информационных технологий и производства материальных благ, показав сопровождаемое страданием одиночество человека в мире. Большая заслуга философа состоит именно в открытии метафизического значения понятий страдания и сострадания. Обращение к метафизике сострадания позволяет вскрыть подлинное основание нравственного поведения – отказ от воли к жизни во имя блага другого, за которым кроется признание единства всего сущего. Таким образом, Шопенгауэр показывает, что мораль может существовать лишь в отношении к другому человеку, где требуется выйти за рамки индивидуального существования для того, чтобы чужое страдание воспринималось как свое собственное. Метафизика сострадания, несмотря на общее настроение пессимизма мировоззрения философа в целом, дает положительную программу освобождения через страдание и сострадание от безудержного стремления воли и достижения счастливого, безмятежного состояния духа. В современных условиях дисгармонии человеческих взаимоотношений, роста отчуждения между людьми, вызванного созданием многочисленных опосредованных средств общения (Интернет и др.), проблема сострадания только начинает приобретать свою актуальность, поэтому обращение к этике Шопенгауэра современных исследователей должно стать первоочередным шагом на пути решения проблем морали и нравственности.

¹ Шопенгауэр А. Мир как воля и представление // Шопенгауэр А. Собр. соч.: В 6 т. М., 1999. Т. 1. С. 233.

² Швейцер А. Культура и этика. М., 1973. С. 242.

³ Шопенгауэр А. Об основе морали // Шопенгауэр А. Две основные проблемы этики; Афоризмы житейской мудрости: Сб. ст. Мн., 1999. С. 274.

⁴ Там же. С. 274.

⁵ Там же. С. 343.

⁶ Шопенгауэр А. Мир как воля и представление // Собр. соч. С. 318.

⁷ Шопенгауэр А. Об основе морали // Шопенгауэр А. Две основные проблемы этики. Мн., 1999. С. 278.

⁸ Там же. С. 277.

Поступила в редакцию 25.02.2004.

Елена Владимировна Калуга – аспирантка кафедры философии культуры. Научный руководитель – кандидат философских наук, профессор И.Л. Зеленкова.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СЕМИОТИКИ ТЕКСТА Ю.М. ЛОТМАНА

Акцентируется внимание на структурно-функциональной специфике текста и аппликации теоретической концепции на культурно-исторический материал, что нашло отражение в идее семиосферы, проблеме межличностной и межкультурной коммуникации.

The accent is given to the structural and functional specific features of a text and the application of theoretical conception in the cultural-historical material, which was reflected in the idea of semiosphere and the problem of interpersonal and intercultural communication.

В становление и развитие русской семиотики огромный вклад внес ведущий теоретик тартуско-московской семиотической школы Юрий Михайлович Лотман, назвавший свой метод (опираясь на идеи своих предшественников и коллег) структурно-семиотическим и определивший семиотику в трех аспектах:

1. В качестве предложенной Ф. де Соссюром *семиологии* как науки о знаках, функционирующих в рамках общественной жизни.

2. Как *метод гуманитарных наук*, проникающий в различные дисциплины. Его спецификой является сам способ рассмотрения объекта.

3. Как «*своеобразие научной психологии исследователя, склад его познающего сознания*»¹.

В данной статье делается акцент на семиотическом анализе как методе гуманитарных наук, обеспечивающем перспективы междисциплинарного подхода к феномену текста и культуры.

Концепция Ю.М. Лотмана основывается на «презумпции семиотичности», т. е. на исследовании любого явления культуры как имеющего знаковый характер. Мир, в котором живет человек, подвергается семиотизации, разделяется на область объектов, нечто означающих, символизирующих и, таким образом, становящихся фактом культуры. Поскольку в культуре не существует до- и внезнаковых образований, то интерпретация любых ее феноменов должна начинаться с их семиотического анализа. Семиотика, таким образом, есть в первую очередь семиотика культуры.

Центральной концептуальной основой исследования тартуско-московской школы стала проблема текста. Ю.М. Лотман рассматривал понятие текста объемно и многомерно, его концепция вообще была названа «текстоцентрической»². Текст – явление культуры, охватывающее ее пространство на всех уровнях. «Спектр текстов, заполняющих пространство культуры, рисуется нам как расположенный на оси, полюса которой образуют искусственные языки, с одной стороны, и художественные – с другой. Остальные помещаются на разных точках оси, тяготея то к одному, то к другому полюсу»³. Текст может рассматриваться как культуры в целом, в том числе и как «отдельная личность» и как художественное произведение, а также в качестве «текста жизни».

В трактовке Ф. Соссюра текст рассматривается как «манифестация языка» и принадлежит области речи, в связи с чем наряду с системными элементами ему присущи и внесистемные. Текст выступает как нечто, «ценное не само по себе, а лишь в качестве своего рода упаковки, из недр которой извлекается объект интереса»⁴, и в этом значении он противостоит языку как «выраженное – невыраженному, материализованное – идеальному и пространственно ограниченное – внепространственному»⁵. С точки зрения Ю.М. Лотмана, язык и текст принципиально не сводимы друг к другу, текст – более широкое понятие. Первоначальные определения текста подчеркивали его единую сигнальную природу, означающую, что он является высказыванием на каком-то одном языке. Развивая свою концепцию текста, Ю.М. Лотман в основу его понимания кладет следующие свойства: *выраженность, ограниченность, структурность*.

Первое означает, что текст закреплён в определенных знаках, противостоя тем самым внетекстовым структурам. «Выраженность в противопоставлении невыраженности заставляет рассматривать текст как реализацию некоторой системы, ее материальное воплощение»⁶.

Отграниченность свойственна тексту по причине противостояния, с одной стороны, материальным знакам, не включенным в него, а с другой стороны, всем структурам с невыраженным признаком границы, например структуре естественных языков. В различных текстах понятие границы выражено по-разному: это может быть начало и конец в книге, рама в картине, рампа на сцене. Сам текст имеет иерархическую структуру (подчиненность менее значимых элементов более значимым), что свидетельствует о наличии в нем внутренних границ и о необходимости перекодировки уже в системе одного текста.

Третье свойство (структурность) напрямую связано со вторым (отграниченность). «Текст не представляет собой простую последовательность знаков в промежутке между двумя внешними границами»⁷. Внутренняя организация текста превращает его в структурное целое. В качестве присущего тексту закона Ю.М. Лотман называет структурную гетерогенность, т. е. языковую множественность. «Они или являются результатом двойной (многократной) кодировки, или складываются из двух (нескольких) субтекстов, которые, будучи закодированы различными способами, вместе с тем в определенном отношении представляют собой единый текст»⁸.

Обладая сложной структурой, текст выполняет различные функции. В качестве первичной называется *коммуникационная функция* (передача константной информации), целью которой является достижение максимального понимания. Идеальным случаем при этом считается полное совпадение исходного текста с получаемым при декодировании на выходе. Однако условия для получения такого результата практически неосуществимы. «Для этого требуется, чтобы адресант и адресат пользовались полностью идентичными кодами, то есть, фактически, чтобы они в семиотическом отношении представляли бы как бы удвоенную одну и ту же личность»⁹. В данном случае текст выполняет функцию лишь пассивного носителя информации. Как отмечает О.Н. Леута (исследователь творчества Ю.М. Лотмана), «...в структурном отношении текст в данном его аспекте выступает как реализация, как воплощение языка: все, что несущественно для языка, является в тексте случайным и не может быть носителем смысла»¹⁰.

Вторая функция – *творческая* (смыслопорождающая, креативная), при которой текст перестает быть пассивным носителем информации и становится генератором новых смыслов. «Здесь ценность системы определяется нетривиальным сдвигом значения в процессе движения текста от передающего к принимающему»¹¹. Нетривиальным Ю.М. Лотман называет такой «сдвиг значения», который непредсказуем. Получаемые таким образом новые тексты являются «незакономерными» и с точки зрения существующих правил «неправильными»¹². Здесь не полностью совпадают коды передающего и принимающего, что является необходимым условием всякого контакта. Текст, осуществляющий функцию порождения новых смыслов, отличается полиструктурностью, многоязычностью, внутренней неоднородностью. Смыслопорождающие структуры определяются Ю.М. Лотманом как своего рода «семиотические монады», которыми являются «...как культура в целом, так и каждый, заключенный в нее достаточно сложный текст, включая и отдельную человеческую личность, рассматриваемую как текст»¹³.

Третья функция предполагает *сохранение информации*, когда текст выступает в качестве «конденсатора культурной памяти», обладающий «...способностью сохранять память о своих предшествующих контекстах... Сумма контекстов, в которых данный текст приобретает осмысленность и которые определенным образом как бы инкорпорированы в нем, может быть названа памятью текста»¹⁴.

Важным моментом в концепции Ю.М. Лотмана является переосмысленная и дополненная схема коммуникации Р. Якобсона. Коммуникация – не просто передача готового сообщения – это акт трансформации: «...текст трансформирует язык, адресата – устанавливает контакт между адресантом и адресатом, трансформирует самого адресанта»¹⁵. Контекст становится со-текстом. Обезличенные адресант и адресат становятся личностями (Я – Ты), а отношения между ними приобретают диалогический характер. «Диалогическая речь отличается не

только общностью кода двух сложных высказываний, но и наличием определенной *общей памяти* у адресанта и адресата»¹⁶. Развивая идею Ю.М. Лотмана, на место адресанта и адресата можно ставить не только определенную личность, культуру, текст, но и, например, конкретный пол (мужчина-женщина). Тогда данная схема приобретает междисциплинарную (гендерно-семиотическую) направленность, что дает интересные перспективы в исследовании.

Рассматривая структуру художественного текста и текста как такового, Ю.М. Лотман приходит к осознанию всей культуры в качестве текста. Данная идея нашла отражение в концепции семиотического пространства или семиосферы, обладающей в макромасштабе всеми признаками и характеристиками текста и включающей в себя иерархию текстов и их взаимодействие. Семиосфера – создаваемое текстом вокруг себя смысловое пространство, которое «...является подвижным образованием, меняющимся в зависимости от того, какие культурные коды актуальны на данном историческом этапе»¹⁷.

Сама идея пространства и возможности построения пространственной семиотики обусловлена развитием математических и естественных наук. «Успехи не-евклидовой геометрии и появление теории относительности выдвинули идеи релятивности пространства, множественности пространств, их асимметричности и взаимной симметрической дополнителности»¹⁸. По аналогии с понятием биосферы В.Н. Вернадского Ю.М. Лотман выстраивает свою концепцию семиосферы. Как отмечает сам автор, «...семиотика пространства имеет исключительно важное, если не доминирующее, значение в создании картины мира той или иной культуры. Природа этого явления связана с самой спецификой пространства. Неизбежным фундаментом освоения жизни культурой является создание образа мира, пространственной модели универсума. В этом случае пространственное моделирование реконструирует пространственный же облик реального мира»¹⁹. Таким образом, аспект культуры, который может быть условно обозначен нами как географически-временной – один из основополагающих факторов самоописания и картины мира культуры, в дальнейшем влияющих на процесс порождения значений (семиозис). Семиосфера является условием существования отдельных языков, функционирующих в культуре, и обладает несколькими основными признаками:

а) *бинарность* и *асимметрия* – обязательный принцип построения семиотической системы. Данная особенность проявляется в соотношении центра и периферии культуры;

б) семиосфера отличается *неоднородностью*. «Заполняющее семиотическое пространство языки различны по своей природе и относятся друг к другу в спектре от полной взаимной переводимости до столь же полной взаимной непереводимости»²⁰;

в) один из главных механизмов существования семиотического пространства – *граница*, понятие которой двусмысленно, поскольку она как соединяет, так и разъединяет. Любая культура делит мир на «свое» и «чужое» пространство. Помимо внешней существует множество внутренних границ, пересекающих все пространство семиосферы и образующих многоуровневую систему. Культура возможна лишь благодаря противопоставлению не-культуре, или другой культуре, что, в свою очередь, подразумевает нижеследующую особенность;

г) *диалогичность* семиосферы. Отношения с другими культурами имеют диалогическую природу. «Культура пребывает в постоянном диалоге с внешним по отношению к ней пространством, структурируя его по своему образу и подобию»²¹. Диалог весьма важен для самой культуры, поскольку является основой для ее идентификации и самопознания.

Ю.М. Лотман выделяет несколько возможных вариантов восприятия другой культуры, или культурного текста:

- тексты, поступающие извне культуры, остаются чужими, однако им приписывается статус истинности;
- обе взаимодействующие культуры перестраиваются;

- подчеркивается национальная природа переданных извне текстов, приоритетность «своего» перед «чужим»;
- тексты другой культуры полностью растворяются в воспринимающей культуре, порождая при этом процесс создания новых текстов;
- принимающая культура транслирует новые тексты на периферию семиосферы.

Пространство диалога весьма широко, в нем существует две основные направленности – горизонтальная и вертикальная. Горизонталь в диалоге – все, что касается земной жизни, процесса общения между людьми и культурами (Я – Ты, Я – Он, Мы – Они, Я – Другой и т. д.). В данном контексте можно говорить и о феномене автокоммуникации (Я – Я), причем если речь идет о культуре, а не об отдельном человеке, то здесь имеет место диалог с историей (традиция – новация). Вертикальная направленность задается в первую очередь религией – это диалог с Богом, с миром трансцендентного. Для русской культуры, например, данная направленность диалога, по сути, является первичной благодаря православию, повлиявшему на становление и специфику мировоззрения русских.

Концепция семиосферы Ю.М. Лотмана, его понимание текста побудили многих семиотиков и культурологов к созданию собственных теорий. Б.А. Успенский, рассматривая специфику семиотического осмысления истории, подчеркивает возможность восприятия исторических событий в качестве текста, который «читается социумом». «В семиотической перспективе исторический процесс может быть представлен как процесс коммуникации, при котором постоянно поступающая новая информация обуславливает ту или иную ответную реакцию со стороны общественного адресата (социума)»²². А.М. Панченко предложил концепцию истории как эха, в котором слышны отголоски предшествующих событий²³.

Семиотика текста Ю.М. Лотмана обогатила возможности исследования культуры и человека, мира в целом в семиотическом ракурсе. Основные характеристики семиотического пространства, функциональные особенности текста, расширенная схема коммуникации (межличностной и межкультурной) являются методологической базой для исследования любой культуры. С помощью теоретической концепции становится возможным реконструировать эмпирический, культурно-исторический материал в контексте семиотической методологии, прочесть культуру и саму личность как текст.

Для подтверждения значимости данной концепции, действенности ее методологии Ю.М. Лотман осуществил блестящую реконструкцию семиотического пространства древнерусской культуры (как пространства диалога язычества с христианством), феномена самодержавия и власти (как диалога «Царь-Бог»), русской культуры XVIII–XIX вв. (рассмотрев специфику бытового поведения, литературного языка, городского пространства), межкультурного диалога (Запад – Россия – Восток), посвятил множество работ исследованию литературных, художественных, кинематографических текстов. Труды выдающегося семиотика открыли дорогу для последующих поисков в данной области. Идеи культуры, истории, личности как текстов, теория семиосферы создали перспективу в особом подходе к пониманию конкретных культур, в расширении исследовательских горизонтов, возможности междисциплинарных методологических союзов, создание которых является задачей современных семиотиков.

¹ Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров // Семиосфера. СПб., 2000. С. 153.

² Лотман М.Ю. Семиотика культуры в тартуско-московской семиотической школе // Лотман Ю.М. История и типология русской культуры. СПб., 2002. С. 14.

³ Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров // Лотман Ю.М. Семиосфера. С. 160.

⁴ Там же. С. 156.

⁵ Лотман Ю.М. К современному понятию текста // Лотман Ю.М. История и типология русской культуры. С. 188.

⁶ Лотман Ю.М. Структура художественного текста // Лотман Ю.М. Об искусстве. СПб., 1998. С. 61.

⁷ Там же. С. 63.

⁸ Лотман Ю.М. Текст как динамическая система // Структура текста-81. Тезисы симпозиума / Институт славяноведения и балканистики АН СССР. М., 1981. С. 105.

⁹ Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров // Лотман Ю.М. Семиосфера. С. 157.

¹⁰ Леута О.Н. Ю.М. Лотман о трех функциях текста // Вопросы философии. 2002. № 4. С. 165.

¹¹ Лотман Ю.М. Мозг – текст – культура – искусственный интеллект // Лотман Ю.М. Семиосфера. С. 581–582.

¹² Лотман Ю.М. Феномен культуры // Семиосфера. С. 568.

¹³ Лотман Ю.М. Культура как субъект и сама-себе объект // Семиосфера. С. 641.

¹⁴ Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров // Лотман Ю.М. Семиосфера. С. 162.

¹⁵ Лотман М.Ю. Семиотика культуры в тартуско-московской семиотической школе // Лотман Ю.М. История и типология русской культуры. С. 16.

¹⁶ Лотман Ю.М. Текст и структура аудитории // Лотман Ю.М. История и типология русской культуры. С. 169.

¹⁷ Леута О.Н. Ю.М. Лотман о трех функциях текста // Вопросы философии. 2002. № 4. С. 173.

¹⁸ Лотман Ю.М. От редакции. *К проблеме пространственной семиотики* // Труды по знаковым системам. Тарту, 1986. Вып. 720. С. 3.

¹⁹ Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров // Лотман Ю.М. Семиосфера. С. 275.

²⁰ Там же. С. 252.

²¹ Лотман М.Ю. Семиотика культуры в тартуско-московской семиотической школе // Лотман Ю.М. История и типология русской культуры. С. 19.

²² Успенский Б.А. *Historia sub specie semioticae* // Успенский Б.А. Этюды о русской истории. СПб., 2002. С. 77.

²³ См.: Панченко А.М. История и вечность в системе культурных ценностей // О русской истории и культуре. СПб., 2000. С. 55–78.

Поступила в редакцию 03.02.2004.

Наталья Николаевна Жолнеркевич – аспирантка кафедры философии культуры. Научный руководитель – кандидат философских наук, доцент И.М. Наливайко.

Д.Г. ДЬЯКОВ

МОДЕЛЬ ПЕРЕЖИВАНИЯ КАК ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРЕОДОЛЕНИЯ СИТУАЦИЙ ФРУСТРАЦИИ

Исследуются теоретические предпосылки построения модели переживания ситуаций фрустрации; раскрывается ее поуровневое устройство; рассматриваются основные психологические механизмы осуществления переживания ситуаций фрустрации в рамках данной модели.

Theoretical premise of the creation of the model of frustrating situations experience is researched. The establishment of the model is revealed at every level. The main psychological mechanisms of the realization of the frustrating situations experience are considered within the model.

Теоретическое обоснование модели переживания ситуаций фрустрации. Впервые категория переживания описана в отечественной психологии такими исследователями, как Л.С. Выготский, Б.М. Теплов, С.Л. Рубинштейн. В поздних работах Л.С. Выготский определяет переживание как «...действительную динамическую единицу сознания, т. е. полную, из которой складывается сознание»¹. Для Б.М. Теплова переживание является «...основной единицей построения и развития личности»². С.Л. Рубинштейн понимает переживание как «особо значимый механизм в жизни человека, характеризующий индивидуальный путь его развития»³. М.Г. Ярошевский, анализируя понимание Б.М. Тепловым категории переживания в ее отношении к психологической реальности, пишет: «Применительно как к личности, так и к предмету психологии Б.М. Теплов принимает категорию переживания за ключевую», следовательно, можно предположить, что и Л.С. Выготский, и Б.М. Теплов рассматривают переживание как «клеточку сознания... единицу психологии», представляющую собой «единство аффекта и интеллекта»⁴. Интересы ученых тем не менее не сводились к изучению проблемы переживания, следствием чего является фактическое отсутствие психологической модели данного феномена, построение которой обусловлено в первую очередь необходимостью исследования переживания ситуаций фрустрации лицами с отклонениями в психофизическом развитии, которые испытывают громадные проблемы в связи с их инвалидностью и соответственно сложностями социальной адаптации. Изучением психологических особенностей данной категории лиц занимается специальная психология, понятийный аппарат которой выстроен в рамках отечественной психологической традиции. Модели переживания в рамках иных психологических парадигм не могут адекватно вписаться в специальную психологию, в ее единое теоретическое поле и служить основанием для решения практических задач, что и обуславливает важность построения модели в русле культурно-исторической теории, являющейся «образующей основой» отечественной психологии.

Ф.Е. Василюк, наиболее активно в отечественной психологии изучавший переживание, определяет его как преодоление критических ситуаций через выстраивание осмысленных *отношений между критической ситуацией* (в частности, ситуацией фрустрации) *и ценностями* (через конституируемый ими мотив)⁵. Мы рассматриваем понимание Ф.Е. Василюком переживания критических ситуаций как *частный вариант категории переживания*, предлагаемой в работах

Л.С. Выготского, Б.М. Теплова. Переживание рассматривается Ф.Е. Василюком как осмысление критической ситуации (частным вариантом которой является ситуация фрустрации), т. е. соотнесение ее с системой ценностей субъекта. Осмысление, в свою очередь, представляет собой установление осознанных отношений между ситуацией, мотивом и конституирующими его ценностями⁶. Установление отношений предполагается как достраивание эмоциональной составляющей реакции субъекта на ситуацию фрустрации за счет ее когнитивного компонента. Осмысление, исходя из взглядов А.Н. Леонтьева, предполагает формирование субъективной значимости ситуации для переживающего субъекта⁷. Следовательно, переживание критических ситуаций может рассматриваться нами как когнитивный этап (сложно определить место этого этапа в актуалогенезе переживания: он может быть как сосуществующим, так и следующим за эмоциональным этапом переживания критической ситуации) психологической деятельности субъекта, обусловленной необходимостью преодоления критической ситуации (в нашем случае – ситуации фрустрации).

Переживание критических ситуаций фрустрации как установление смыслового соответствия между переживаемой ситуацией и ценностями через конституируемый ими актуализированный в критической ситуации мотив представляет собой *модель* переживания критических ситуаций фрустрации в рамках настоящего исследования.

Модель переживания ситуаций фрустрации. В основе нашей модели лежит понимание сознания как многоуровневой системы (А.Н. Леонтьев, С.Л. Рубинштейн и др.) и понимание переживания как динамической единицы сознания (Л.С. Выготский, Б.М. Теплов).

Предлагаемая модель выстраивается с опорой на понимание переживания как деятельности (принимая это определение, мы четко ограничиваем категориальное поле, в котором будет осуществляться и рассматриваться настоящее исследование) ценностного преодоления субъектом критической ситуации⁸.

Модель переживания как деятельности, кроме того, выстраивается с опорой на логику развития ведущего вида деятельности в концепции Д.Б. Эльконина. Данная логика предполагает два основных этапа в развитии любой деятельности: мотивационный и операциональный. В структуре любой деятельности на разных этапах ее онтогенеза доминирует один из двух структурных компонентов или уровней: соответственно мотивационный или операциональный⁹. Мы опираемся на модель психического аппарата, предложенную Б.С. Братусем¹⁰, согласно которой психическая активность обнаруживает себя на трех уровнях: личностно-смысловом, индивидуально-психологическом и физиологическом (схожие представления в отношении структуры психической деятельности имеют А.Г. Асмолов, В.А. Иванников, Т.В. Корнилова, И.А. Васильев и некоторые др.).

В соответствии с обозначенными теоретическими разработками наша модель обнаруживает два уровня: личностно-смысловой, операциональный.

Уровни модели переживания ситуаций фрустрации. В *операциональный* уровень включаются те психические явления и процессы, которые обеспечивают техническую сторону деятельности переживания. Ф.Е. Василюк пишет о том, что переживание обеспечивается всей группой психических функций, но каждый раз одна из них может играть главную роль, беря на себя основную часть работы переживания, т. е. работы по разрешению «неразрешимой» ситуации¹¹. «В противовес той прочной ассоциации (а порой и отождествлению), между словами «эмоция» и «переживание», которая бытует в психологии, нужно специально подчеркнуть, что эмоция не обладает никакой прерогативой на исполнение главной роли в реализации переживания. Основным исполнителем может стать и восприятие (в разнообразных феноменах «перцептивной защиты»), и мышление (случаи «рационализации» своих побуждений, так называемая «интеллектуальная переработка» травмирующих событий), и внимание (защитное переключение внимания на посторонние травмирующему событию моменты), и другие психические «функции»¹². Таким образом, различные механизмы переживания могут быть поняты на этом уровне как особые «функциональные органы», т. е. «...определенные ор-

ганизации, складывающиеся для реализации целей конкретного процесса переживания»¹³. «Подобный “функциональный орган”, или механизм переживания, раз сложившись, может стать одним из привычных средств решения жизненных проблем и может пускаться субъектом в ход даже при отсутствии ситуации невозможности, т. е. оставаться переживанием лишь по своему происхождению, но не по функции»¹⁴.

Личностно-смысловой уровень. Исходя из определения переживания как ценностного преодоления ситуации фрустрации через ее осмысление относительно системы ценностей субъекта, можно выделить две составляющих переживания на этом уровне: *осознание отношений ситуации к мотиву и осознание отношений мотива к системе ценностей субъекта*. Личностно-смысловой уровень, таким образом, в микрогенезе включает две составляющих — осознание отношений между следующими компонентами: ситуацией фрустрации и конституирующим ее мотивом; и актуализированным мотивом и конституирующими его ценностями.

В своем эмпирическом исследовании мы предпринимаем попытку рассмотрения *личностно-смыслового* уровня нашей модели. Изучая переживание в соответствии с определением Ф.Е. Василюка как установление смыслового соответствия ситуации ценностям, мы раскрываем преимущественно особенности *личностно-смыслового* уровня данной модели.

Модель личностно-смыслового уровня, на котором соотносится ситуация фрустрации с системой ценностей субъекта, включает два компонента, соответствующих двум возможным качествам переживания: центральный, или стержневой, и периферический. Центральный компонент моделирует содержание, определяемое Ф.Е. Василюком как позитивное (продуктивное) переживание, а периферический — как то, что обозначается автором как переживание негативное (непродуктивное). Основываясь на предположении Ф.Е. Василюка о двух возможных качествах переживания (позитивном и негативном), мы предложили критерии такого дифференцирования.

Критерии дифференцирования качества переживания ситуаций фрустрации. При выделении *критериев* мы исходили из того, что позитивное переживание всегда ценностное; позитивное переживание предусматривает осмысление, предполагающее осознание. Общим надкритериальным основанием *дифференцирования* качества переживания становится установление осознанного отношения между ситуацией фрустрации и конституирующими ее ценностями, при котором ситуация начинает переживаться перспективной. Выделение частных критериев из данного основания осуществляется на основе описанных выше компонентов переживания и в соответствии с ними. Первым критерием становится осознание отношений между ситуацией фрустрации и конституирующим ее мотивом; вторым соответственно — осознание отношений между мотивом и конституирующими его ценностями. Если, как в отношении первого, так и в отношении второго критерия, обнаруживает себя осознание отношений между компонентами переживания, мы можем говорить о позитивном переживании; в случае, если обнаруживает себя не осознание хотя бы одного из отношений, мы вправе говорить о негативном переживании.

Результатом переживания могут выступать изменения в иерархии мотивов наряду с постановкой новой цели, осуществляющей перспективную связь между ситуацией фрустрации и системой ценностей субъекта. В случае преобразования иерархии мотивов происходит изменение доминирующего в ситуации мотива. В результате подобной реконструкции ситуация начинает переживаться не как критическая, а как перспективная. Если результатом переживания становится постановка цели, осуществляющей перспективную связь между ситуацией фрустрации и конституирующими ее ценностями, то установление таких отношений между ситуацией и ценностями обуславливает становление перспективности ситуации фрустрации в динамике переживания.

Возможность присутствия описанных явлений, результирующих процесс переживания, но входящих при этом в его структуру (как в случае позитивного, так и

негативного переживания), позволяет нам осуществить типологизацию переживания.

Критерии типологизации переживания ситуации фрустрации. *Центральным критерием* построения типологии является присутствие в структуре переживания (в микрогенезе) двух перечисленных межкомпонентных явлений: осознания отношений между ситуацией фрустрации и конституирующим ее мотивом; осознание отношений между мотивом и конституирующими его ценностями. В качестве *периферических критериев* выступают наличие изменений в иерархии мотивов и постановка новой цели, устанавливающей перспективную связь между ситуацией фрустрации и системой ценностей субъекта.

Типология переживания ситуаций фрустрации

1. Переживание, при котором имеет место: осознание отношений между ситуацией фрустрации и актуализированным в ней мотивом; осознание отношений между мотивом, актуализированным в ситуации, и системой ценностей субъекта, конституирующей этот мотив; изменение иерархии мотивов; постановка цели, устанавливающей перспективную связь между ситуацией фрустрации и системой ценностей субъекта, не осуществляется.

2. Переживание, при котором имеет место: осознание отношений между ситуацией фрустрации и актуализированным в ней мотивом; осознание отношений между мотивом, актуализированным в ситуации, и системой ценностей субъекта, конституирующей этот мотив; изменения иерархии мотивов не происходит; осуществляется постановка цели, устанавливающей перспективную связь между ситуацией фрустрации и системой ценностей субъекта.

Два первых типа мы можем условно соотносить с позитивным, а два последних — с негативным качеством переживания.

3. Переживание, при котором имеет место: целостное либо фрагментарное не осознание отношений между ситуацией фрустрации и актуализированным в ней мотивом; осознание отношений между мотивом, актуализированным в ситуации, и системой ценностей субъекта, конституирующей этот мотив; изменения иерархии мотивов не происходит; постановка цели, устанавливающей перспективную связь между ситуацией фрустрации и системой ценностей субъекта, не осуществляется.

4. Переживание, при котором имеет место: осознание отношений между ситуацией фрустрации и актуализированным в ней мотивом; целостное либо фрагментарное не осознание отношений между мотивом, актуализированным в ситуации, и системой ценностей субъекта, конституирующей этот мотив; изменения иерархии мотивов не происходит; постановка цели, устанавливающей перспективную связь между ситуацией фрустрации и системой ценностей субъекта, не осуществляется.

Установление осознанных отношений между обозначенными компонентами переживания осуществляется в нашей модели посредством ряда универсальных механизмов (единых как для позитивного, так и для негативного переживания).

Механизмы переживания ситуаций фрустрации. Выделение механизмов осуществляется нами в соответствии с предположением С.Л. Рубинштейна, согласно которому «заключенные в переживании тенденции, зависящие от того, что оказывается значимым для личности, контролируют, таким образом, в той или иной мере, избирательный процесс их осознания»¹⁵. В качестве механизмов осуществления переживания предложены описанные А.И. Розовым (И.И. Розетом)¹⁶ как опосредствующие переживание комических механизмы *анаксиоматизации*, *гипераксиоматизации* и построенный нами по тому же принципу механизм *реаксиоматизации*. Анаксиоматизация понимается А.И. Розовым как механизм критериального изменения отношения субъекта к данности, содержанием которого является приписывание ей более низкой оценки. Гипераксиоматизация понималась ученым как механизм, обратный анаксиоматизации и заключающийся в критериальном изменении отношения субъекта к данности для придания ей более высокой оценки¹⁷. Механизм реаксиоматизации, построенный нами

по идентичному принципу, представляет собой «горизонтальное» (в отличие от «вертикального» в механизмах, описанных А.И. Розовым) критериальное изменение отношения субъекта к данности в направлении придания ей отличной (иной) оценки.

Особенности осуществления описанных механизмов в случае позитивного переживания, в отличие от негативного, состоят в том, что при позитивном переживании анаксаматизация (обесценивание), гипераксаматизация (повышение оценки) и реаксаматизация («горизонтальное» изменение оценки) осуществляются в направлении компонентов переживания (ситуация, мотив, ценности, барьер, преграждающий путь реализации мотива) в их отношениях, связях друг с другом. В случае негативного переживания данные механизмы обнаруживают себя в направлении соответствующих компонентов вне их отношений, связей, вне целостности переживания.

¹ Выготский Л.С. Собр. соч.: В 6 т. М., 1983. Т. 4. С. 383.

² Теплов Б.М. О музыкальном переживании // К 35-летию научной деятельности Д.Н. Узнадзе. Тбилиси, 1945. С. 427–447.

³ Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии: В 2 т. М., 1989. Т. 1. С. 15.

⁴ Ярошевский М.Г. Идеи Б.М. Теплова о переживании как феномене культуры // Основы психологии. 1997. № 4. С. 63–75. С. 65.

⁵ См.: Василюк Ф.Е. Психология переживания. М., 1984.

⁶ См.: Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975.

⁷ См.: Там же.

⁸ См.: Василюк Ф.Е. Типологии переживания различных критических ситуаций // Психологический журнал. 1995. Т. 16. № 5. С. 104–114.

⁹ См.: Эльконин Д.Б. К проблеме периодизации психического развития в детском возрасте // Вопросы психологии. 1971. № 4. С. 6–20.

¹⁰ См.: Братусь Б.С. Аномалии личности. М., 1988. С. 71.

¹¹ См.: Василюк Ф.Е. Указ. соч. С. 5.

¹² Там же. С. 59.

¹³ Там же. С. 75.

¹⁴ Там же. С. 75.

¹⁵ Рубинштейн С.Л. Указ. соч. С. 21.

¹⁶ См.: Розов А.И. Переживание комического в свете некоторых более общих закономерностей психической деятельности // Вопросы психологии. 1979. № 2. С. 117–124.

¹⁷ См.: Там же. С. 117.

Поступила в редакцию 04.05.2004.

Дмитрий Григорьевич Дьяков – аспирант кафедры психологии. Научный руководитель – доктор психологических наук, профессор Е.С. Слепович.

И.В. СУЗДАЛЕВА

ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ ФОРМИРОВАНИЯ И РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Актуализируется проблема определения принципов государственной региональной политики. На основании анализа общих принципов ее формирования и реализации, специфики, выявления природы региональных проблем раскрывается содержание и потенциал принципов региональной политики в Республике Беларусь.

The article shows the contents and potential of the principles of the regional policy in the Republic of Belarus. It analyses the general principles of its formation, realization and reveals its nature and specific character.

В условиях становления новой системы государственного управления особую актуальность приобретают вопросы, связанные с выработкой научно обоснованных подходов к формированию и реализации региональной политики в Республике Беларусь. Под региональной политикой следует понимать сферу деятельности государства, органов государственной власти по управлению политическим, социальным, экологическим и иным развитием общества в территориально-пространственном, региональном аспектах, отражающую как взаимоотношения государства с регионами, так и взаимодействие регионов между собой.

Эффективное проведение региональной политики возможно только при условии взаимодействия всех элементов политической системы, действующих по установленным правилам, совокупность которых составляет основу ее формирования и реализации и в полной мере способствует достижению поставленных целей. Выявление и обоснование этих принципов представляется сложной задачей, особенно когда речь идет о процессах переходного характера.

Современные исследователи при анализе государственной политики часто ограничиваются перечислением принципов, а иногда их пояснением¹. Для автора данной статьи принцип является отправным пунктом, основанием, из которого следует исходить и которым необходимо руководствоваться в деятельности по формированию и осуществлению региональной политики.

Определение принципов государственной политики требует основательности, так как в данном случае проявляется диалектика объективного и субъективного, знания и практического действия. Неразрывность объективного и субъективного составляет методологический «секрет» проблемы принципов государственной (региональной. – И. С.) политики, которые, по нашему мнению, необходимо тщательно детализировать, доказав их материальное бытие. Принципы должны основываться на объективных политических явлениях и процессах, раскрывать их природу и управленческую роль; на основе точного отображения действительности описывать закономерности, отношения и взаимосвязи, объективно существующие в государственном управлении и имеющие особое значение для его организации и функционирования; показывать развивающуюся сущность определенного государственно-управленческого явления; способствовать использованию научных знаний в практике управления².

По нашему мнению, можно выделить следующие **принципы региональной политики**. Во-первых, ее проведение предполагает соблюдение *принципа целеполагания* – исходного пункта управления, рассматриваемого как прогнозируемый результат и сформированного на основе анализа текущей ситуации, международных и отечественных тенденций. Определение приоритетов (основных направлений) государственной региональной политики осуществляется через стратегическое мышление и управление, которое является результатом анализа доминирующей в данный момент мотивации, общественных потребностей и запросов. Политика начинается с появления проблем, возникающих в результате совместной жизни и деятельности людей и актуализируемых благодаря вниманию к ним политиков и профессиональных должностных лиц. В процессе формулирования проблем управления на стадии принятия политического решения происходит выявление сущности проблемы и формирование цели. На наш взгляд, удачно сформулировал цель государственной региональной политики в Республике Беларусь ученый В.С. Фатеев, предложив в качестве основной цели рассматривать «...сохранение территориальной целостности, укрепление социального и экономического единства страны, сочетание общегосударственных интересов с интересами различных региональных и местных сообществ, создание условий для устойчивого человеческого развития на всей территории Беларуси»³. Такая цель вполне может быть реализована посредством решения более конкретных задач в экономической, социальной и других сферах.

Во-вторых, региональная политика должна иметь надежную *законодательную основу*. Государственная политика, в т. ч. и региональная, по определению может быть реализуема только на законодательной основе⁴. С одной стороны, закон закрепляет сложившуюся систему общественных отношений, складывающуюся в сфере организации и деятельности государственных органов по управлению региональным развитием. С другой стороны, в законодательстве находит свое отражение содержание региональной политики – цели, принципы, государственно-правовые институты, формы, методы, механизм реализации. Правовые основы региональной политики состоят как из общего правового базиса государства (в первую очередь Конституции), так и нормативно-законодательных актов, непосредственно регламентирующих ее проведение. Конституция Республики Беларусь определяет саму возможность проведения региональной политики в государстве, закрепляя основные ее начала: права человека; институт местного самоуправления и управления как объект региональной политики; статус государственных органов и их полномочия в сфере региональной политики; финансовую и бюджетную основу; систему взаимных гарантий субъектов. Таким образом, Конституция регулирует региональную политику государства лишь косвенно. Различные же ее аспекты содержат также ряд законодательных актов. Например, Закон «Об административно-территориальном делении и порядке решения вопросов административно-территориального устройства Республики Беларусь», принятый 5 мая 1998 г., определяет систему административно-территориального деления государства, т. е. создает условия для статусного определения региона⁵. Основные концептуальные моменты региональной политики развиваются в Законе «О местном управлении и самоуправлении в Республике Беларусь» от 20 февраля 1991 г.⁶, который определяет систему и экономическую базу, закрепляет основы правового положения местных органов управления и самоуправления, органов общественного самоуправления и т. д.

Вместе с тем региональная политика сама должна быть предметом специального правового регулирования. Так, в Российской Федерации действует Указ президента Российской Федерации «Об основных положениях региональной политики в Российской Федерации»⁷. В 2001 г. Национальным советом регионов при президенте Украины была принята Концепция государственной региональной политики, которая затем была утверждена указом главы государства⁸. В Республике Беларусь пока нет целостного документа, отражающего систему намерений и действий по реализации интересов государства в отношении регионов, а также интересов самих регионов.

Третьим принципом региональной политики является принцип пространственной направленности, возникновение которого обусловлено в первую очередь неравномерным развитием регионов. Как объект государственной региональной политики регион представляет собой пространственно-организованную форму жизнедеятельности населения, включающую сферы проживания, профессионально-трудовой, общественно-политической, культурно-духовной и социально-бытовой деятельности, на которую направлена преобразовательная деятельность государства. Границы регионов могут быть либо закреплены национально-государственным или административно-территориальным делением, либо специально определены для целей региональной политики. На повестку дня политического процесса выходят проблемы региона, требующие незамедлительного решения, в результате принятия которого и его имплементации нейтрализуются очаги негативных явлений или ликвидируются их последствия в любой из сфер развития региона. Например, ликвидация последствий на Чернобыльской АЭС долгое время оставалась приоритетом государственной региональной политики в Республике Беларусь.

Четвертый принцип – рыночная ориентация региональной политики. Для всех трансформирующихся стран характерно возрастание регионального фактора, что находит свое проявление в расширении полномочий местных органов власти, растущих межтерриториальных различиях, усиливающейся экономической конкуренции регионов. Представители классической экономической теории, в том числе и неоклассической, исходят из убеждения, что рыночная экономика в основном сама себя регулирует, настраивает социальный организм в соответствии с закономерным действием системы «спрос-предложение». Практика же свидетельствует о том, что рыночная саморегуляция неэффективна и принципиально неприменима для создания жизнеспособной экономики переходного периода. В таких условиях особую актуальность приобретает конструктивное сочетание прямой и косвенной поддержки государством ключевых экономических проектов и планов. Трансформационные процессы в Республике Беларусь привели к формированию особенностей белорусской модели развития страны, при которой государство отслеживает процессы экономического развития, стремится смягчить последствия возникающих проблемных ситуаций, оказывает содействие социально-экономическому развитию и т. п.⁹ Целью региональной политики государства в этом случае является создание условий, при которых рыночные отношения могли бы наиболее эффективно развиваться. Научно обоснованная региональная политика позволит использовать рыночные и административные механизмы, взаимодополняющие друг друга и образующие единое целое. Вследствие этого инициативы региональной политики направлены на усовершенствование структуры рыночных отношений и не входят в противоречие с ними.

Проведение региональной политики должно быть долгосрочным, хотя она часто рассматривается как способ решения неотложных проблем (например, безработица в связи с закрытием производств) и ее основная цель – решение долгосрочных структурных задач. Одним из основополагающих правил региональной политики является то, что целесообразнее оказывать помощь регионам, претерпевающим структурные изменения, чем субсидировать пострадавшие отрасли экономики или производства. Аналогичным образом политический акцент делается на поддержку инвестиций, а не на продолжительное субсидирование. Опыт проведения региональной политики в странах рыночной экономики показывает, что первые результаты появляются спустя довольно продолжительное время после начала специальных мероприятий. В этом отношении региональная политика крайне неблагоприятна, поскольку люди, ответственные за проведение тех или иных решений в данной области, как правило, не доживают до того момента, когда они могут увидеть результаты своего труда. Такая ситуация приобретает и другую сторону: недобросовестные чиновники имеют возможность избежать ответственности за принятые решения, поскольку нести ответственность будут уже их преемники¹⁰. Исходя из объективных предпосылок, стратегия и тактика проведения государственной региональной политики на долгосрочную перспективу должны быть хорошо продуманными и постоянно контролируруемыми.

Региональная политика требует скоординированного политического подхода. Новые тенденции в развитии современных политических систем дают основания говорить об изменении характера взаимоотношений правительственных структур и объединений граждан. Назрела необходимость выработки нового подхода, который должен строить свою исследовательскую стратегию на основании вновь формирующихся отношений между государством и обществом, между публичной и частной сферами общественной жизни¹¹. Природа региональных проблем требует участия в их решении целого ряда национальных министерств и ведомств, различных организаций регионального уровня, а также частного сектора экономики. Так, например, обеспечить экономическое развитие региона можно путем финансирования как посредством органов, занимающихся региональной политикой, так и через участие широкого круга лиц и организаций, заинтересованных в таком развитии. Данное условие усиливает акцент на отношениях партнерства и необходимости сотрудничества для достижения целей. Новые политические практики сотрудничества позволят решать конкретные проблемы регионов в областях образования, экологии, здравоохранения, жилищного строительства и т. д.

Одним из ключевых принципов формирования и реализации региональной политики следует отметить *принцип децентрализации* – последовательной передачи прав и обязанностей в области регулирования регионального развития местным органам государственного управления, самоуправления и законодательного закрепления за последними стабильных источников пополнения местных бюджетов для выполнения своих функций. Как утверждает французский исследователь Ж. Ведель, суть децентрализации «состоит в передаче прав на принятие решений органам, которые не находятся в иерархическом подчинении центральным органам власти и которые зачастую избираются заинтересованными гражданами»¹². Децентрализация является противовесом административной централизации, которую можно рассматривать как «...форму организации административной службы, при которой государство как юридическое лицо, и только оно, обеспечивает функционирование административной службы»¹³.

В ходе рассмотрения вопроса распределения полномочий между разными уровнями власти наряду с «децентрализацией» часто используют термин «деконцентрация». Деконцентрация предусматривает функционирование органов местного управления, которые находятся в подчинении Центра при наличии ограниченной передачи только некоторой административной свободы действий, например, местным подразделениям центральных министерств и ведомств. Таким образом, децентрализация, рассматриваемая в широком контексте, может принимать форму деконцентрации. Преимущества децентрализации в том, что она позволяет гражданам и их представителям на более низких уровнях управления оказывать более активное влияние на выработку и реализацию политических решений. Она способствует повышению эффективности работы правительства, так как освобождает его от решения задач местного характера и позволяет сконцентрироваться на стратегических вопросах развития страны. В Республике Беларусь имеет место передача прав от национальных органов власти местным государственным органам при сохранении строго централизованной системы государственного управления, т. е. управление региональным развитием носит характер деконцентрированного централизма. Проведение эффективной региональной политики предполагает перераспределение функций между центральными и местными органами власти на основе принципа децентрализации, что позволит повысить эффективность деятельности институтов местного управления и самоуправления, активизировать управленческий процесс на местах, а также полнее учитывать интересы и особенности развития отдельных административно-территориальных образований.

Принцип прямых и обратных связей регионов с Центром связан с принципом «демократической ответственности, основанной на обратной связи»¹⁴. В условиях демократического государства система государственного управления поддерживает постоянные связи с обществом и подвергается трансформациям в соответствии с изменяющимися интересами и потребностями общества. В этом плане общество и система государственного управления находятся в постоянных

прямых и обратных связях друг с другом. Суть обратной связи состоит в том, что «...любое отклонение системы управления от заданного состояния является источником возникновения в системе нового движения, всегда направленного таким образом, чтобы поддержать систему в заданном направлении»¹⁵.

Анализ государственного управления с позиции теории многоуровневых иерархических систем показывает, что динамическая устойчивость и эволюционный потенциал системы любого типа пропорциональны ее внутреннему разнообразию. Одним из центральных вопросов в управлении является определение степени самостоятельности ее элементов. Российский исследователь М. Месарович отмечает, что элемент самостоятелен в той степени, в какой условия его функционирования не зависят от того, что происходит с другими элементами системы¹⁶. Таким образом, взаимодействие между нижестоящими элементами системы отражает степень самостоятельности элементов, что применительно к сфере политики означает необходимость развития местного самоуправления в трансформирующемся обществе, поскольку формирование больших систем происходит по принципу «снизу вверх». Можно заключить, что местные самоуправления являются «решающими блоками», находящимися в основании многоуровневой иерархической структуры государственной власти¹⁷.

Специфика региональной политики предопределяет *принцип комплексного подхода* к решению экономических, социальных, экологических и других задач развития конкретных регионов. Органы государственной власти в результате принятия и реализации политических решений воздействуют на подсистемы региона, осуществляя тем самым комплексное вмешательство государства в процессы регионального развития в области экономики, экологии, культуры, социального развития и т. п. Суть названного подхода заключается и в применении различных методов, используемых государством для регулирования жизнедеятельности региона. Среди них существенную роль играет программно-целевой метод, позволяющий объединить в отдельный комплекс средства и ресурсы финансового, материального, организационного и иного рода для «точечного» решения актуальных задач в отношении развития регионов. В настоящее время этот метод признан правительствами многих стран и широко используется в практике. В Республике Беларусь пока отсутствует программа управления развитием региона. Специальный раздел по региональной политике представлен в таких документах, как «Основные положения программы социально-экономического развития Республики Беларусь на 2001–2005 годы» и «Основные направления социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2010 года», где определены стратегические цели и задачи государства в управлении социально-экономическим развитием регионов¹⁸. Вместе с тем для эффективного воздействия государства на развитие регионов необходимой становится разработка целевых комплексных программ, в которых должны быть обозначены приоритеты в деятельности органов государственной власти; определены допустимые формы и методы государственного регулирования; выделен перечень ресурсов государства, который может быть задействован в процессе достижения поставленных задач; прописаны механизм и процедуры по реализации региональной политики; предложены меры всестороннего и постоянного отслеживания результатов ее проведения.

Выводы:

1. В основе формирования и реализации государственной региональной политики находится совокупность принципов, отражающих закономерности регионального развития государства и находящихся в основе выработки мер по регулированию развития отдельного региона.

2. Принципы государственной региональной политики в комплексе представляют собой взаимосвязанную систему. Вместе с тем каждый из перечисленных принципов имеет структурно отведенное место в ней, при этом отражает свою индивидуальность.

3. Специфика принципов государственной региональной политики определяется природой региональных проблем и уровнем социально-экономического развития государства. Для стран переходного типа выработка собственной регио-

нальной политики на основе уже имеющегося опыта становится стратегической задачей.

4. Применительно к Беларуси пока сложно говорить о проведении целенаправленной эффективной региональной политики. В республике созданы объективные условия для совершенствования государственного регулирования регионального развития. Выход на более высокий уровень в проведении государственной региональной политики возможен при соблюдении основных принципов ее формирования и реализации.

¹ См., например: Агранат Г. О региональном развитии и региональной политике // Свободная мысль. 1996. № 9. С. 23–32; Поздняков А. М., Дульщик Ю. С., Гузнер С. С. Государственная региональная политика: концепция и принципы разработки // Регион: экономика и социология. 1995. № 2. С. 54–55; Фатеев В. С. Вопросы совершенствования государственной региональной политики Беларуси. Мн., 1999. С. 33–34.

² См.: Атаманчук Г. В. Государственное управление (организационно-функциональные вопросы). М., 2000. С. 125.

³ Фатеев В. С. Вопросы совершенствования государственной региональной политики Беларуси. Мн., 1999. С. 28.

⁴ См.: Бердашкевич А. П. Основные принципы формирования и реализации государственной политики // Вестн. МГУ. Сер. 12. Полит. науки. 2001. № 4. С. 82–94.

⁵ См.: Закон от 5 мая 1998 г. «Об административно-территориальном делении и порядке решения вопросов административно-территориального устройства Республики Беларусь» // Ведомости Национального Собрания Республики Беларусь. 1998. № 19. Ст. 214.

⁶ См.: В ред. Закона Республики Беларусь «О внесении изменений и дополнений в Закон “О местном управлении и самоуправлении в Республике Беларусь”» // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. 2000. № 8. Ст. 2/137.

⁷ См.: Игнатов В. И., Бутов В. Регионоведение (экономика и управление). Ростов н/Д., 2000. С. 172–380.

⁸ См.: В Киеве обсуждают пути развития региональной политики в Украине (по материалам УНИАН) // <http://www.podrobnosti.com.ua/power/2003/12/03/90398.html>

⁹ См.: Стратегия экономического развития Республики Беларусь на современном этапе: Материалы постоянно действующего семинара руководящих работников республиканских и местных органов, 21–22 марта 2002 г. / Под ред. Л. П. Козика, В. А. Руденка, Э. М. Скобелева. Мн., 2002.

¹⁰ См.: Маркова Т. Региональная политика Европейского Союза: принципы, тенденции развития, сложности, опыт для России // http://eulaw.edu.ru/documents/scient_effort/conf_26-04-01/markova.htm

¹¹ См.: Комаровский В. С., Сморгун Л. В. Административное управление, политика и демократический процесс: новые концепты анализа // Современная российская политология в контексте глобализации и диалога культур. К XIX Всемирному конгрессу Международной ассоциации политических наук. Дурбан, июнь 2003 г. / Под общ. ред. Г. Ю. Семигина. М., 2003. С. 301.

¹² Веделъ Ж. Административное право Франции. М., 1973. С. 392.

¹³ Организация административной службы во Франции. М., 1993. С. 9.

¹⁴ Линд Р. Процессы преобразований в общественном секторе Швеции. СПб., 1998.

¹⁵ Петрушенко Л. А. Принцип обратной связи. М., 1967. С. 143.

¹⁶ См.: Месарович М., Мако Д., Такаха И. Теория иерархических систем. М., 1973.

¹⁷ См.: Решетников С. В., Антанович Н. А. Динамика и проблемы обратных связей в демократических политических системах // Научные труды Академии управления при Президенте Республики Беларусь. Мн., 2001. Вып. 1. С. 248–275.

¹⁸ См.: Основные положения программы социально-экономического развития Республики Беларусь на 2001–2005 годы; Основные направления социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2010 года / Сост. М. И. Плотницкий. Мн., 2002. С. 49–50; 97–98.

Поступила в редакцию 24.04.2004.

Ирина Владимировна Суздалева – аспирантка кафедры политологии юридического факультета. Научный руководитель – профессор, доктор политических наук, директор Института государственного управления Академии управления при Президенте Республики Беларусь С. В. Решетников.

С.П. РОМАНОВА

ИНТЕГРАЦИЯ ИДЕЙ ГЛОБАЛИЗАЦИИ В СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ ЭНТОНИ ГИДДЕНСА

Рассматриваются проблемы процесса глобализации и их теоретическое истолкование в социологической концепции современного английского социолога Энтони Гидденса. Акцент делается на анализе изменений, происходящих в представлениях людей о риске, традициях, семье и демократии.

The article studies the problems of globalization and their theoretical interpretation in sociological conception of contemporary English sociologist Anthony Giddens. We place the emphasis on the analysis of changes, which take place in the conceptions of risk, tradition, family and democracy.

Проблемы глобализации культуры приобретают в настоящее время все большее значение, включая в свою орбиту как политиков и общественных деятелей, так и ученых-теоретиков, анализирующих тенденции развития современного общества. Дискуссии о глобализации приобрели всеобъемлющий характер, что отражает качественные преобразования в современной общественной жизни. Одной из попыток объяснения феномена глобализации является концепция, разрабатываемая в социологическом учении Энтони Гидденса, известного английского социолога, политолога, руководителя Лондонской школы экономики (LSE) и в недавнем прошлом одного из консультантов британского премьер-министра Тони Блэра и экс-президента США Билла Клинтона. В таких работах, как «Влево и вправо: будущее радикальной политики» (1994), «Третий путь: обновление социальной демократии» (1998), «Стремительный мир: как глобализация меняет нашу жизнь» (1999), Гидденс стремится раскрыть основные признаки и тенденции глобализации.

Ученый выделяет два направления социальной мысли, представители которых по-своему интерпретировали сущность глобальных процессов: с одной стороны, мыслители, которых Гидденс называет «скептиками глобализации», с другой — «гиперглобализаторами». «Скептики глобализации» сомневались в том, что современная действительность отличается от мира 100-летней или даже 50-летней давности, доказывая, что она была так же или даже более развита в начале XX в. По их мнению, степень изменений сегодня намного преувеличена, в мире не происходит ничего кардинально нового, что можно было бы обозначить новым понятием «глобализация». Возникновение торговых и валютных рынков, массовой миграции населения, беспаспортного режима передвижения и международной космополитической культуры — все отмеченные процессы наблюдались уже на рубеже XIX–XX вв. «Гиперглобализаторы», в свою очередь, опираясь на процессы, отражающие современную экономическую жизнь (расширение границ мирового рынка, доминирование транснациональных корпораций, сужение власти национальных государств и др.), доказывают новый характер глобализации.

Гидденс не принимает взгляды ни первых, ни вторых и выделяет в человеческой истории два периода развития процессов глобализации, каждый из которых обладает специфическими характеристиками. Начало первого относится к концу XIX в. и заканчивается в период окончания Второй мировой войны. Его можно

назвать подготовительным этапом, так как тогда лишь закладывались предпосылки дальнейших существенных изменений во всех сферах общественной жизни. Переход ко второму периоду – более интенсивному и более масштабному – произошел в середине XX в. Именно вторая фаза глобализации спровоцировала в научном сообществе рост острых дискуссий о положительных и отрицательных последствиях глобализации, а также способствовала возникновению явлений, которые с высокой степенью уверенности можно отнести к признакам глобальной эпохи.

Ученый, раскрывая «...глобальную, неупорядоченную, стремительно изменяющуюся ситуацию в современном мире»¹ (здесь и далее – перевод автора. – С. Р.), придерживается точки зрения о том, что глобализация – это прежде всего экономический феномен, проявляющий свое действие в расширении торговых сетей, возникновении мирового разделения труда, появлении нового типа экономических субъектов (например, транснациональных компаний) и усилении роли таких финансовых институтов в обществе, как международные валютные фонды, биржи. Однако признаки современного периода глобализации не ограничиваются изменениями в экономической сфере. К ним Гидденс относит также трансформации в политике, технике и технологиях, СМИ, культуре, экологии, медицине и других сферах. Таким образом, трансформируются социальные институты любого типа, общим результатом чего является новое «глобальное космополитическое общество»², которое оказывается вне зоны контроля отдельного человека и предполагает новые формы социальной организации и управления.

Глобализацию Гидденс обозначает как «...интенсификацию по всему миру социальных отношений, соединяющих общности, расположенные на больших расстояниях друг от друга, таким образом, что события, имеющие место на локальном уровне, формируются событиями, происходящими на больших расстояниях и наоборот»³. Определив таким образом понятие «глобализация», английский социолог не анализирует все его аспекты, а подробно исследует, как данное явление проникает в нашу жизнь, изменяя представления о риске, традиции, семье и демократии.

Большой интерес представляет рассмотрение Гидденсом глобализации через призму риска. Понятие риска, по мнению ученого, приобрело свое современное значение в конце Средневековья, когда начались первые крупные морские путешествия из Европы на Запад и на Восток. До этого периода в традиционных культурах практически не возникало объективной потребности обозначать складывающиеся социальные ситуации как «рискованные», т. е. находящиеся под воздействием негативных факторов, которые человек должен учитывать в своем повседневном поведении. Существовали другие модели объяснения причин возникновения негативных явлений и процессов: воля Бога, деятельность священнослужителя, случайность, магические действия или реализация счастливых примет. Только с приходом Нового времени общество перешло на следующую стадию своего развития, когда человек стал больше ориентироваться в будущее, пересмотрев содержание понятия «риск» и обозначив с помощью его свойство социальной ситуации меняться под воздействием факторов, которые могут хотя бы отчасти контролироваться субъектами. В современную же глобальную эпоху мы живем в самом ориентированном на будущее мире, в котором риск приобретает не только частный, но и общественно значимый характер. Более того, изменилось представление и об источнике риска – сегодня это уже не природа, обладающая серьезной разрушительной силой, а человек, который сам в силу своего высокого уровня развития способен создавать риски различного типа как для самого себя, так и для окружающей среды⁴.

Гидденс также отмечает появление в эпоху глобализации разделения смысла риска на позитивный и негативный. С одной стороны, сегодня в массовом сознании присутствует представление о финансовом риске как о позитивном, укрепляется также стереотип «благородства» риска, создаваемого человеком целенаправленно. С другой стороны, сегодня активно обсуждаются проблемы, связанные с экологическими опасностями и угрозой здоровью и жизни человека,

когда риск главным образом носит негативный характер. В результате стремления людей избежать нежелательных последствий риска в обществе возникла необходимость создания институциональных систем управления опасностями, к числу которых можно отнести страховые компании, министерства по чрезвычайным ситуациям и многие другие социальные организации. Таким образом, сегодня успех в бизнесе, в управлении государством и производственными технологиями зависит не от отсутствия риска как такового, а от способности социальных субъектов налаживать эффективную систему управления общественно значимыми опасностями, расчета возможных последствий реализации того или иного риска. Однако, как отмечает Гидденс, способы расчета, прогнозирования и перераспределения опасностей в обществе еще недостаточно развиты для того, чтобы можно было говорить о переходе человечества на следующую, «пострисковую» стадию своего развития⁵.

Исследуя вопрос о влиянии глобализации на культуру и общество, английский социолог рассматривает также изменение *традиции*, инициированное распространением глобальных средств коммуникации. По его мнению, глобализация влияет на общество и его традиции, обогащая последние новыми идеями и изменяя механизмы их функционирования, что является основным признаком возникновения космополитического общества, в котором локальные и национальные традиции отходят на второй план, уступая место общечеловеческим ценностям современности.

Гидденс отмечает, что понятие «традиция» существенно изменилось с ходом истории. В обществе эпохи Средневековья традиция – это неизменный компонент культуры, основным механизмом действия которого являются ритуал и «повторение с небольшими вариациями в различных ситуациях». Традиция предлагала людям базу для действия в виде шаблонов поведения, основу для того, чтобы максимально гармонично встраиваться в социальную систему⁶. Несмотря на значимую роль, которую имеет традиция в обществе, постепенно с нарастанием процессов глобализации она начинает значительно изменяться. Люди пытаются обособиться от бездумной опоры на стандарты традиционного уклада жизни, стараются самостоятельно альтернативными способами организовывать свою повседневную деятельность. Сегодня психотерапия заменяет процедуру религиозной исповеди, консультация юристов – советы старейшины, авторитетных людей общины. По мнению Гидденса, данные явления свидетельствуют о том, что общество уже живет не только «после конца природы», но и «после конца традиции»⁷.

Развивая далее идею о том, что глобализация есть нечто большее, чем новая экономика, свободные рынки и денежные потоки, Гидденс показывает ее влияние на личную жизнь человека. *Будущее семьи и гендерное равенство* – это актуальные темы для обсуждения в любой стране, отражающие уровень воздействия глобализации на сферы жизни, ранее управлявшиеся традициями.

Среди традиционных институтов, подвергающихся изменениям под воздействием глобализации, Гидденс особо выделяет семью. Традиционная семья была основана в большинстве культур не на личных отношениях мужа и жены, а на экономических потребностях, которые способны были удовлетворять ее члены. Прежде всего, Гидденс напоминает «...подчиненное положение женщин их отцам и мужьям»⁸. Он также отмечает, что детям в семье не хватало прав, как и женщинам, которых ценили больше за их вклад в общее экономическое благосостояние общины, нежели за личные качества или достижения. Данная ситуация кардинально изменилась в современном мире в результате «разделения сексуальности и воспроизводства», снижения роли экономических мотивов при создании семьи, уменьшения реального неравенства между брачными партнерами, родителями и детьми. Все перечисленные процессы способствовали превращению брака и семьи в «институты-оболочки», которые выглядят снаружи по-прежнему, но изнутри имеют совершенно иные принципы организации⁹. Главной целью семейной жизни для человека в эпоху глобализации становится создание стабильных отношений, основанных на эмоциональном общении и интимности. Во всех типах семейных структур

обнаруживается многообещающая аналогия между открытостью и честностью межличностных контактов, с одной стороны, и демократическим обществом – с другой.

Последняя сфера жизни общества, которую изучает Гидденс, – это политическая арена, точнее, демократический строй. Для того, чтобы подчеркнуть специфику демократического строя в эпоху глобализации, английский социолог вводит понятие «транснациональная демократизация демократии»¹⁰, которое, помимо описанных еще античными мыслителями характеристик демократии, включает новые формы распределения власти в государствах, обеспечивающие большую политическую прозрачность. Экспериментирование с такими альтернативными демократическими процедурами, как электронное голосование, проведение электоральных исследований по методике Exit Poll, создание однопроблемных экспертных групп в политике, вводится для улучшения функционирования общества, отражения запросов времени и реализации принципов высшей рациональности в организации социальных систем¹¹.

По мнению Гидденса, человеческое общество на современном этапе своего развития уже созрело для того, чтобы попытаться реализовать на практике «модель хорошего общества», которая должна включать следующие три компонента: хорошее правительство, подходящую рыночную экономику и развитое гражданское общество, регионально, национально и глобально уравнивающее первые два компонента.

Для определения роли государства в распространении принципов демократии в процессе глобализации Гидденс приводит два постулата. Во-первых, утверждает, что сегодня возросло влияние корпораций в экономической политике, и эта форма «глобализации сверху» начинает успешно сосуществовать с «глобализацией снизу», при которой полномочия в принятии решений отчасти передаются оппонентам этих корпораций в гражданском обществе.

Во-вторых, опровергает утверждение о том, что экономическая глобализация и свободная мировая торговля неизбежно усиливают политическое неравенство между странами, находящимися на различных ступенях развития. В этом свете Гидденс предлагает Третий путь развития отстающих государств, способный вывести их на ведущие позиции в мире, – это путь, объединяющий бесспорную мощь капитализма с социальной солидарностью и гражданскими ценностями социалистической системы.

Гражданское общество, как было уже отмечено выше, является одним из основных компонентов «хорошей социальной организации». Именно неправительственные организации и объединения – первые признаки глобального гражданского общества, являясь фундаментом для формирования институциональной демократии, реализуют на практике принципы гражданской культуры глобального участия и обладают высокой чувствительностью по отношению к резким трансформационным процессам в экономике вследствие глобализации. Например, активное изменение коммуникативной системы и власти государства, увеличение значения регионализации, локального национализма, децентрализации власти, экологические риски и другие факторы породили в гражданском обществе новое движение протеста против глобализации, которое также необходимо изучать, по его мнению.

Таким образом, проведенный анализ демонстрирует, что идеи английского социолога о глобализации имеют большой аналитический смысл, определяют момент появления общества периода глобализации, обнажая ключевые социальные, экономические, политические и культурные структуры, которые стремительно трансформируются в современном глобальном обществе. Но Гидденс в такой же степени и практик глобализации. Он не согласен с простым описанием современного состояния мира, так как данные о структурных изменениях в социальной системе могут стать основой позитивной политики, направив общество в сторону космополитических, равноправных, демократических практик. По мнению ученого, такие практики на международном уровне выполняют задачу сдерживания стремительного мира и привнесения порядка в жизнь человечества. Эти идеи, ес-

ли и не дают всех ответов на вопросы о глобализации, то, по крайней мере, заостряют внимание теоретиков на тех глубинных процессах, которые переживает современное общество в глобальных масштабах.

¹ Giddens A. Runaway World: How Globalization is Reshaping our Lives. Cambridge, 2000. P. 24.

² Ibid. P. 37.

³ Ibid. P. 64.

⁴ См.: Ibid. P. 44.

⁵ См.: Ibid. P. 42–43, 48–49.

⁶ См.: Ibid. P. 57–61.

⁷ См.: Ibid. P. 61, 65.

⁸ Ibid. P. 72.

⁹ См.: Ibid. P. 75–76.

¹⁰ См.: Ibid. P. 93.

¹¹ См.: Giddens A. The Third Way: The Renewal of Social Democracy. Cambridge, 1998.

Поступила в редакцию 13.11.2003.

Светлана Павловна Романова – преподаватель кафедры политологии и права Белорусского государственного педагогического университета им. М. Танка.

М.Г. ВОЛНИСТАЯ

СОЦИАЛЬНО-ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ МОНИТОРИНГ В КОНТЕКСТЕ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ ПОЛОЖЕНИЙ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

Рассматриваются основные компоненты экологической оптимизации социальной системы как важнейшей составляющей реализации стратегии устойчивого развития Республики Беларусь.

The article deals with the key aspects of ecological optimization of the social system as a prerequisite of sustainable development in the Republic of Belarus.

Экологическая оптимизация социальной системы в настоящее время является важнейшей составляющей реализации стратегии устойчивого развития Республики Беларусь. Данное положение детерминировано рядом экологических, социальных и экономических факторов, среди которых отметим следующие:

- особенности состояния экологической обстановки в Республике Беларусь в результате последствий Чернобыльской катастрофы: загрязнение более 1/5 территории республики радионуклидами, что резко ограничило ее природно-ресурсный потенциал (загрязнено более 22 % сельскохозяйственных и 21 % лесных угодий);
- многократное превышение нормативного уровня засорения воздушного бассейна в городах с высоким уровнем концентрации экологически опасных производств и большим парком автотранспорта;
- специфика процессов социоприродного взаимодействия в пределах экологической ниши белорусского государства определяется тем, что основные экологические противоречия складываются в рамках отраслевого способа хозяйственной деятельности, что проявляется в увеличении опасных сбросов отходов промышленности и коммунального хозяйства в акватории уникальных водных объектов (оз. Нарочь, Свитязь, Голубых, Браславских озер). Появилась тенденция к стойкому увеличению индекса загрязнения вод по всем рекам республики на фоне сокращения общего объема сбрасываемых в них стоков, что свидетельствует о нарушении процессов самоочищения водоемов;
- техногенная деградация ландшафтов, неблагоприятная экологическая ситуация в сельской местности, связанная с многолетним воздействием на среду обитания отходов крупных животноводческих комплексов, химизацией сельского хозяйства, использованием тяжелой сельскохозяйственной техники, изъяс-

тием плодородных земель для несельскохозяйственных целей, эрозией почв антропогенного происхождения, а также усыханием лесов и трансформацией почв в результате непродуманной крупномасштабной мелиорации, безусловно, вызывают необходимость разработки конструктивных мер системного характера, направленных на одновременное решение экологических, экономических и социальных проблем.

Для обеспечения социально-экологической безопасности людей в условиях высокой динамики социально-экономических процессов в настоящее время необходимо перейти от разрозненных предположений к единой системе непрерывного прогнозного обеспечения процессов принятия решений. Такая система позволит осуществлять экспертизу тенденций развития в социально-экологической и экономической областях, а также проводить научно обоснованный выбор вариантов организации процессов жизнедеятельности социальной системы в зависимости от целей и реальной хозяйственной конъюнктуры.

Как показывает международная практика решения социально-экологических проблем, структурными компонентами экологической оптимизации социальной системы в современных условиях социально-экономических трансформаций являются:

- процессы формирования общественных норм и ценностей эгоцентризма;
- механизм государственно-управленческого влияния на стратегию экологического поведения хозяйственных субъектов социальной системы;
- локальный мониторинг социоприродного взаимодействия, основанный на многокритериальных оценках;
- технологии проектирования организационных структур социально-хозяйственной деятельности, основанные на принципах многофункциональности.

Все вышеобозначенные факторы требуют в сложившихся условиях усиления роли и значения социально-экологического прогнозирования. Так, по мнению белорусского специалиста в области исследования экономических механизмов обеспечения экологической безопасности А.М. Кабушко, «...возникает необходимость превращения прогнозов из информационно-нейтральных в активнодействующие в системе предупреждения опасности и управления экологической безопасностью»¹.

Проблема социально-экологического прогнозирования в мировой практике успешно решается с позиций системного подхода. Так, опыт Скандинавских стран показывает, что создание механизмов экологической оптимизации социальной системы начинается с принятия конструктивных экопроектов в области управления окружающей средой как территориально-производственным комплексом (который одновременно включает в себя природно-ресурсный комплекс, социальные, экономические и экологические компоненты) на локальном уровне.

По мнению академика Е.М. Бабосова, эффективность использования системной методологии при решении общественных проблем существенно возрастает при ее органичном соединении с проведением мониторинговых исследований. Отмеченный процесс дает возможность перейти от уровня теоретических предпосылок, гипотез к построению системы индикаторов (существенных переменных) с последующим теоретическим анализом полученных эмпирических данных. Это существенно поднимает уровень социальной технологии, направленной на выявление взаимосвязи социоприродных явлений и тенденций, на построение системы прогнозных оценок, моделей и сценариев наиболее вероятного поведения социальной системы в условиях экологических изменений и общественных трансформаций².

Существенным условием реализации экологической оптимизации социальной системы Республики Беларусь является организация получения точной информации о состоянии социоприродного взаимодействия на региональном уровне в рамках экологической ниши нашего государства. Управляемый переход к модели устойчивого общественного развития должен опираться на всестороннюю информацию о глубинных процессах, протекающих и в обществе, и в природе. Организация получения таких данных подразумевает применение определенной

системы измерений, накопления и анализа данных об изменениях, происходящих в социоприродном взаимодействии, что, в свою очередь, означает возможность сделать наиболее удовлетворительный выбор при решении конкретных проблем, связанных с вопросами жизнеобеспечения человека. Именно поэтому необходимым функциональным элементом механизмов экологической оптимизации социальной системы, по нашему мнению, является социально-экологический мониторинг реализации функций жизнеобеспечения социальной системы. Информация, которая может быть получена в результате системных мониторинговых исследований, играет основную роль в процессах принятия хозяйственных решений для учета экологического фактора в экономическом поведении социальных субъектов. «Обладая только надежной информацией, правительства принимают наиболее эффективные решения; предприниматели получают возможность организовать производство без ущерба для окружающей среды»³.

Целевым предназначением социально-экологического мониторинга является исследование социоприродных связей и закономерностей коэволюционного развития социума и природной среды обитания. При социально-экологическом мониторинговом исследовании индикаторный набор характеристик состояния и динамики социальной системы расширяется до пределов, охватывающих не только социальные процессы, но и все аспекты взаимоотношений между обществом и природой. В данном случае предполагается одновременный комплексный учет (экологических, социальных и экономических) факторов, различных по происхождению и существенных для общественного развития. Поэтому мы считаем, что научная категория локального социально-экологического мониторинга тесно коррелирует с концепцией мониторинга устойчивого развития, последняя в настоящее время во всем мире находится на стадии теоретического обоснования. Как указывается в аналитическом отчете «Стратегия устойчивого развития Беларуси: преемственность и обновление», «...такой мониторинг предполагает холистический взгляд на происходящие явления и используется для комплексного описания явлений и оценки динамики изменений, происходящих при взаимодействии четырех аспектов устойчивого развития (экономики, окружающей среды, социальной и институциональной сфер) на пути реализации национальных целей устойчивого развития. Национальный мониторинг устойчивого развития должен быть ориентирован на создание объективной информационной базы для принятия должных комплексных политических решений в русле устойчивого развития»⁴.

Мониторинг социоприродного взаимодействия существенно влияет на определение целевой стратегии социально-экономического развития государства, на построение иерархии целей жизнеобеспечения. Результаты социально-экологического мониторинга, на наш взгляд, необходимы для обоснования выбора и принятия экологически релевантных решений (как и для управления их реализацией, включая соответствующую информационную поддержку) на микро- и макроуровне функционирования социальной системы, а также для отработки и создания эффективных организационных механизмов реализации целевой функции системы.

По нашему мнению, цель социальной системы – это организация процессов жизнеобеспечения своих граждан, направленных на достижение определенного уровня качества жизни. Осуществление целевой функции происходит через процессы прямой и обратной связи между внутренними и внешними элементами системы, и именно социально-экологический мониторинг является механизмом осуществления этих связей в социальной системе. Он дает представление о внешней и внутренней мотивации, о дисфункциях в социальном организме, в структуре деятельности, в структуре принятия решений, от которых зависит организация системы всеобъемлющей безопасности.

Одной из первых попыток создания модели социально-экологического мониторинга явилась разработка исследовательской научной программы российскими социальными экологами в 1993 г.⁵ Ее основой стали следующие компоненты: исследование динамики общественного мнения по поводу экологической ситуа-

ции в регионе, определение уровня социально-экологической напряженности и системы факторов, влияющих на уровень социально-экологической напряженности в конкретном регионе, разработка концепции государственной экологической политики.

Один из основных разработчиков российской модели социально-экологического мониторинга Н.И. Сосунова считает, что «...в условиях перехода на модель устойчивого развития задачей социально-экологического мониторинга является исследование следующих проблем: специфика экологического сознания и поведения различных слоев населения; отношение различных слоев населения к деятельности властных структур по разрешению экологических проблем; оценки в общественном мнении экологической ситуации; динамика настроений различных категорий населения; динамика рейтинга экологических движений, экологических партий, причинно-следственная обусловленность; динамика изменений общественного мнения по экологическим проблемам в результате деятельности СМИ; отношение к различным концепциям государственной экологической политики; общий уровень социально-экологической напряженности в регионе (зоне) и влияющие на него факторы; изменения в ориентации населения, вызванные экологическими проблемами и т. п.»⁶.

По нашему мнению, российская разработка социально-экологического мониторинга позволяет более четко определить задачи в области формирования экологического мировоззрения, основанного на принципах «экоцентризма» (концепция С.Д. Дерябо, В.А. Левина)⁷, что представляется крайне важным для успешной реализации устойчивого развития социальной системы. С точки зрения культурологической концепции П.А. Водопьянова такой подход не является полным и достаточным для системного решения экологических, социальных и экономических проблем⁸.

На наш взгляд, целевая функция социально-экологического мониторинга как одного из элементов механизма экологической оптимизации социальной системы должна включать разработку всевозможных вариантов стабильных полей экономического поведения социальных субъектов, детерминированного экологическим фактором на всех уровнях жизнедеятельности. В понятие стабильного поля поведения включаются упорядоченные условия деятельности социальных субъектов, социальных групп, общностей, структур гражданского общества, обеспечивающие конкретные взаимодействия с природной средой таким образом, что существенные переменные, характеризующие процессы жизнеобеспечения в социальной системе, не выходят за пределы установленных критических величин. Проблема поиска таких переменных (индикаторов) социоприродного взаимодействия является наиболее сложной и напрямую связана с критериями достижения целей по организации жизнеобеспечения социальной системы.

Индикаторами в теории социального проектирования называются измерительные элементы (цифровая величина), существенные переменные, отображающие изменения какого-либо параметра контролируемого процесса или объекта. Совокупность таких переменных имеет непосредственное отношение к характеристикам жизнеспособности социальной системы. Такие переменные находятся в тесной динамической связи между собой, так что значительные изменения одной из них ведут раньше или позже к значительному изменению остальных. Попытки определения существенных переменных (индикаторов социоприродного взаимодействия) и интервала критических значений для обеспечения процессов жизнедеятельности социальной системы неоднократно делались специалистами междисциплинарных научных направлений в области социальной экологии и системологии: В.С. Голубевым, И.А. Сосуновой, А.М. Кабушко, В.В. Бушуевым, Н.В. Жуковой и др.^{9, 10, 11, 12} Мы согласны с выводами ученых, что определение интервала критических значений для процессов жизнедеятельности социальной системы необходимо для принятия качественных управленческих решений на уровне государственной политики. Такой комплекс индикаторов отражает степень устойчивости динамики социальной системы, особенно в условиях экологических изменений и природно-ресурсной недостаточности.

Белорусские специалисты существенно дополняют подходы российских коллег, предлагая использовать в определении устойчивой динамики процессов жизнедеятельности, включающих в себя и элементы социоприродного взаимодействия, «институциональные» индикаторы «...как отражающие систему правил, которые регулируют взаимодействие между членами общества, обществом (с его производством, потреблением и т. д.) и экосистемами на пути его устойчивого развития. Институциональные индикаторы показывают, есть ли механизмы принятия решений в соответствии со стратегией устойчивого развития (например, цель – комплексный подход к принятию решений, индикатор – количество объединенных комиссий, деловые и общественные организации, местные органы власти по принятию решений; цель – усиление гражданского общества, индикатор – процент участия и количество свободных ассоциаций, количество программ и курсов по устойчивому развитию и количество вовлеченных в процесс обучения и т. д.»¹³.

Система индикаторов социоприродного взаимодействия должна обеспечивать интегрированный подход к наблюдению за широким кругом социальных и социоприродных явлений и указывать на окончательные результаты влияния сложных взаимодействий целостной государственной политики на население и процессы жизнедеятельности.

Таким образом, предметным обеспечением устойчивого развития социальной системы во взаимодействии с внешней средой является мониторинг социоприродного взаимодействия, а его методологическим инструментарием – теория социальных измерений и модели оценки многомерных вариантов. Поэтому структура мониторинга социоприродного взаимодействия должна быть построена на основе многокритериальной оценки, включающей в себя одновременно такие аспекты развития социальной системы, как экологические, технологические, а также экономические и социокультурные. Результаты мониторинга социоприродного взаимодействия должны обязательно учитываться при разработке стратегических вариантов социально-экономического развития, создании малых территориально-производственных комплексов, проектировании многофункциональных экосистем и экологически безопасных человекомашинных комплексов. Мониторинг социоприродного взаимодействия является неотъемлемой компонентой экологической оптимизации социальной системы, результатом оптимизации которой должна стать практическая формализация национальной модели устойчивого развития как конструируемой социо-эколого-экономической системы, практически основывающейся на гармоничном взаимодействии общества и природы. Социоприродное взаимодействие в современных условиях природно-ресурсной недостаточности и истощения экосистемы с междисциплинарных позиций рассматривается и социологами, и социальными экологами, социальными технологами как процесс реализации функций жизнеобеспечения социальной системы, который должен быть направлен на приращение национального богатства и сбалансированное, взаимообусловленное воспроизводство его основных источников: человеческого, экономического и экологического капиталов, обеспечивающих стабильное удовлетворение материальных и духовных потребностей нынешнего и будущих поколений людей.

Автор выражает признательность научному руководителю академику НАН Беларуси Е.М. Бабосову за оказанную поддержку в подготовке данной статьи.

¹ Кабушко А.М. Экономические основы экологической безопасности. Мн., 2001.

² См.: Бабосов Е.М. Социальные последствия Чернобыльской катастрофы, пути их преодоления: методология, методика и техника социологических и маркетинговых исследований. Мн., 2001.

³ Демчук М.И., Юркевич А.Т. Республика Беларусь: системные принципы устойчивого развития. Мн., 2003.

⁴ Стратегия устойчивого развития Беларуси: Преемственность и обновление: Аналитический отчет. Мн., 2003.

^{5,6} Сосунова И.А. Социальная экология: Учеб. пособие. М., 1996.

⁷ См.: Дерябо С.Д., Левин В.А. Две модели экологии // Человек. 1998. № 1. С. 34–40.

⁸ См.: Захарова Н.Е. Экологическая безопасность в контексте устойчивого развития // Экологические и социокультурные аспекты устойчивого развития: Сб. ст. / Под ред. П.А. Водопьянова. Мн., 1997. С. 68.

⁹ См.: Голубев В.С. Экоразвитие и его индексы // Общественные науки и современность. 1999. № 4. С. 158–168.

¹⁰ См.: Бушуев В.В., Голубев В.С. Индексы социоприродного развития России и стран мира // Общественные науки и современность. 2001. № 5. С. 153–162.

¹¹ См.: Жукова Н.В. Индикаторы социального развития как инструмент социального программирования: зарубежный опыт // Социология 4М. 1993–1994. № 3–4. С. 111–153.

¹² См.: Губарев Н.И. Человек в системе социоприродных связей. Мн., 2001.

¹³ Никитенко П.Г. Модель устойчивого социально-экономического развития Беларуси: проблемы формирования и эволюции. Мн., 2000.

Поступила в редакцию 17.05.2004.

Марина Георгиевна Волнистая – методист высшей квалификационной категории Центра проблем развития образования БГУ.

И.В. РУБЕЛЬ

СОВРЕМЕННЫЕ МОДЕЛИ ФОНДОВЫХ РЫНКОВ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Рассматриваются актуальные вопросы выбора модели построения фондовых рынков. На основе различных признаков классификации проводится сравнительный анализ предельных альтернативных моделей, их преимуществ и недостатков, а также тенденций к их сближению.

Some urgent problems of choosing the contemporary models of the Security Market building are considered. The Comparative Analysis of extreme alternative models based on different qualities is given. Their advantages and disadvantages as well as the tendencies to their approaching each other are shown.

Государства, формирующие современную инфраструктуру рыночной экономики, в том числе и создание фондового рынка, как правило, находятся перед выбором модели, которая представляет собой совокупность путей и способов достижения намеченных целей. У формирующихся рынков период для организации эффективной, честной и справедливой деятельности ограничен. Поэтому сравнительный анализ моделей фондовых рынков, систематизированный на основе изучения различных исследований в экономической литературе, позволяет в дальнейшем обосновать правомерность выбора переходными экономиками той или иной модели, найти пути ее преобразования, разработать предложения по эффективному функционированию инфраструктуры фондового рынка.

Анализ западных теорий и мирового опыта подтверждает существование общепринятых форм и методов формирования фондовых рынков, показывает пути и механизмы их становления. Либо быстро растущие объемы рынка ценных бумаг и количество его участников приводят к формированию институтов, носящих частноправовой характер, либо государство, понимая важность этого процесса, инициирует совместно с заинтересованными участниками создание институтов, носящих публично-правовой характер. Экономисты в качестве предпосылок формирования моделей фондовых рынков выделяют различия в правовых системах, в традициях вмешательства государства в экономику, в темпах экономического развития различных стран, в исторических особенностях развития предпринимательства.

Сравнительный анализ следует начать с **признаков классификации** существующих моделей построения фондовых рынков. Для рынка ценных бумаг как элемента финансовой системы, по мнению некоторых исследователей, наибольшее значение имеет структура институциональных посредников, которые опосредуют движение инвестиционных средств от инвесторов к потребителям капитала, создают одновременно спрос и предложение на финансовые инструменты. В конце XIX в. активная роль в создании и управлении новыми предприятиями принадлежала банкам, что привело в дальнейшем к различным экономическим результатам во многих странах – в США с целью недопущения кризисных явлений 1929–1932 гг. участие банков в операциях с корпоративными ценными бумагами было жестко ограничено; в Германии же финансовая система, построенная по банковскому типу, показала свою эффективность. Итак, по мнению ряда экономистов, **первый признак** классификации моделей основывается на существен-

ных различиях в вопросе: имеют ли право коммерческие банки работать с ценными бумагами (институциональный аспект). В соответствии с данным признаком классическим считается деление существующих моделей на две в значительной мере отличающихся – *банковскую* (европейскую, германскую) и *рыночную* (американскую, англосаксонскую) («bank-based» и «market-based»), которые формировались благодаря разрешению или запрещению для коммерческих банков проводить операции с акциями или облигациями компаний как за свои средства, так и за счет клиентов. Обособление указанных моделей началось с 1930-х гг. – времени «великой депрессии», глобального экономического и финансового кризиса¹.

Рыночная модель характерна для фондового рынка США, Канады и Великобритании. В соответствии с первым принципом классификации к важнейшим характеристикам *рыночной* модели относятся: жесткое регулирование банковских операций с ценными бумагами; доминирующая роль инвестиционных фондов и других коллективных инвесторов; широкое прямое участие населения и корпораций в инвестировании накопленных средств; высокая капитализация рынка ценных бумаг; приоритет в системе перераспределения сбережений за рынком ценных бумаг. Имеет место также более активный вторичный оборот акций; доступ к финансированию определяется в значительной степени рыночными ценами финансовых активов, чем отношениями между кредиторами и заемщиками.

В авангарде процесса разделения инвестиционной и банковской деятельности находились США, где согласно Закону о банках (Glass-Steagal Akt 1933 г.) коммерческие банки вплоть до конца 1990-х гг. не имели права осуществлять инвестиции в ценные бумаги корпораций, участвовать в их андеррайтинге, проводить брокерско-дилерские операции с такими ценными бумагами². Ограничения для коммерческих банков были установлены в основном в связи с укоренившимся мнением о возрастании риска банкротства при проведении этих операций, а также с целью реанимирования доверия общества к банковской системе. Разделение банковской и инвестиционной деятельности привело к тому, что у собственников свободных денежных средств появилась большая свобода выбора в направлении их вложения. Основными участниками операций с ценными бумагами являются институциональные инвесторы – инвестиционные банки, пенсионные фонды, страховые компании, взаимные фонды, конкурирующие с коммерческими банками в борьбе за деньги населения и обеспечивающие более гибкую шкалу доходности вложений. Так, например, активы американских институциональных инвесторов в 1990 г. составили 102 % от ВВП, в 1994 – 124 %³, в совокупности же к середине 1990-х гг. эти организации владели более чем половиной акционерного капитала, выпущенного в обращение американскими корпорациями⁴. Внутренний и внешний корпоративный контроль в данной модели ограничен, и корпоративное управление может осуществляться за счет «враждебных» (т. е. без их согласия) поглощений корпораций с низкими результатами работы (например, в период 1984–1989 гг. в Великобритании их было 196, а в Германии в 1945–1997 гг. – 5)⁵. На рынках, существующих в рамках данной модели, обладатели сбережений – частные лица и компании – обычно инвестируют свои накопления напрямую, а биржевые брокеры оказывают посредническую помощь в приобретении ценных бумаг и заинтересованы прежде всего в ликвидности своих вложений. Поиск наиболее ликвидных ценных бумаг означает, что акционер не стремится иметь обязательств долгосрочного характера перед корпорацией, более подвержен панике по сравнению с банками-акционерами и при неблагоприятных обстоятельствах склонен сбрасывать свои акции. Ликвидность рынка в целом достаточно высока, поэтому одно из условий эффективности этой системы – раскрытие огромного количества достоверной информации о работе корпораций. Тенденция снижения курсов акций и объема операций с ними и облигациями на фондовых рынках западных стран, начавшаяся в начале 2000 г., существенно повлияла на структуру рынка, которая отражает удельный вес каждого вида ценных бумаг⁶. Независимо от модели рынка в большинстве стран удельный вес долговых ценных

бумаг в общем объеме базовых инструментов увеличивается (в США – с 52 в 1998 г. до 55 % в 2001, в Великобритании – с 34 до 44 %, в Японии – с 68 до 74 %), однако в странах с рыночной моделью капитализации акций все же более высокая (на конец 2001 г. в США – 45 %, в Великобритании – 56 %, в Германии – 33 %, в Японии – 26 %) ⁷. Инфраструктура рынка в данной модели независима или носит смешанный характер, а членами биржи могут быть только физические лица.

В отличие от опыта США страны Западной Европы не приняли ограничений в отношении сферы деятельности банковских учреждений. Банковская модель фондового рынка характерна для большинства стран континентальной Европы (в особенности в Германии) и в меньшей степени – Японии. К основным характеристикам *банковской* модели относятся: отсутствие запрета на операции с ценными бумагами для коммерческих банков; отсутствие инвестиционного бизнеса, полностью независимого от банков; принадлежность им значительной части акционерной собственности компаний; низкая доля акционерного капитала; малый удельный вес коммерческих бумаг; главенство кредитного рынка в системе перераспределения сбережений.

Коммерческие банки в рамках данной модели являются универсальными финансово-кредитными учреждениями (законодательство не разделяет инвестиционные и коммерческие функции), выступают кредиторами и акционерами крупных корпораций и играют доминирующую роль на рынке частных и государственных облигаций. Помимо мобилизации инвестиционных ресурсов, коммерческие банки выполняют на фондовом рынке еще одну чрезвычайно важную функцию – хранение ценных бумаг и регистрацию сделок с ними (оказание депозитарных услуг), предоставляют универсальный спектр услуг по допуску ценных бумаг эмитентов на биржу, выработке критериев допуска к листингу. Банки, кроме того, могут влиять на работу компании, осуществлять надзор и контроль за ее деятельностью за счет принадлежащей им доли акционерного капитала, а также через предоставление кредитов. Так, один из крупнейших банков Германии «Дойче Банк» владеет значительной долей акций ведущих немецких производителей: 28,34 % акций «Даймлер-Бенц», 30 % акций «Филипп Холцман», 25,08 % акций «Карлсладт» ⁸. Банки-держатели акций в большей степени реализуют долгосрочные интересы своих клиентов хотя бы потому, что банк заинтересован в устойчивости предприятия, в которое вложены его средства. Как кредитор и одновременно акционер банк даже при неблагоприятных обстоятельствах склонен поддерживать контролируемую им корпорацию. Широкое использование банковских кредитов корпоративным сектором подтверждается тем, что в структуре внешнего финансирования промышленных корпораций Германии и Японии, например, на долю ресурсов, получаемых в результате эмиссии ценных бумаг, приходится около 20 % ⁹. Как правило, рынки этой модели имеют меньшие масштабы и требуют раскрытия меньшего объема информации.

Проведенный сравнительный анализ позволяет сделать лишь общие выводы о том, что в пользу рыночной модели свидетельствуют следующие факты: широкое использование эмиссий ценных бумаг как более дешевый и оперативный способ привлечения денежных средств; наличие разветвленной системы независимых небанковских финансовых посредников способствует повышению спроса на корпоративные ценные бумаги и снижению расходов на посреднические услуги, а существование мощного механизма биржевой торговли частного типа – их предложению и установлению равновесных цен; специализация финансовых институтов обеспечивает прозрачность трансакций на рынке и снижает риски, а также более эффективную систему реагирования на новую информацию. Преимущество банковской модели проявляется в организационных факторах, отраженных в создании инфраструктуры публично-правовой по статусу с активным участием государства; в господстве банков в финансовой сфере, что позволяет использовать нефинансовым предприятиям краткосрочные и долгосрочные банковские кредиты в качестве основного источника внешнего финансирования; в универсальности функций коммерческих банков (кредиторы,

акционеры, элементы инфраструктуры), что дает возможность дополнительного контроля эффективного использования кредитов и оказания всего спектра услуг; в низком уровне капитализации, что снижает вероятность масштабного вовлечения банков в спекулятивный оборот акциями и уменьшает его отрицательные последствия для экономики.

Эффективное функционирование и американского, и европейского фондовых рынков свидетельствует, что обе модели, и рыночная и банковская, могут действовать эффективно, являясь предельными альтернативами и предлагая различные схемы корпоративного контроля, системы слияния и поглощения, институциональную структуру рынка ценных бумаг, различные способы аккумуляции информации, вызванные различиями в законодательстве. Более того, в течение последних десяти лет наметилась тенденция к сближению рыночной и банковской моделей. *Во-первых*, снижение конкурентоспособности и устойчивости традиционных банковских учреждений привело к либерализации банковского законодательства в странах с рыночной моделью (в Великобритании банки получили возможность с теми или иными ограничениями приобретать в собственность акции, оказывать услуги андеррайтера и дилера; банки Канады получили право выполнять указанные операции через свои дочерние компании; в США принятый в 1999 г. закон о реформировании отрасли финансовых услуг фактически устранил обособление инвестиционной и банковской деятельности), в то же время в странах с банковской моделью проводятся мероприятия с целью уменьшения влияния банковского сектора на экономику и укрепления позиций небанковских фондовых посредников. Во-вторых, наблюдается рост доли заемного капитала в общей величине пассивов корпораций в странах с рыночной моделью (в 1984 г. собственный капитал корпораций США на 91 % покрывал их обязательства, а в 1994 – на 60 %) и увеличение собственных источников финансирования в странах с банковской моделью рынка (с 1984 по 1994 г. отношение размера собственных средств к общей сумме долгов предприятий увеличилось во Франции с 19 до 57 %, в Австрии – с 24 до 45 %, в Японии – с 34 до 49 %) ¹⁰.

Второй признак классификации моделей основывается на степени участия государства в регулировании фондового рынка (регулятивный аспект). Данную классификацию, содержащуюся во многих исследованиях, некоторые экономисты связывают прежде всего с происхождением кодекса права (система романо-германского права целым рядом существенных обстоятельств отличается от системы обычного права) и колониальной историей ¹¹.

Согласно второму признаку фондовые рынки классифицируются на следующие модели: 1) регулирование рынка преимущественно сосредоточено в **государственных** органах, и лишь небольшая часть полномочий по контролю, надзору, установлению правил передается государством так называемым саморегулируемым организациям (Франция); 2) максимально возможный объем полномочий передается **саморегулируемым** организациям, предпочитают не жесткие предписания, а переговорный процесс индивидуальному согласованию с участниками, причем государство сохраняет за собой основные контрольные полномочия и возможность вмешаться в любой момент (США, Великобритания) ¹².

В реальной жизни присутствуют смешанные модели, в которых государство в большей или меньшей степени регулирует фондовый рынок и где присутствуют саморегулируемые организации. Среди 30 стран с развитыми рынками более 59 % имеют самостоятельные ведомства – Комиссии по ценным бумагам (примерно в 15 % стран за рынок ценных бумаг отвечает Министерство финансов), 15 % стран – смешанное управление; в некоторых странах с банковской моделью рынка регулирующие функции возложены на Центральный банк или орган банковского надзора ¹³.

В рыночной модели система регулирования представлена значительной долей саморегулирования, в банковской – параллельным сосуществованием государственного и банковского регулирования.

Кроме рассмотренных признаков классификации, некоторые исследователи данного вопроса отмечают необходимость учитывать и частные критерии: приоритетные интересы инвесторов, доступность информации, степень прогнозируемости инвестиционных проектов, спекуляции¹⁴.

Некоторые тезисы, изложенные в данной статье, не бесспорны. Хотя не подлежит сомнению то, что формирование фондового рынка, его инфраструктуры во многом зависит от выбора той или иной модели построения рынка ценных бумаг, которая принята за основу, и степени централизации управления в данной стране. Единой универсальной модели формирования и функционирования рынка ценных бумаг нет, но любой стране, ставшей на путь реформирования экономики, необходимо предпринять ряд общепринятых мер.

Автор выражает благодарность научному руководителю доктору экономических наук, профессору В.Л. Ключне за оказанную помощь в подготовке данной статьи.

¹ См., например: Основы финансового рынка / А. Рот, А. Захаров, Я. Миркин и др. М., 2002. С. 11; Фондовые рынки США и России: становление и регулирование / И.В. Галкин, А.В. Комов, Ю.С. Сизов, С.Д. Чижов. М., 1998. С. 206; Булатов В.В. Фондовый рынок в структурной перестройке экономики. М., 2002. С. 125.

² См., например: Булатов В.В. Указ. соч. С. 125–130; Рубцов Б.Б. Зарубежные фондовые рынки: инструменты, структура, механизм функционирования. М., 1996. С. 112–113.

³ Бычков А.П. Мировой рынок ценных бумаг. Институты, инструменты, инфраструктура. М., 1998. С. 15.

⁴ Шарп У., Александер Г., Бэйли Дж. Инвестиции / Пер. с англ. М., 1999. С. 11.

⁵ Рынок ценных бумаг Республики Беларусь и тенденции его развития / Под ред. В.М. Шухно, А.Ю. Семенова, В.А. Котовой. Мн., 2001. С. 227.

⁶ См., например: Доронин И. Современные финансовые рынки: тенденции и перспективы // МэиМО. 2003. № 6. С. 23–24.

⁷ Рубцов Б.Б. Мировые рынки ценных бумаг. М., 2002. С. 19.

⁸ Булатов В.В. Указ. соч. С. 127.

⁹ Там же. С. 128.

¹⁰ Там же. С. 130.

¹¹ Рот А., Захаров А., Миркин Я. и др. Указ. соч. С. 44–46.

¹² См., например: Миркин Я.М. Ценные бумаги и фондовый рынок. М., 1995. С. 441–442.

¹³ См., например: Рот А., Захаров А., Миркин Я. и др. Указ. соч. С. 119.

¹⁴ Рынок ценных бумаг Республики Беларусь и тенденции его развития. С. 228–229.

Поступила в редакцию 30.03.2004.

Инна Викторовна Рубель – старший преподаватель кафедры финансов Могилевского частного финансово-экономического института им. В.П. Ковалёва.

И.В. ЗЕНЬКОВА

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ РЫНКА ТРУДА В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

Раскрываются основные социально-экономические тенденции на рынке труда. Рассматриваются некоторые аспекты регулирования занятости.

The main social economic tendencies on the markets of different levels are discovered in the article. Some aspects of the regulation of employment are considered.

В процессе трансформации плановой экономики в рыночную достаточно остро встает проблема занятости, поскольку происходит коренная ломка прежних отношений, основанных на устойчивом трудовом дефиците, полной занятости, плановом распределении трудовых ресурсов. В переходный период на формирование рынка труда оказывает влияние ряд факторов: приватизация государственной собственности, падение объемов производства, снижение жизненного уровня населения, рост безработицы, демографический и инвестиционный кризисы, характер которых и обусловил рассмотрение основных тенденций формирования и развития рынка труда на национальном и региональном уровнях.

Формирование трудового потенциала национального и регионального рынков труда во многом определено демографическим фоном. В начале 1990-х гг. в Беларуси возникла проблема воспроизводства населения во всех сельских районах, а также в ряде городов – Минске, Гомеле, Могилеве и др. За счет естественной убыли численность населения страны за 1993–2001 гг. уменьшилась на 331,3 тыс. чел.¹ В целом по Беларуси и по регионам наблюдается процесс старения населения при одновременном сокращении рождаемости. Расчеты показывают, что тенденция уменьшения доли детей в структуре населения продолжается (в 2003 г. этот показатель составил 18,5 % против 18,8 % в 2002 г., по регионам – от 16,65 до 20,22 %). В то же время доля лиц старше трудоспособного возраста в структуре всего населения в 2003 г. составила 21,2 % (по регионам – от 16,64 до 23,11 %)².

Впоследствии падение рождаемости, рост смертности повлечет уменьшение трудового потенциала республиканского и региональных рынков труда и его качественное изменение. Снижение рождаемости ускорит процесс искусственного старения населения, который самым негативным образом отразится и на его трудоспособной части: увеличится доля пожилых возрастных групп. Такая ситуация будет препятствовать обновлению знаний, новаторству, внедрению инноваций, рационализаторской деятельности и отрицательно повлияет на социальный и научно-технический прогресс.

Формирование национального и региональных рынков труда происходит на фоне снижения экономической активности населения, сокращения занятости, увеличения уровня безработицы и теневой занятости. Численность экономически активного населения уменьшилась с 5 278,3 тыс. чел. в 1990 г. до 4 500,3 тыс. чел. в 2002 г., что составило 85,2 % по сравнению с 1990 г.³ Изменилось соотношение уровня занятых и безработных в структуре экономически активного населения: в 2002 г. уровень занятых по стране составил 97,3 % против 97,47 % в 1995 г.; в то время как уровень безработных – 2,65 и 2,53 % соответственно. Очевидна тенденция роста безработицы и снижения уровня занятости. На этом фоне возрастает уровень теневой занятости (в 2002 г. этот показатель составил 13,47 % по стране; по регионам он колеблется от 11,52 до 14,4 %)⁴.

Изучение подобного социально-экономического явления необходимо, поскольку неформальная сфера все более ограничивает возможности для продуктивной занятости в официальном секторе. В то же время неформальный сектор экономики предоставляет дополнительные рабочие места, обеспечивая поддержание жизненного уровня значительной части населения, однако с ним зачастую связаны незаконные криминальные формы деятельности. Поэтому масштабы неформальной деятельности и ее влияния на легальный рынок труда требуют серьезного анализа, учета ее последствий при формировании государственной политики в этом вопросе. Причиной, по которой безработные не регистрируются в службе занятости, является несоответствие спроса и предложения на рынке труда. Сегодня более 70 % безработных имеют среднее или неполное среднее (базовое) образование, каждый четвертый – высшее или среднее специальное. В июле 2002 г. 640 экономистам с высшим образованием центром занятости г. Минска было предложено только 9 вакансий, 380 техников-технологов претендовали на одно-единственное место, 350 юристов – на три вакансии. На 119 тыс. безработных было заявлено только 35 тыс. вакансий, из них более 80 % по рабочим и строительным специальностям. И это в то время как из нуждающихся в трудоустройстве каждый третий – специалист или служащий. В региональном аспекте самый высокий уровень безработицы в 2002 г. зарегистрирован в Витебской и Могилевской областях, где на конец июля он составил 3,6 и 3,4 % соответственно⁵.

На современном этапе развития экономики нашей страны безработица вызвана структурно-регрессивным спадом производства в условиях разрушения экономического пространства и прежних механизмов функционирования хозяйства при медленном формировании новых. Тенденция к росту безработицы усугублялась инвестиционным кризисом и неплатежами. Структурная безработица становится следствием регресса занятости, ухода квалифицированных кадров рабочих, инже-

неров, ученых из наукоемких производств в торгово-посредническую деятельность, в том числе в неформальный сектор. Циклическая безработица, обусловленная постепенным свертыванием производства, связана с ориентацией значительной части населения на помощь государства, а не на собственную инициативу и предприимчивость.

Картину формирования рынка трудовых ресурсов дополняет распределение экономически активного населения по полу и образованию. В целом по Беларуси численность экономически активного женского населения составляла в 2002 г. 2 396,5 тыс. чел., мужского – 2 103,8 тыс. чел., или 53,2 и 46,8 % соответственно от всего занятого населения; в региональном аспекте: занятые мужчины – 44,9–46,1 %, занятые женщины – 51,1–52,7 % от всего работающего населения региона. При этом в целом по стране в 2002 г. уровень безработицы среди мужчин составлял 1,1 %, среди женщин – 1,6 % по отношению к численности экономически активного населения. В Витебской области эти показатели равняются соответственно 1,5 и 2,1 %, что свидетельствует о большей востребованности в этом регионе мужского труда (строители, рабочие, каменщики и т. п.)⁶.

На рынке труда наметилась тенденция роста уровня занятых с высшим образованием с 16,0 % в 1995 г. до 19,8 % в 2001 г. и со средним специальным – с 20,4 % в 1995 г. до 22,9 % в 2001 г.

В то же время уровень занятых с базовым (неполным средним) образованием имеет тенденцию к сокращению: с 63,6 % в 1995 г. до 49,8 % в 2001 г.⁷

В целом около половины всех профессий, полученных в учебных заведениях, остаются невостребованными на рынке труда, в связи с чем молодые специалисты вынуждены менять профессию, так и не начав работать по специальности, что приводит к их дисквалификации. Поэтому средние и высшие учебные заведения Беларуси должны приближать программы подготовки специалистов к реалиям сегодняшнего дня. В настоящее время трудоспособная, активная, профессионально подготовленная интеллектуальная часть социума стала социально уязвимой.

Вузы в отраслевом разрезе должны использовать в качестве основного информационного источника данные о наличии рабочих мест в настоящее время и в перспективе, о профессионально-квалификационном уровне незанятых трудовых ресурсов, что требует взаимной увязки циклов новшества и образования: «наука – техника – производство – маркетинг – потребление» и «семья – школа – вуз (техникум) – наука – производство».

Это позволит совместить классификационные функции существующих (и будущих) должностей со специальностями вузовской подготовки, а значит, целенаправленно использовать государственные средства уже на стадии формирования трудовых ресурсов в расчете на то, что это авансирование капитала в человеческий ресурс через определенное время окупится и принесет экономические и социальные выгоды обществу.

Одним из главных индикаторов рыночных преобразований является изменение соотношения занятых в государственном и негосударственном секторах экономики. Преобладающей формой собственности в экономике продолжает оставаться государственная, на долю которой в 2002 г. приходилось 55,1 % всех занятых, в то время как на долю частного сектора – 44,0 %. Гомельская, Витебская и Могилевская области лидируют по уровню занятых на предприятиях государственной формы собственности, где занятость составляла в 2002 г. 62,0; 58,7 и 57,7 % соответственно. Наибольший процент занятых на предприятиях частной формы собственности имеет Гродненская область – 50,3 % от всех занятых в экономике региона. Наиболее масштабной в негосударственном секторе экономики является собственность негосударственных юридических лиц (20,2 % от всех занятых в экономике по стране). В региональном разрезе г. Минск и Брестская область имеют достаточно весомые показатели уровня занятости на предприятиях смешанной формы собственности с участием иностранного капитала – 3,4 и 2,2 % соответственно. В столице уровень занятых на предприятиях с участием иностранного капитала составил 2,7 %, по остальным регионам этот показатель колеблется

от 0,3 до 0,6 %⁸ всех занятых в экономике. Создание совместных с иностранным капиталом предприятий благотворно сказывается на формировании национального и региональных рынков труда. Это способствует появлению новых конкурентоспособных рабочих мест, интеграции по линии научно-технического сотрудничества, росту профессионализма работников, стабилизации ситуации в стране. Активными участниками интеграционных процессов пока являются только два региона – Брестская область и г. Минск. Приток прямых иностранных инвестиций во все регионы Беларуси постепенно может стабилизировать развитие всего национального рынка труда.

Сегодня рынок труда ощущает на себе влияние демографического, инвестиционного, экологического кризисов. Очевидны следующие тенденции:

1) сокращается занятость в отраслях материального производства на фоне увеличения занятости в большинстве отраслей социальной сферы. С одной стороны, это естественно в условиях формирования институтов рыночной экономики, с другой – не совсем адекватно общеэкономической ситуации, поскольку этот процесс сопровождается закрытием предприятий либо их остановкой, что ведет к росту безработицы;

2) снижается занятость в государственном и растет в негосударственном секторе экономики. Приватизация государственных предприятий пока не приводит к массовому высвобождению работников, избыточная занятость на внутреннем рынке сдерживается, но в перспективе необходимо быть готовыми к массовому высвобождению работников из государственного сектора;

3) быстрыми темпами растет занятость в неформальном секторе;

4) серьезные дисбалансы на рынке труда происходят за счет изменений в профессионально-квалификационной структуре занятости. Из-за структурных несоответствий на предприятиях нехватка рабочих специальностей сочетается со значительным количеством свободных рабочих мест;

5) с изменениями в структуре производства связаны региональные особенности занятости. Остро стоит проблема в тех регионах, где занятость населения зависит от одного-двух предприятий;

6) среди структурных проблем занятости серьезную тревогу вызывает увеличение периода безработицы (средняя продолжительность в первом полугодии 2003 г. – 6,7 месяца) и низкая эффективность государственной политики на рынке труда⁹;

7) не выдерживается показатель, связанный с оптимизацией профессионально-квалификационной структуры работающих, который позволяет выявить соответствие структуры работающего населения структуре рабочих мест.

Таким образом, можно констатировать усиливающееся несоответствие динамики производства и занятости, снижение эффективной занятости (которая обеспечивает достойный доход, здоровье, рост образовательного и профессионального уровня каждого члена общества на основе высокой общественной производительности труда), углубление нерационального характера занятости.

Сегодня важно не блокирование, а регулирование процесса высвобождения излишней рабочей силы, поэтому одним из направлений реформирования сложившейся системы занятости, в частности регулирования спроса рабочей силы, должна стать целенаправленная политика по созданию новых рабочих мест. Для этого необходимо обеспечение эффективной занятости подавляющего большинства трудоспособного населения на современных производствах и рабочих местах, конкурентоспособных по уровню производительности, условиям и культуре труда с рабочими местами в развитых странах. Государственное регулирование процесса создания рабочих мест как на общегосударственном, так и на региональном уровнях должно учитывать всю совокупность факторов социально-экономического характера, обуславливающих функционирование рыночного механизма:

– рыночную конъюнктуру, предопределяющую тенденции движения рабочих мест, их структурно-количественные параметры, цикличность развития экономи-

ки, предвидение возможного экономического спада и связанного с ним сокращения существующих рабочих мест;

- региональные особенности рынка труда, размещение производственных мощностей в регионах с более низкой стоимостью рабочей силы;
- государственные целевые программы развития конкретных отраслей экономики и связанное с ними создание новых рабочих мест, возможности использования временной сезонной занятости, надомного труда;
- наконец, соблюдение законов договорных соглашений с отраслевыми профсоюзами.

Основным инструментом управления трудовыми процессами должны стать внутрипроизводственные балансы труда, дифференцированные балансы трудовых ресурсов и рабочих мест, сводные (комплексные) балансы труда.

Их можно составлять для каждого фактора производства, в том числе и для трудовых ресурсов. В основу внутрипроизводственного баланса труда должны быть положены действующие технологические калькуляции с последующим переводом на конечном технологическом переделе в модели линейного программирования. Трудовые балансы на уровне предприятия должны являться основой для составления дифференцированных и в конечном итоге комплексных трудовых балансов, т. е. должны вписываться в общенациональную схему балансов по основным макроэкономическим показателям.

Комплексные трудовые балансы позволяют:

- воссоздать картину трудовых ресурсов региона и национальной экономики в целом,
- выявить дисбаланс в соотношении имеющихся трудовых ресурсов и рабочих мест на рынках труда разных уровней,
- достичь прозрачности в структуре и во взаимосвязях развития социально-экономической сферы региона с трудовыми ресурсами,
- осуществить привязку перспективных планов развития социально-экономической сферы с демографическими прогнозами,
- выявить дисбаланс в подготовке трудовых ресурсов и наличных рабочих мест по возрастному и профессионально-квалификационному составу.

Государственная политика оптимизации занятости должна предполагать также и механизм компенсации, уравнивающий процесс высвобождения рабочей силы, в качестве которого можно предложить активное стимулирующее воздействие государства на развитие предпринимательства. Как свидетельствует мировой опыт, частный сектор в большинстве реформируемых экономик создает больше мест, чем ликвидирует старых, причем прирост численности работников в одном секторе тем больше, чем быстрее экономика выходит из кризисного состояния.

Выражаю искреннюю благодарность доктору экономических наук, профессору В.Л. Ключе за постоянную помощь и внимание к моей научной работе.

¹ См.: Состояние и тенденции демографического развития Беларуси. Мн., 2003. С. 23.

² См.: Возрастно-половая структура населения Республики Беларусь и областей на 01.01.2003 г. и среднегодовая численность населения за 2002 г. Мн., 2003. С. 49–56, 81.

³ См.: Состояние и тенденции демографического развития Беларуси. Мн., 2003. С. 39.

⁴ См.: Трудовые ресурсы и занятость населения Республики Беларусь в 2002 г. Мн., 2003. С. 3–4.

⁵ См.: Ермак Д. Рынок труда: количество безработных будет расти // НЭГ. 2002. № 64. С. 4.

⁶ См.: Трудовые ресурсы и занятость населения Республики Беларусь в 2002 г. Мн., 2003. С. 5.

⁷ См.: Состояние и тенденции демографического развития Беларуси. Мн., 2003. С. 39.

⁸ См.: Трудовые ресурсы и занятость населения Республики Беларусь в 2002 г. Мн., 2003. С. 13.

⁹ См.: Ермак Д. Указ. соч. // НЭГ. 2002. № 64. С. 4.

Поступила в редакцию 29.12.2003.

Инга Владимировна Зенькова – ассистент кафедры экономической теории Полоцкого государственного университета.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ФОРМЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЖЕНЩИН И МАТЕРИНСТВА

Предлагаются социально-экономические формы государственной поддержки профессиональной деятельности женщин и материнства. Приведенные экономические расчеты подтверждают целесообразность государственных расходов на поддержку детских дошкольных учреждений как одного из необходимых условий роста социально-экономической эффективности общественного труда женщин.

The article is devoted to the social-economic forms of governmental support to the professional activity of women and maternity. The economic calculations prove the necessity of governmental expenses for the support to kindergartens as one of the necessary conditions for the growth of social-economic effect of social labour of women.

Анализ распределения численности экономически активного населения по полу в Беларуси в 1995–2002 гг. показывает, что существует тенденция постепенного увеличения доли экономически активных и занятых женщин. Так, из общей численности экономически активного населения доля занятых женщин увеличилась за этот период с 50,9 до 51,6 %, в то время как доля мужчин снизилась с 46,6 до 45,7 %¹.

О высоком творческом и научном потенциале работающих женщин свидетельствуют следующие данные. Доля женщин среди главных специалистов составляет 55,9 %, среди специалистов – 74,8 %, среди других служащих – 77,6 %. Среди работников с высшим образованием женщины составляют 58,2 %, со средним специальным – 65,6 %, со средним базовым и неполным средним – 45,9 %². Среди студентов высших учебных заведений 57,6 % – женщины, их численность в период 1995–2003 гг. увеличилась на 77,6 %³.

Несмотря на высокий образовательный и профессиональный уровень, женщины мало представлены в высших органах управления. Так, среди руководителей в экономике 54,9 % – мужчины и 45,1 % – женщины⁴.

Распределение работающих женщин по отраслям производства и по категориям персонала свидетельствует об их неравном социально-экономическом положении с мужчинами. Преобладание женщин в непроектируемых отраслях, с одной стороны, способствует эффективному применению их труда в благоприятных условиях, а с другой – сосредоточивает женщин в низкооплачиваемых сферах экономики. Исследование динамики начисленной среднемесячной заработной платы работников по отраслям экономики показывает, что в период 1990–2002 гг. наиболее низкая зарплата отмечалась в сферах торговли и общественного питания (77,2 % к среднереспубликанскому уровню), здравоохранении, физической культуре и социальном обеспечении (88,6 %), образовании (86,5 %), культуре (77,7 %), искусстве (80,4 %), где преимущественно заняты женщины⁵. Отношение средней заработной платы женщин к средней заработной плате мужчин в экономике в целом составляет 81 %⁶.

Отставание уровня заработной платы женщин от уровня оплаты мужчин связано с преобладанием мужчин среди руководителей во всех отраслях производства. Например, директора средних школ мужчины составляют 56 %, руководители объединений, предприятий, организаций, учреждений и их заместители 54,5 % – мужчины, руководители подразделений и их заместители 55,1 % – мужчины⁷.

Таким образом, исторически сложившаяся структура распределения женщин по отраслям производства и по категориям персонала свидетельствует об их экономическом неравенстве как социально-демографической группы населения. Причины такого неравенства обусловлены как социально-экономическими, так и естественнобиологическими особенностями женской рабочей силы. Во-первых, женщины физически слабее мужчин и их ручной труд может быть менее интенсивным. Во-вторых, женщины острее мужчин реагируют на неблагоприятные условия труда (шум, запыленность, загрязненность и т. д.). Вредные и тяжелые

условия труда, кроме того, отражаются на здоровье и способности к материнству молодых женщин. В-третьих, выполнение женщинами материнских функций по вынашиванию, рождению, кормлению и воспитанию детей существенно ограничивает их участие в общественном производстве и возможности профессионального роста. В-четвертых, ведение женщинами домашнего и личного подсобного хозяйства существенно повышает совокупную трудовую нагрузку работающих женщин и уменьшает свободное время, необходимое для простого и расширенного воспроизводства рабочей силы.

Наличие целого ряда особенностей по применению женской рабочей силы требует создания со стороны государства адекватных условий для повышения ее конкурентоспособности в рыночной системе. К таким условиям относятся: дошкольные и школьные учреждения, обеспечивающие качественное воспитание и оздоровление детей, система высококачественного общественного питания и бытового обслуживания населения, оснащение домашних хозяйств современной бытовой техникой и качественными полуфабрикатами быстрого приготовления. Все перечисленные мероприятия направлены на сокращение затрат труда женщин в домашнем и личном подсобном хозяйстве и увеличение их свободного времени.

Наряду с профессиональной деятельностью женщины выполняют одну из важнейших функций в обществе по рождению и воспитанию детей в семье. При этом в разряд приоритетных задач социально ориентированной рыночной экономики включаются обе функции, выполняемые женщинами: участие в общественном производстве и нормализация демографической ситуации. Эффективная социальная политика Республики Беларусь понимается прежде всего как предоставление трудоспособному населению возможностей для обеспечения достаточного дохода через заработную плату – ключевой фактор повышения производительности труда⁸.

Вместе с тем продолжает ухудшаться демографическая ситуация в стране. Так, наряду с уменьшением рождаемости отмечается снижение числа браков, увеличение числа разводов, увеличение детей, рожденных вне брака и воспитывающихся в неполных семьях. Если в 1990 г. коэффициент рождаемости на 1 000 населения составлял 14,0, то в 2002 – 8,9. Коэффициент младенческой смертности (на 1 000 родившихся) в 2002 г. в городских поселениях составлял 6,9, а в сельской местности – 10,0⁹, что во многом обусловлено тяжелыми бытовыми и рабочими условиями сельских женщин. Единовременное пособие при рождении ребенка в Беларуси составляет 179,1 тыс. р., а по уходу за ним до 3 лет – 58,2 тыс. р. в месяц. Если учесть, что по итогам за декабрь 2002 г. бюджет прожиточного минимума (БПМ) составлял 89 557 р., а минимальный потребительский бюджет (МПБ) в конце последнего квартала 2002 г. составил в среднем 144 991 р. на одного человека¹⁰, то можно сделать вывод о том, что размер пособий не обеспечивает даже прожиточного минимума (условного перечня товаров и услуг, необходимых для сохранения жизни и здоровья человека). Расчеты показывают, что если в семье из четырех человек два ребенка, то родители должны зарабатывать 289 982 р. в месяц для обеспечения МПБ.

Статья 185 Трудового кодекса РБ предусматривает право работающих женщин на отпуск по уходу за ребенком независимо от трудового стажа до достижения им трех лет с выплатой за этот период ежемесячного государственного пособия¹¹. При этом к фактически отработанному времени в рабочий год, за который предоставляется трудовой отпуск, не относится время отпуска по уходу за ребенком до достижения им возраста трех лет¹². Таким образом, время, потраченное женщиной на рождение и воспитание ребенка до трехлетнего возраста, признается обществом не общественно-полезным трудом, за который следует платить заработную плату, а именно отпуском, за который не предоставляется трудовой отпуск.

В действительности же труд женщин по уходу и воспитанию детей является общественно необходимым, а ведение ими домашнего и личного подсобного хозяйства необходимо для удовлетворения непроизводственных потребностей членов семьи. Женщины, по сути, несут двойную нагрузку: по обслуживанию членов семьи и воспитанию детей, а также по выполнению служебных и профессио-

нальных обязанностей. Доходы и зарплата женщин в целом ниже, чем у мужчин, что свидетельствует об их социально-экономическом неравенстве.

Учитывая, что численность населения с уровнем располагаемых ресурсов ниже минимального потребительского бюджета составляет 71,1 %¹³, социальная политика государства должна быть направлена на предоставление возможности женщинам, воспитывающим детей дошкольного возраста, участвовать в общественном производстве. Исследования показывают, что лишь 10–12 % женщин выражают желание полностью воспользоваться трехлетним отпуском по уходу за ребенком. Многие матери стремятся сохранить квалификацию либо вынуждены продолжать работу после рождения ребенка в связи с тяжелым материальным положением.

Таким образом, развитие государственной сети детских дошкольных учреждений и их качественное обновление являются необходимым условием для участия женщин, воспитывающих детей в семье, в общественном производстве. Предложения экономистов о сокращении капитальных вложений на строительство и ремонт дошкольных учреждений являются экономически необоснованными. Обычно в таких экономических обоснованиях рассчитываются затраты предприятий по содержанию социальной сферы (в том числе и детских садов) и предлагается за счет их сокращения повысить экономическую эффективность производства. Вместе с тем следует учитывать, что развитие дошкольного образования является обязательной функцией государства, а дошкольные учреждения, состоящие на балансе малорентабельных или убыточных предприятий, необходимо финансировать и содержать за счет государственного бюджета, использовать для воспитания детей. Во многих случаях помещения и здания таких дошкольных учреждений используются не по назначению, сдаются в аренду или продаются коммерческим организациям под другие цели. Так, в период 1990–2001 гг. число дошкольных учреждений в Беларуси сократилось с 5 350 до 4 359, т. е. на 20 %. Процент охвата детей дошкольными учреждениями несколько повысился за этот же период (с 67,6 до 70,7 %), что связано с падением рождаемости и уменьшением в них детей. В то же время в сельской местности процент охвата детей дошкольными учреждениями составлял на 2001 г. 46,6, а в городских поселениях – 79,7¹⁴, что свидетельствует о недостаточности таких учреждений на селе.

Экономическое обоснование целесообразности развития общественного дошкольного образования, финансируемого за счет государственного бюджета, доказывается путем сопоставления затрат общества на воспитание ребенка в детском дошкольном учреждении, с одной стороны, и общественных затрат на выплату государственного пособия по уходу за ним до трехлетнего возраста, а также потерь части валового внутреннего продукта, связанных с невыходом на работу работающей матери, – с другой.

На содержание одного ребенка в дошкольном учреждении в Беларуси в 2002 г. государством расходовалось примерно 860,5 тыс. р.¹⁵ Если учесть, что ребенок, посещающий детское дошкольное учреждение, пропускает по болезни в среднем один месяц в году, то за год государство потратило на его содержание и выплату по больничному листу в связи с болезнью примерно 1 049,732 тыс. р., в т. ч. 189,232 тыс. р. – выплаты в год на одного дошкольника в среднем по больничному листу (рассчитано автором).

Необходимо учесть также, что женщина, ушедшая в отпуск по уходу за ребенком, работавшая в общественном производстве, недодала за год продукции и услуг в размере 3 604,716 тыс. р. Приведем расчет этой суммы: $25,5 \cdot 10^{12} / (4 \cdot 340 \cdot 10^3) - 189 \cdot 232 \cdot 12 = 3 \cdot 604,176 \cdot 10^3$, где 25,5 трлн р. – валовой внутренний продукт (в текущих ценах) в 2002 г.; 4 340 тыс. человек – среднегодовая численность занятых в экономике в 2002 г.; а 189,232 тыс. р. – номинальная начисленная среднемесячная заработная плата работающих в экономике¹⁶.

Таким образом, домашнее воспитание одного дошкольника матерью, ушедшей в отпуск по уходу за ребенком и не пользующейся детским садом, обходится обществу в размере 3 604,716 тыс. р. (без выплаты пособия). При выплате государственного ежемесячного пособия на ребенка в возрасте до трех лет эта сумма

увеличивается до 4 303,116 тыс. р. ($3\,604,716 \cdot 10^3 + 698,4 \cdot 10^3 = 4\,303,116 \cdot 10^3$, где 698,4 тыс. р. – пособие по уходу за ребенком до трех лет за 2002 г.)¹⁷.

Государство же экономит при воспитании матерью одного дошкольника дома без услуг детского дошкольного учреждения 1 049,732 тыс. р. При домашнем воспитании ребенка затраты государства составят 4 303,116 тыс. р. (с учетом недоданной продукции и услуг занятой в экономике женщиной и выплаченного пособия на ребенка за год), что в четыре раза выше затрат при посещении им детского дошкольного учреждения. Другими словами, этой суммы хватило бы на содержание в детских садах примерно четверых детей.

Приведенные расчеты подтверждают экономическую целесообразность дальнейшего количественного и качественного обновления сети детских дошкольных учреждений за счет государственного бюджета. Именно такой подход к дошкольному воспитанию позволит обучать и развивать детей, а также будет способствовать их оздоровлению, что значительно сократит их заболеваемость и количество дней, пропущенных работающими матерями в связи с уходом за больным ребенком. Высокая плата за услуги негосударственных дошкольных учреждений или групп в них делает их недоступными для большинства семей.

Совмещение женщинами профессиональной деятельности с ведением домашнего хозяйства, рождением и воспитанием детей значительно затрудняет их рост по службе, в бизнесе, в общественно-политической деятельности. С переходом к рыночным отношениям возрастают затраты труда женщин в домашнем и личном подсобном хозяйствах, что связано с ростом цен на продукты питания, бытовые услуги, услуги детских дошкольных учреждений, товары культурно-бытового назначения. Значительную долю потребляемых продуктов питания женщины производят сами в домашних условиях. В период 1990–2002 гг. отмечается сокращение предприятий общественного питания с 13 773 до 8 772, т. е. на 36,31 %, а в них мест – на 32,29 %¹⁸. Высокие цены на потребительские товары длительного пользования (холодильники и морозильники, стиральные машины, электропылесосы, швейные машины, велосипеды), в 3–4 раза превышающие минимальный потребительский бюджет (в расчете на душу населения в месяц), приводят к слабой обеспеченности ими домашних хозяйств, что не способствует сокращению затрат труда женщин в домашнем хозяйстве. В структуре потребительских расходов населения по-прежнему преобладают продукты питания (52 %) ¹⁹.

Общественные затраты труда на обеспечение устойчивого развития социальной базы, сокращающей затраты труда женщин в домашнем хозяйстве, являются общественно необходимыми. Общественная производительность труда на предприятиях бытового обслуживания, общественного питания выше, чем индивидуальная эффективность труда женщин в домашнем хозяйстве. Обобществление индивидуальных затрат труда женщин в домашних хозяйствах, перенесение их в сферу бытовых услуг и общественного питания, общественного дошкольного образования сведет к минимуму индивидуальные различия в производительности их труда. Только в общественном производстве возможна денежная оценка индивидуальных затрат труда женщин по ведению домашнего хозяйства и воспитанию детей.

Рост социально-экономической эффективности общественного труда женщин определяется системой экономических отношений, складывающихся в обществе в связи с выделением централизованных ресурсов государства на развитие социальной инфраструктуры, сокращающей затраты труда женщин в домашних хозяйствах, и на формирование оптимальной структуры занятости женщин в общественном производстве в соответствии с их психофизиологическими особенностями. Экономия затрат труда женщин в домашних хозяйствах является необходимым условием роста социально-экономической эффективности общественного труда женщин и его успешного совмещения с материнством.

¹ См.: Краткий статистический сборник «Республика Беларусь в цифрах». Мн., 2003. С. 74.

² См.: Женщины и мужчины РБ: Стат. сб. Мн., 2001. С. 88, 98.

³ См.: Краткий статистический сборник. С. 118.

⁴ См.: Женщины и мужчины РБ: Стат. сб. Мн., 2001. С. 88, 121.

- ⁵ См.: Краткий статистический сборник. С. 95.
- ⁶ См.: Женщины и мужчины РБ. 2001. С. 112.
- ⁷ См.: Женщины и мужчины РБ: Стат. сб. Мн., 1999. С. 43, 50.
- ⁸ См.: Основные положения программы социально-экономического развития Республики Беларусь на 2001–2005 годы. Основные направления социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2010 г. / Сост. М.И. Плотницкий. Мн., 2002. С. 71.
- ⁹ См.: Краткий статистический сборник. С. 59, 61.
- ¹⁰ См.: Полежаева М. Минимальный. Прожиточный? // Аргументы и факты. 2003. № 10. С. 16.
- ¹¹ См.: Трудовой кодекс Республики Беларусь. Принят Палатой представителей 8 июня 1999 года. Одобрен Советом Республики 30 июня 1999 года. Мн., 1999. С. 97.
- ¹² См.: Там же. С. 87.
- ¹³ См.: Краткий статистический сборник. С. 102.
- ¹⁴ См.: Статистический ежегодник Республики Беларусь, 2002. Мн., 2002. С. 180.
- ¹⁵ См.: Коктыш С. На вечном пути к знаниям // Минский курьер. 2002. № 38 (76). 18 сент.
- ¹⁶ См.: Там же. С. 27, 175.
- ¹⁷ См.: Полежаева М. Указ. соч. С. 16.
- ¹⁸ См.: Краткий статистический сборник. С. 276.
- ¹⁹ См.: Там же. С. 103.

Поступила в редакцию 15.09.2003.

Екатерина Витальевна Ермакова – кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента БГУИР.

В.Г. БУЛАВКО

НОВЫЕ ПОДХОДЫ К ФОРМИРОВАНИЮ СИСТЕМЫ ОЦЕНКИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРЕДПРИЯТИЙ

Исследуется проблема внедрения сбалансированной системы показателей, которые могут выступать в качестве критерия оценки обществом труда коллективов предприятий. Делается вывод, что их использование может стать действенным инструментом по обеспечению выпуска качественной и конкурентоспособной продукции.

The article studies the problem of a balanced index system that can act as the society's rating criterion of enterprise collective labour in the course of the realization of complex production and technical tasks. It makes the conclusion that their application may become an efficient instrument in providing the production of qualitative and competitive output.

В настоящее время параметры общественного производства устанавливаются для предприятий в форме регулирования их деятельности со стороны государства и достигаются в процессе реализации составленных на этой основе плановых заданий. С точки зрения неоклассической теории степень вмешательства государства в систему функционирования рыночных отношений определяется уровнем неспособности последних обеспечить при любых сложившихся обстоятельствах эффективное и оптимальное развитие процессов воспроизводства. Тогда функции государства по регулированию экономических отношений позволяют в методологическом плане признать рынок в качестве какой-то независимой составляющей, обеспечивающей наилучшие условия хозяйствования¹.

В действительности государство через субъекты экономических отношений всегда закрепляет права собственности на ресурсы, которые, как правило, приносят наибольший доход. Диапазон методов, с помощью которых это достигается, весьма широк: налоговая политика, трудовое законодательство, антимонопольный режим деятельности разных по формам собственности субъектов хозяйствования и др. В этих условиях найти универсальный критерий оценки наибольшей выгоды от использования ресурсов сложно, так как он должен содержать целый комплекс других факторов, в том числе и социальных. В то же время мотивация для установления характеристики критерия всегда сводится к поиску его полезности и справедливости, что предполагает определение условий и границ, в рам-

**Фрагмент сбалансированной системы показателей по производству тракторов «Беларус»,
другой продукции и услуг для ПО «Минский тракторный завод»**

Наименование показателей	Субпроцессы, отражающие сбалансированную оценку показателей	Стратегическая цель субпроцессов	Показатель оценки стратегических субпроцессов	Возможные параметры, достигнутые в ходе реализации стратегических субпроцессов
1	2	3	4	5
K_C – показатель оценки реализации программы стратегии маркетинга. $K_C = A_P + A_K$ где A_P – показатель, отражающий состояние рынков сбыта с позиции возможности их освоения; A_K – показатель, характеризующий оценочное состояние продукции с точки зрения ее конкурентоспособности на потенциальных рынках сбыта.	Производственные процессы, в ходе реализации которых можно достигнуть максимальных результатов	Заблаговременный анализ рынков сбыта с целью выработки конкретных мероприятий, позволяющих ПО «Минский тракторный завод» повышать конкурентоспособность своей продукции и оперативно влиять на потребности покупателей.	Программа стратегии маркетинга в ее оценочной способности.	Прирост объема продаж тракторов до 1,5 % в год в течение 2002–2008 гг.
K_P – показатель, характеризующий требования покупателей с позиции их удовлетворенности продукцией. $K_P = Q_H + Q_T$ где Q_H – показатель, определяемый отношением объема выпущенных новых товаров и услуг к общему объему реализованной продукции; Q_T – показатель, оценочно характеризующий требования покупателей (относительная сумма выраженных покупателями требований).	Оценка положения ПО «Минский тракторный завод» с позиции покупателей	Поддержание авторитета объединения как производителя новых видов продукции (МТЗ-922, МТЗ-923, МТЗ-1222, МТЗ-1523, «Беларус» 2522/2522В, гусеничные трактора Мл-131, Мл-127, МЛ-127С и др., в том числе и товары народного потребления).	Объем новых товаров и услуг в общем объеме продаж. Оценка покупателями продукции, выпускаемой объединением.	Темпы роста сертифицированной продукции в общем объеме промышленного производства составят 0,1 % в год, удельного веса новой продукции в общем объеме производства – 6 % в год, внедрения прогрессивных и энергосберегающих технологий – 0,4 % в год. Простота в обслуживании, низкая цена, приемлемая производительность, комфортабельность условий при эксплуатации.

1	2	3	4	5
K_{Φ} – показатель, характеризующий финансовое состояние предприятия с позиции возможных инвесторов. $K_{\Phi} = \Phi_P + \Phi_O + \Phi_{И} + \Phi_{ИФ} + \Phi_C,$ где Φ_P – показатель темпов повышения рентабельности на вложенный в производство капитал; Φ_O – показатель ускорения или замедления оборачиваемости оборотных средств; $\Phi_{И}$ – показатель темпов прироста инвестиций; $\Phi_{ИФ}$ – показатель увеличения средств инвестиционного фонда; Φ_C – показатель снижения темпов общих затрат.	Финансовое состояние предприятия с позиции возможных инвесторов	Достижение темпов роста продаж в соответствии с запросами рынка. Обеспечение темпов повышения рентабельности на вложенный в производство капитал; ускорение оборачиваемости оборотных средств; увеличение притока инвестиций; увеличение средств инновационного фонда; снижение общих затрат.	Темпы прироста продаж тракторов, другой продукции и услуг. Конкретные показатели темпов рентабельности, снижения оборачиваемости оборотных средств, прироста инвестиций, прироста инновационного фонда; показатели снижения темпов затрат.	Не менее 5 % к предыдущему году по тракторам и не менее 2 % в год по другой продукции и услугам Не менее 3 % в год; не менее 5 % в год; не менее 6 % в год; не менее 3 % в год; не менее 2 % в год.
K_C – показатель, характеризующий уровень внедрения прогрессивных методов управления. $K_C = Y_C + Y_K + Y_{П},$ где Y_C – показатель, характеризующий уровень внедрения новых, прогрессивных организационных структур управления (отношение вновь внедренных прогрессивных организационных структур к существующим); Y_K – показатель, характеризующий уровень повышения квалификационного потенциала работников предприятия (отношение количества работников, повысивших свою квалификацию в соответствии с требованиями программы по совершенствованию методов управления, к общему количеству работающих); $Y_{П}$ – показатель, характеризующий степень удовлетворенности работников предприятия («синтетическое» отношение индекса роста внутреннего валового продукта предприятия к фактору мотивации персонала, побудившего его к деятельности для достижения как общественных, так и личных целей).	Улучшение гибкости управления и совершенствование подготовки персонала	Совершенствование организационной структуры предприятия; повышение квалификации работников предприятия; повышение удовлетворенности сотрудников предприятий.	Возможное сокращение ступеней управления, в том числе и сокращение численности персонала. Совмещение профессий, овладение современными методами выполнения заданий; индекс удовлетворенности сотрудников.	Не более трех ступеней и сокращение численности персонала не менее чем на 10 %. Повышение производительности труда не менее чем на 5,5 % к предыдущему году; не менее 80 % работников.

ках которых из множества вариантов будет найден и использован тот, который обеспечивает снижение и приведение к минимуму всех видов издержек². При этом государство посредством регулирующих отношений продолжает осуществлять постоянный контроль за степенью соответствия производимой предприятиями продукции структуре установленных и необходимых обществу потребностей. Тогда критерий оценки труда коллективов в ходе реализации поставленных целей и задач будет включать показатели, отражающие:

- оценку деятельности предприятий, исходя из их реального вклада в развитие производства, и отношение общества к реализации своих интересов;
- производственную и социальную деятельность предприятий как целостного звена общественного производства, пригодную в качестве составляющей при формировании структуры совокупного общественного продукта;
- определенную совокупность потребительских стоимостей и степень удовлетворения запросов общества;
- проявление целей общественного производства через качество и конкурентоспособность произведенного продукта путем реализации его стоимости и получения прибыли;
- адекватность и сочетаемость с системой показателей на уровне общества и предприятий и положение различных хозяйственных звеньев в системе общественного производства. При этом показатели могут учитывать и несовпадение интересов предприятий и общества;
- содержание производственных и других процессов в динамике, что позволяет оценивать работу коллективов с позиции достижений научно-технического прогресса и других долговременных факторов эффективного роста производства³.

Используемая в практике хозяйствования система показателей хотя и была направлена на мобилизацию коллективов по выполнению целей и задач общественного производства, однако не способствовала выявлению его резервов и фактически не носила интегрального характера оценки результатов работы отдельных звеньев в ходе кооперации их труда. Более того, повсеместное использование стоимостных показателей способствовало увеличению разрыва между натурально-вещественными и стоимостными выражениями выпускаемой продукции и негативно влияло на возможное установление оптимальных пропорций между производством средств и предметов потребления, фондами потребления и накопления, объемами необходимого и прибавочного продуктов и др.⁴ Эффективно управлять воспроизводственными процессами без соответствующей системы экономических показателей, характеризующих результаты общественной оценки созданной продукции и учитывающих все аспекты трудовой деятельности коллективов, невозможно.

Наиболее полно этим требованиям отвечают показатели, позволяющие обеспечить их увязку в денежном выражении с такими характеристиками, как удовлетворенность покупателей, организация выпуска продукции во взаимосвязи с ее инновационной активностью, финансовая составляющая и др. Сбалансированные показатели, обладая многоплановостью, включают в себя связи между стратегическим и оперативным уровнями управления, прошлыми и будущими показателями, а также внутренними и внешними факторами деятельности предприятий. При этом среди них выделяются показатели, выражающие объем производимой продукции, и те, которые характеризуют пути и средства его достижения. Их взаимодействие свидетельствует о том, что достижение первых показателей не должно являться самоцелью предприятий, особенно когда выпускается неконкурентоспособная продукция; они должны выполнять функцию механизма, способного «заставить» существующую систему организации производственного процесса выступить в роли управленческой системы не только при формировании стратегических целей, но и в сферах тактического, оперативного порядка⁵.

В условиях углубляющихся рыночных отношений внедрение сбалансированных показателей в систему механизма хозяйствования не означает разработку новой стратегии развития предприятий, а лишь реализацию уже существующей с

ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКАЯ КОНЪЮНКТУРА: ОСНОВНЫЕ ФАКТОРЫ И ПРОГНОЗЫ НА 2004 г.

Рассматривается ситуация на мировом рынке нефти, в промышленном секторе Российской Федерации, оценивается позиция доллара. На этой основе прогнозируются тенденции развития экономики Беларуси до конца 2004 г.

The article considers the situation on the world oil market and in the industrial sector of Russian economy. It evaluates the prospects of the position of the US dollar and on this basis forecasts trends in the Belarusian economy up to the end of 2004.

Республика Беларусь характеризуется высокой степенью открытости, вследствие чего в экономических процессах нашей страны отражаются основные тенденции мировых рынков.

Учитывая, что Российская Федерация является основным торговым партнером Беларуси, остановимся на оценках ситуации на рынке нефти, позиции доллара и в промышленном секторе России.

Такой выбор не случаен, так как нефть является одной из главных статей нашего импорта и цена на нее во многом определяет итоговую себестоимость отечественной продукции; доллар – основная валюта для расчетов по контрактам в Беларуси; промышленность России – важнейший потребитель поставляемой на экспорт продукции наших предприятий и одновременно конкурент на внутреннем и внешнем рынках.

Нефть. 2003 г. характеризовался улучшением конъюнктуры сырьевых рынков. Среднегодовая цена барреля URALS составила 27,2 долл., что на 15 % превысило показатель 2002 г. *Именно благоприятная конъюнктура мировых рынков сырья явилась основным фактором ускорения российской экономики в 2003 г.* Среднегодовые цены на цветные металлы выросли на 13,7 % (индекс LME), а на продукцию черной металлургии сохранились на достаточно высоком уровне (290 долл. за тонну проката).

Зависимость российской экономики от сырьевых рынков наглядно демонстрирует табл. 1. Следует отметить, что на протяжении последних пяти лет рост цен на нефть и металлы (как правило, сырьевые рынки коррелируют между собой) приводил к ускорению темпов роста российского ВВП, а падение цен на нефть – к их замедлению. Очевидно, есть некий пограничный уровень цены на нефть, ниже которого российская экономика может довольно быстро войти в штопор, как это произошло в 1998 г. Большинство оценок экспертов сходится на том, что такой уровень находится довольно низко (12–13 долл. за баррель) и в ближайшее время достигнут не будет. Мы разделяем эту точку зрения и полагаем, что *рынок нефти ожидает, как минимум, еще один благоприятный год.* Одна из причин этого – победа на выборах в США в ноябре 2004 г. республиканской партии. За последние годы мы неоднократно имели возможность убедиться, что именно внешняя политика республиканской администрации США, имеющей тесные связи с крупнейшими транснациональными нефтяными корпорациями, служит гарантом сохранения высоких цен на нефть. Речь идет не только о рынках сырья, но и валютных и долговых, так как администрация прямо определяет бюджетную политику.

Доллар. Рост цен на нефть в 2003 г. явился в значительной степени отражением слабости доллара, что в полной мере соответствует проводимой американскими властями кредитно-денежной политике. В минувшем году в этой сфере произошли кардинальные перемены, заключавшиеся в фактическом *отказе от политики сильного доллара.* Еще весной 2003 г. американский министр финансов Д. Сноу предельно ясно заявил, что США не видят ничего драматичного в снижении курса национальной валюты. Этого было достаточно, чтобы все поняли: в текущей экономической ситуации сильный доллар Америке не нужен. Более того, США сейчас заинтересованы в слабом долларе, который они рассматривают как один из механизмов стимулирования экспорта и защиты внутренних рынков. Данная позиция нашла свое подтверждение осенью 2003 г., когда США на саммите

ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКАЯ КОНЪЮНКТУРА: ОСНОВНЫЕ ФАКТОРЫ И ПРОГНОЗЫ НА 2004 г.

Рассматривается ситуация на мировом рынке нефти, в промышленном секторе Российской Федерации, оценивается позиция доллара. На этой основе прогнозируются тенденции развития экономики Беларуси до конца 2004 г.

The article considers the situation on the world oil market and in the industrial sector of Russian economy. It evaluates the prospects of the position of the US dollar and on this basis forecasts trends in the Belarusian economy up to the end of 2004.

Республика Беларусь характеризуется высокой степенью открытости, вследствие чего в экономических процессах нашей страны отражаются основные тенденции мировых рынков.

Учитывая, что Российская Федерация является основным торговым партнером Беларуси, остановимся на оценках ситуации на рынке нефти, позиции доллара и в промышленном секторе России.

Такой выбор не случаен, так как нефть является одной из главных статей нашего импорта и цена на нее во многом определяет итоговую себестоимость отечественной продукции; доллар — основная валюта для расчетов по контрактам в Беларуси; промышленность России — важнейший потребитель поставляемой на экспорт продукции наших предприятий и одновременно конкурент на внутреннем и внешнем рынках.

Нефть. 2003 г. характеризовался улучшением конъюнктуры сырьевых рынков. Среднегодовая цена барреля URALS составила 27,2 долл., что на 15 % превысило показатель 2002 г. *Именно благоприятная конъюнктура мировых рынков сырья явилась основным фактором ускорения российской экономики в 2003 г.* Среднегодовые цены на цветные металлы выросли на 13,7 % (индекс LMEX), а на продукцию черной металлургии сохранились на достаточно высоком уровне (290 долл. за тонну проката).

Зависимость российской экономики от сырьевых рынков наглядно демонстрирует табл. 1. Следует отметить, что на протяжении последних пяти лет рост цен на нефть и металлы (как правило, сырьевые рынки коррелируют между собой) приводил к ускорению темпов роста российского ВВП, а падение цен на нефть — к их замедлению. Очевидно, есть некий пограничный уровень цены на нефть, ниже которого российская экономика может довольно быстро войти в штопор, как это произошло в 1998 г. Большинство оценок экспертов сходится на том, что такой уровень находится довольно низко (12–13 долл. за баррель) и в ближайшее время достигнут не будет. Мы разделяем эту точку зрения и полагаем, что *рынок нефти ожидает, как минимум, еще один благоприятный год.* Одна из причин этого — победа на выборах в США в ноябре 2004 г. республиканской партии. За последние годы мы неоднократно имели возможность убедиться, что именно внешняя политика республиканской администрации США, имеющей тесные связи с крупнейшими транснациональными нефтяными корпорациями, служит гарантом сохранения высоких цен на нефть. Речь идет не только о рынках сырья, но и валютных и долговых, так как администрация прямо определяет бюджетную политику.

Доллар. Рост цен на нефть в 2003 г. явился в значительной степени отражением слабости доллара, что в полной мере соответствует проводимой американскими властями кредитно-денежной политике. В минувшем году в этой сфере произошли кардинальные перемены, заключавшиеся в фактическом *отказе от политики сильного доллара.* Еще весной 2003 г. американский министр финансов Д. Сноу предельно ясно заявил, что США не видят ничего драматичного в снижении курса национальной валюты. Этого было достаточно, чтобы все поняли: в текущей экономической ситуации сильный доллар Америке не нужен. Более того, США сейчас заинтересованы в слабом долларе, который они рассматривают как один из механизмов стимулирования экспорта и защиты внутренних рынков. Данная позиция нашла свое подтверждение осенью 2003 г., когда США на саммите

министров финансов стран G7 добились того, что Япония заняла более гибкую позицию на валютном рынке и отказалась от интервенций. Консенсус по валютной политике был найден и с европейскими финансовыми властями: если в 2002 г. Европейский центральный банк (ЕЦБ) высказывал опасения в связи с укреплением евро, то сейчас, когда курс евро по отношению к доллару вырос за год более чем на 20 %, ЕЦБ заявляет, что текущие уровни не являются поводом для интервенций.

Таблица 1

Сырьевые рынки и ВВП Российской Федерации

Год	Нефть		Цветные металлы		ВВП	Комментарий
	URALS, долл./барр	Год к году, %	Индекс LMECH	Год к году, %	Темпы роста, %	
1998	11,9	–35,1	1 129,7	–21,4	–5,3	Резкое падение цен на нефть и металлы – значительное снижение ВВП
1999	17,0	43,0	1 150,8	1,9	6,4	Резкий рост цен на нефть и слабый на металлы – резкое возрастание ВВП
2000	26,6	56,5	1 295,8	12,6	10,0	Резкий рост цен на нефть и металлы – радикальное ускорение темпов роста ВВП
2001	22,9	–13,9	1 128,3	–12,9	5,0	Снижение цен на нефть и металлы – замедление темпов роста ВВП
2002	23,7	3,5	1 097,7	–2,7	4,3	Слабый рост цен на нефть, небольшое их снижение на металлы – замедление темпов роста ВВП
2003	27,2	14,8	1 248,2	13,7	7,0	Рост цен на нефть и металлы – ускорение темпов роста ВВП
2004 (прогноз)	33,5	23,2	1 540	23,4	6,9	Сохранение роста цен на нефть и металлы – стабильность темпов роста ВВП

Мы видим, что кредитно-денежная политика в США в 2004 г. не претерпевает качественных изменений. Федеральная резервная система (ФРС) США по-прежнему накачивает экономику ликвидностью, удерживая учетные ставки на рекордно низких уровнях (благо, инфляция в условиях относительно неустойчивой экономической конъюнктуры не представляет в настоящий момент угрозы для США). Мягкая кредитно-денежная политика диктуется во многом состоянием бюджета правительства США, дефицит которого в 2003/04 финансовом году достиг более 500 млрд долл. В таких условиях слабый доллар является неизбежным элементом проводимой кредитно-денежной и бюджетной политики.

Основные гипотезы для построения прогнозов. Наши базовые прогнозы по российской экономике и финансовым рынкам на 2004 г. основываются на трех ключевых гипотезах:

1) цены на нефть останутся высокими. Наш прогноз среднегодовой цены барреля URALS – 33,5 долл.;

2) процентные ставки на мировых рынках будут стабильными. ФРС США в течение года обеспечит незначительное увеличение учетной ставки. Среднегодовая доходность 10-летних облигаций правительства США составит 4,5 %;

3) доллар продолжит падение по отношению к основным валютам и, возможно, подешевеет еще на 5–10 % (против корзины валют).

Промышленность. В промышленном секторе РФ в 2003 г. совершен мощнейший рывок – выпуск продукции возрос более чем на 7 %. Основными его локомотивами стали топливная промышленность (+9,4 %), черная металлургия

(+8,9 %), машиностроение и металлообработка (+8,5 %). Главной причиной такого ускорения явилась крайне благоприятная внешняя конъюнктура – среднегодовые цены на нефть и металлы выросли по сравнению с 2002 г. почти на 14 %, достигнув абсолютных максимумов за последнее десятилетие. В то же время оживление в машиностроении было связано с мощным инвестиционным спросом со стороны ТЭК и металлургов. Замедление темпов роста продолжилось в пищевой промышленности прежде всего в силу возрастающей конкуренции, укрепления рубля и насыщения рынков (табл. 2).

Таблица 2

Динамика производства в различных отраслях промышленности Российской Федерации (в % к предыдущему году)

Отрасли	2000	2001	2002	2003	Динамика по сравнению с 2002 г.	2004 (прогноз)
Топливная	4,9	6,1	7,0	9,9	ускорение	7,5
Машиностроение и металлообработка	20,0	7,2	2,0	7,5	ускорение	12
Пищевая	14,4	8,4	6,5	4,6	замедление	6
Черная металлургия	15,7	-0,2	3,0	9,4	ускорение	5
Цветная металлургия	11,3	4,9	6,0	6,5	темпы роста не изменились	4,5
Электроэнергетика	2,3	1,6	-0,7	5,1	спад прекратился, начался рост	1
Химическая и нефтехимическая	13,1	6,5	1,6	4,7	ускорение	10
Строительных материалов	13,1	5,5	3,0	6,4	ускорение	6
Лесная, деревообрабатывающая и целлюлозно-бумажная	13,4	2,6	2,4	1,5	замедление	2
Легкая	20,9	5,0	-3,4	-2,3	продолжение спада	0
Промышленность в целом	11,9	4,9	3,7	7,0	ускорение	6,7

Динамика промышленного производства в 2003 г. характеризовалась резким ускорением в первом полугодии и плавным замедлением во втором. Вопреки традиции, сложившейся в последнее время, рост производства в конце года не прекратился, однако темпы снизились. Очевидным стало его замедление в двух отраслях-лидерах – топливной и черной металлургии. Темпы роста добычи нефти, достигавшие в течение года 12 %, снизились к концу 2003 г. до 9,5 %. В то же время в машиностроении во втором полугодии ситуация, напротив, улучшилась, чему способствовал рост инвестиционной активности.

Согласно нашему прогнозу на 2004 г. предполагается сохранение благоприятной конъюнктуры сырьевых рынков. На этом фоне ТЭК и металлургия сохранят высокие темпы роста, однако ожидается их некоторое замедление к концу 2004 г. Наши прогнозы (рост): топливная отрасль – 7,5 %, черная металлургия – 5,0 %.

Мы предполагаем сохранение высокого инвестиционного спроса, который будет поддержан дальнейшим улучшением в кредитно-денежной сфере и снижением процентных ставок. Высокая инвестиционная активность, в свою очередь, создаст устойчивый спрос на продукцию машиностроения, реализация которой выиграет от укрепления евро. В связи с этим ожидается сохранение высоких темпов роста отрасли – 12,0 %. Мы пока не видим объективных предпосылок для кардинального изменения ситуации в пищевой промышленности: укрепление рубля и рост конкуренции со стороны иностранных производителей будет оставаться тормозящим фактором, произойдет снижение темпов роста до 6 %. Рост производства электроэнергии незначительно замедлится.

Подводя итоги, отметим, что в 2004 г. ожидается благоприятная внешнеэкономическая конъюнктура для предприятий Республики Беларусь. Для того чтобы в полной мере воспользоваться этой ситуацией для повышения эффективности работы белорусских предприятий, необходимы уже их собственные усилия.

Со своей стороны банк «Москва – Минск», учредителем которого является «Московский муниципальный банк – Банк Москвы» – банк правительства г. Москвы, будучи одним из крупнейших банков Республики Беларусь по размеру собственного капитала и одним из ведущих банков России, готов предложить эффективные формы финансово-кредитного обеспечения работы белорусских предприятий на внешних рынках.

Мы рассмотрим все аспекты деятельности Вашего предприятия и предложим наиболее эффективные и оптимальные варианты ее банковского сопровождения.

Поступила в редакцию 12.03.2004.

Александр Адамович Раковец – кандидат экономических наук, генеральный директор Иностранного банка «Москва – Минск».

А.С. РУБИС

ПРЕДПОСЫЛКИ ФОРМИРОВАНИЯ ПРИНЦИПОВ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО ДОКАЗЫВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Обосновывается создание принципов криминалистической теории доказывания теории преступления как одного из путей познания истины в процессе уголовного судопроизводства.

The article substantiates the reasons for working out the principles of the crime detection theory of proving guilty as a way of cognition of the truth in Crime Legal Proceedings.

Вопрос о правовых принципах осуществления правоприменительной деятельности традиционно является одним из важнейших в юридической науке, в том числе и в частной теории выявления преступлений, а также криминалистической теории их доказывания. Ранее нами была предпринята попытка сформулировать принципы формирования государственной системы выявления преступлений¹. В силу того что мероприятия по выявлению преступлений являются основной структурной составляющей процесса их криминалистического доказывания и первым этапом деятельности по осуществлению борьбы с преступностью, принципы осуществления указанных видов правоприменительной деятельности должны быть если не едиными, то во всяком случае иметь одну основу и природу.

Деятельность по выявлению преступления направлена на установление элементов его криминалистической структуры и преступного поведения как первого и основного (повторимся) содержательного этапа процесса криминалистического доказывания. Именно на базе выявленных следов отражений доказывается сам факт преступной деятельности, которая впоследствии отождествляется с уголовно-правовой моделью преступления посредством уголовно-процессуальных норм и правил. В силу этого содержание совокупной деятельности по доказыванию имеет такой же характер и природу как ее первый этап, но с той лишь разницей, что указанные структурные элементы криминалистического доказывания, а также структурные элементы системы преступления устанавливаются (или должны устанавливаться) в процессе трансформации криминалистической информации в процессуальные источники доказательств не в усеченном, а в полном объеме.

Установлением следов отражений преступления и их доказыванием занимаются специальные субъекты, правомочные реализовать свои полномочия в исследуемом направлении. В настоящий момент, к сожалению, доказательственная деятельность всех субъектов выявления преступлений не регулируется Уголовно-процессуальным кодексом и иными нормативными документами. Но в случае соответствующего изменения глав 20, 21 УПК Республики Беларусь, положений о соответствующих контрольно-инспекционных органах деятельность всех субъектов выявления преступлений будет в должной степени регламентирована в законодательстве, приобретая при этом явную направленность и на обеспечение процесса доказывания выявленных фактов для данной стадии борьбы с преступностью.

Выявление преступлений и процесс их доказывания направлены прежде всего на преодоление сокрытия фактов неправа, что предопределяет характер и вид данной деятельности. При этом выявление преступлений с безусловностью должно порождать процесс их доказывания, а уже в процессе доказывания могут и должны вскрываться иные, т. е. латентные, преступления.

Процесс преодоления противодействия осуществлению доказывания охватывает и этап выявления преступлений как дискретную часть единого и перманентного процесса, что указывает на единство целей и задач.

Здесь следует сказать, что принципы доказывания, сформулированные процессуальной теорией (гл. 2 УПК Республики Беларусь), являются базовыми и для реализации самого процесса криминалистического доказывания.

Принципы осуществления данного процесса являются специальными по отношению к базовым и соотносятся с последними так же, как науки «уголовный процесс» и «криминалистика».

Один из авторов теории доказательств И.Л. Петрухин отмечает в связи с этим, что все процессуальные формы доказывания, все институты и нормы доказательственного права основаны на принципах уголовного процесса, служат выражением и конкретизацией этих принципов². Доказательственное право – центральная часть, ядро процессуального права, а доказывание – основа процессуальной деятельности. Поэтому все принципы уголовного процесса имеют отношение к доказательственному праву и являются также его принципами. Одни из них прямо и непосредственно, а другие косвенно и опосредованно влияют на процесс доказывания, направляя его на достижение истины.

Вместе с тем следует отметить, что в теории уголовного процесса М.С. Строговичем³, М.Л. Якуб⁴ и другими авторами была предпринята попытка сформулировать принципы доказательственного права, среди которых: 1) принцип достижения материальной истины как цели и результата пользования доказательствами; 2) принцип внутреннего убеждения судей как основа оценки доказательств; 3) принцип презумпции невиновности. Однако идея создания самостоятельных принципов в теории доказывания в процессуальной литературе поддержки не получила, так как, «во-первых, в доказательственном праве и доказывании находят применение и другие принципы уголовного процесса (законность, право на защиту, устность, непосредственность и т. д.). Во-вторых, названные принципы имеют общепроцессуальный характер»⁵. В наиболее концентрированном виде эту позицию выразила Ц.М. Каз, которая отмечает, что «попытки выделить какие-то специальные принципы доказывания, которые существовали бы наряду с общими принципами уголовного судопроизводства, параллельно им, не оправдывают себя. Или умаляется значение тех или иных начал судопроизводства, и они сводятся только к доказыванию, или к вопросам доказывания применяется только действие некоторых положений, вытекающих из того или иного принципа»⁶.

Речь идет не о том, чтобы «изобрести» какие-то особые криминалистические принципы, отличные от процессуальных, либо заменить их, а также установить специальные процессуальные принципы доказывания, отличные от общепроцессуальных. Вопрос заключается в том, что принципы в очень специфичной и многоплановой деятельности по установлению системы отражений преступления в материальных средах, показаниях, документах разрабатывать и устанавливать, по нашему глубокому убеждению, необходимо, так как только в одной науке – криминалистике – они являются основным предметом исследования. Именно поэтому некоторые принципы, характеризующие криминалистику как науку, одновременно могут служить и принципами криминалистического доказывания, так как деятельность по установлению системы отражений содеянного хоть и является эмпирической основой процессуального доказывания, но имеет отличную от него структуру и методы реализации.

Вместе с тем следует отметить, что в криминалистике принципы деятельности по обеспечению совокупного процесса доказывания также не разрабатывались, речь велась только о криминалистической методике расследования преступлений.

Более того, Р.С. Белкин⁷, исследуя вопрос содержания принципов криминалистики, писал, что под принципами криминалистической науки надо понимать те исходные положения, которые определяют гносеологическую направленность криминалистических научных исследований, при этом рассматривая последние как одну из разновидностей единого по своей гносеологической сущности процесса научного познания объективного мира. Такая точка зрения позволяет сделать вывод о том, что в указанном смысле нет и не может быть никаких специфических принципов данной отрасли знаний, а есть общие принципы науки познания специфического предмета криминалистики. Ими, по мнению Р.С. Белкина, являются следующие принципы: 1) объективности, 2) историзма, 3) системности науки.

С нашей точки зрения, в выводах Р.С. Белкина содержатся определенные противоречия. С одной стороны, в них указывается, что нет и не может быть каких-либо специальных принципов исследуемой отрасли знаний, а с другой – отмечается четкая направленность криминалистических исследований как разновидности процесса научного познания объективного мира. Но такой процесс в уголовном судопроизводстве является собой целенаправленную деятельность множества субъектов выявления и доказывания установленных преступных фактов. По своей сути данная деятельность и принципы ее проведения должны носить императивный, властно-распорядительный характер, так как обязаны содержать предписания, исполнение которых обеспечит эффективный процесс борьбы с преступностью.

Но главным здесь, по нашему мнению, является все же то обстоятельство, что криминалистика традиционно видится по отношению к теории доказательств только как наука, обслуживающая уголовный процесс и позволяющая, с одной стороны, осуществлять технико-криминалистическое обеспечение процесса доказывания, а с другой – разрабатывать приемы и способы наиболее эффективного проведения следственных действий. И первое и второе абсолютно верно. Но с нашей точки зрения, криминалистика, ко всему прочему, это и наука, с помощью которой возможен самостоятельный путь (криминалистический метод) познания истины в процессе уголовного судопроизводства. При этом деятельность, направленная на достижение этой истины, должна быть целенаправленной, системной и наступательной. Именно следование принципам, регулирующим содержание работы по доказыванию преступлений, позволит значительно оптимизировать совокупные усилия уполномоченных на то субъектов борьбы с преступностью.

Принципы постулируют претворение в жизнь заключенных в них правовых требований, так как если они не сформулированы и не представлены в содержании нормативной базы, регулирующей деятельность по выявлению и доказыванию преступлений, то являются всего лишь «элементами правовой идеологии»⁸. Именно поэтому необходима тщательная научная разработка данных принципов, которые должны органически вытекать из задач и целей борьбы с преступностью.

Принципы отражают закономерности общественной и государственной жизни и по своему содержанию объективны. Вместе с тем они представляют собой волевой акт государства, продукт сознательного творчества законодателя и по форме юридического выражения субъективны. В этом единстве объективного и субъективного проявляется, главным образом, природа принципов⁹. Справедливо отмечается, что беспринципность в борьбе с правонарушениями и беззаконием – источник тяжелейших заблуждений, от которых пострадало немало невиновных. Тут не должно быть выбора: соблюдать предписания закона во всех случаях, в большинстве из них или в какой-то части¹⁰. В этой связи значение криминалистических принципов деятельности по доказыванию преступлений трудно переоценить, поскольку они выражают сущность и характер этой работы, определяют, каким образом она проводится или должна проводиться; представляют собой комплекс юридических норм, служащих основой для координации и регулирования указанной деятельности; нарушение этих норм-принципов значительно снижает уровень борьбы с преступностью и ущемляет законные права граждан.

Исследовавший вопросы принципов криминалистической методики расследования преступлений Г.Н. Метлицкий отмечает, что под принципами данной методики следует понимать вытекающие из познанных объективных закономерностей идеи, исходные положения разработки и создания частных методик, а также основополагающие начала по организации и осуществлению предварительного расследования, обеспечивающие его эффективность по достижению задач уголовного судопроизводства¹¹.

Здесь следует отметить, что мысль о разделении принципов криминалистической науки и практической деятельности в целом не отрицает и Р.С. Белкин, который, во-первых, отмечает, что смешение принципов (в любом понимании этого термина) науки и практической деятельности нецелесообразно¹², и, во-вторых, не исключает возможности их рассмотрения в рамках общих принципов организации деятельности по сбору, исследованию, оценке и использованию доказательств¹³. Существует мнение, что такие основополагающие начала расследования, как планирование, сочетание оперативно-розыскных и следственных действий, использование научно-технических и экономия процессуальных средств, коммуникативность отношений, специфика решения мыслительных задач, следует рассматривать как принципы организации следственной деятельности. Другие авторы, определяя основные начала методики расследования преступлений и выделяя среди них, в частности, соблюдение законности, планомерность расследования, индивидуальность, быстроту, полноту и иные основополагающие положения, относят их, как нам кажется, не только к принципам разработки и создания частных методик расследования, но и к основным принципам организации производства расследования как вида практической деятельности¹⁴.

А.П. Гуляев в рамках принципов уголовного процесса даже предлагает выделить самостоятельную группу основ деятельности следователя¹⁵. Анализ криминалистической литературы показывает, что в ней отсутствует единство взглядов относительно принципов криминалистической методики расследования преступлений. В одних случаях эти принципы отождествляются с общими положениями методики¹⁶, а в других рассматриваются в отрыве от криминалистической науки в целом и ее составных частей¹⁷.

Но как справедливо отмечает И.М. Лузгин, криминалистической методике характерен интегративный подход, так как именно в ней аккумулируются и реализуются те научные и практические рекомендации и разработки, которыми располагает криминалистика, обеспечивая, таким образом, применение этих достижений в практической деятельности¹⁸.

Однако нельзя не обратить внимание на то обстоятельство, что большинство ученых, рассматривая принципы криминалистической методики расследования, по сути, касаются только основных положений разработки и создания частных методик расследования отдельных видов преступлений¹⁹.

Так, Р.С. Белкин формулирует следующие принципы:

- строгое соблюдение законности;
- знание способов совершения преступлений, условий, определяющих выбор способа и возникновения следов его применения;
- адаптация методики расследования к конкретным условиям расследования;
- полнота расследования, преследующая цель не только изобличения виновных и привлечения их к уголовной ответственности, возмещения ущерба, но и выяснения и устранения обстоятельств, способствовавших совершению или сокрытию преступлений;
- поиск способов координации и тесного взаимодействия следователя с оперативными работниками и общественностью²⁰.

При этом автор уточняет, что это принципы разработки методики расследования отдельных видов преступлений.

Аналогичного мнения придерживается и И.А. Возгрин, который выделяет три группы принципов криминалистической методики расследования:

– общие принципы методики расследования отдельных видов преступлений, состоящие из исходных положений, определяющих содержание, структуру и значение раздела в целом;

– частные принципы, включающие основные начала построения методик расследования отдельных видов преступлений;

– специальные принципы методики расследования преступлений, излагающие идеи о структуре и содержании частных методик по группам (видам) преступлений²¹.

С нашей точки зрения, такой подход не является исчерпывающим, так как субъектом, реализующим конкретную частную методику расследования преступлений, является должностное лицо (следователь, лицо, производящее дознание), которое в процессе практической деятельности руководствуется определенными правилами и нормами, обусловленными требованиями Уголовно-процессуального закона, методическими рекомендациями науки и передовой практики. Все это обеспечивает в процессе расследования достижение основной цели – быстрого и полного раскрытия, расследования или предупреждения преступлений, т. е. по сути дела, является основополагающим, руководящим началом расследования²².

В соответствии с устоявшейся точкой зрения в процессе обоснования и разработки всей системы принципов криминалистической методики доказывания должен выполняться ряд требований, среди которых:

– непротиворечивость, т. е. недопустимость двух взаимоисключающих утверждений в качестве логических следствий из одной и той же посылки;

– полнота, предполагающая наличие положений, достаточных для выделения из них всех истинных суждений данной системы взглядов;

– независимость и конкретность, т. е. невыводимость каждого основного положения из однопорядковых положений той же системы;

– преемственность, предполагающая отражение в основных идеях частных методик важнейших принципов криминалистики, уголовного процесса, науки управления;

– учет специфических особенностей уголовно-процессуальных отношений между субъектами (следователем, лицом, производящим дознание, прокурором) в процессе предварительного расследования;

– возможность быть признанными и закрепленными как в нормах права, так и в ведомственных нормативных актах, но не противоречащих им;

– необходимость учета временных, информационных и других факторов в процессе реализации частных методик;

– обязанность учета потребностей практики, подтвержденная научными исследованиями и выраженная в рекомендациях;

– отражение не любых, а наиболее устойчивых, объективно необходимых руководящих начал, используемых при расследовании преступлений.

Сами принципы делят на две группы: 1) принципы разработки и создания частных криминалистических методик и 2) принципы, представляющие руководящие начала по организации и осуществлению практической деятельности.

Первая группа наиболее полно сформулирована И.М. Лузгиным:

– интегративность и системность методических рекомендаций;

– конкретность и научная обоснованность методики;

– взаимная корреляция и единство всех методических рекомендаций;

– соответствие методических рекомендаций законности;

– максимальная эффективность методики на основе полного использования всех достижений научно-технического прогресса²³.

К ним также добавляют:

– плановость основы частных методик и дифференцированный подход в разработке программ следственных действий, оперативно-розыскных и организационных мероприятий (алгоритмов) на первоначальном, последующем и заключительном этапах расследования;

– ориентированность частных методик на достижение целей и задач уголовного судопроизводства по быстрому, полному, всестороннему и объективному расследованию преступлений.

Во вторую группу принципов включают следующие:

– обязательность учета и использования в практической деятельности научно-практических рекомендаций по расследованию преступлений определенного вида;

– строгое соблюдение законности в процессе расследования;

– единое руководство процессом расследования и процессуальная независимость (самостоятельность) следователя и лица, производящего дознание;

– обязательность версионного подхода и плановости при расследовании преступлений;

– необходимость ситуационного подхода и использования программирования на первоначальном и последующих этапах расследования;

– взаимодействие следователя с органом дознания и другими заинтересованными службами органов внутренних дел;

– обязательность использования в процессе расследования современных научно-технических средств и помощи специалистов;

– соблюдение в процессе расследования требований (положений) научной организации труда;

– использование помощи общественности и средств массовой информации при расследовании преступлений;

– соблюдение специализации в расследовании преступлений²⁴.

Р.С. Белкин говорит об *условиях собирания доказательств*, которые, по нашему мнению, вполне можно рассматривать как принципы осуществления исследуемой деятельности.

Первое условие заключается в строгом соблюдении требований законности. Практически это означает использование законных способов собирания доказательств и только в рамках установленной процессуальной процедуры; собирание доказательств только уполномоченным на это законом лицом; объективность, беспристрастность.

Второе условие – обеспечение полноты собранного по делу доказательственного материала. Все процессуальные действия по собиранию и доказательству должны проводиться тщательно; ни одно из существенных доказательств не должно оказаться вне поля зрения субъектов доказывания.

Третье условие собирания доказательств – своевременность осуществляемых в этом направлении действий, иными словами, правильный выбор момента проведения того или иного следственного действия по собиранию доказательств.

Если это действие по своему характеру является неотложным, то оно и должно проводиться немедленно, как только в этом возникла необходимость; тактика проведения такого действия также должна учитываться следователем или судом.

Четвертое условие заключается в соблюдении необходимых гарантий достоверности сведений о получаемых фактических данных. Это условие обеспечивается, во-первых, выбором достоверных источников доказательственной информации; во-вторых, соблюдением тактических условий и приемов проведения следственных действий, создающих предпосылки получения достоверных результатов; в-третьих, применением таких технических средств, которые позволяют наиболее полно выявить, точно зафиксировать и надежно сохранить доказательства.

Данные классификации принципов в совокупности можно было бы, без сомнения, считать исчерпывающими, если процесс доказывания отождествлять только с деятельностью субъектов доказывания на этапе предварительного следствия и определять эти принципы только как положения методики организации деятельности по осуществлению предварительного расследования или, ины-

ми словами, по определению методики и тактики наиболее эффективного проведения проверки криминалистических средств (методов) доказывания посредством тактических операций и действий, направленных на формирование системы процессуальных доказательств, а также определение тождества общей криминалистической модели преступления с его уголовно-правовой моделью посредством сформированных процессуальных доказательств.

При этом принципы деятельности:

а) по выявлению, исследованию, проверке, фиксации и оценке криминалистической структуры преступления, преступной деятельности, отражения преступления, отражения преступной деятельности;

б) по построению криминалистической модели доказывания факта преступления и преступной деятельности как на каждом этапе борьбы с преступностью в отдельности (в зависимости от задач и целей этапа), так и при построении общей криминалистической модели доказывания (как эмпирической основы процесса уголовно-процессуального познания) остаются фактически вне поля исследования.

Более того, перечисленные принципы не учитывают того обстоятельства, что доказывание реализуется соответствующим субъектом посредством создания системного подхода к исследованию указанного процесса и строится на системах криминалистического отражения (материального, интеллектуального, социального), а также на принципе изучения преступной деятельности.

¹ См.: Рубис А. С. Деятельность прокуратуры в борьбе с преступностью (на этапе выявления преступлений). Мн., 2003. С. 170.

² См.: Петрухин И. Л. Теория доказательств в советском уголовном процессе. М., 1973. С. 328.

³ См.: Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. М., 1958. С. 166–167.

⁴ См.: Якуб М. Л. Демократические основы советского уголовно-процессуального права. М., 1960. С. 109.

⁵ Петрухин И. Л. Указ. соч. С. 328.

⁶ Каз Ц. М. Субъекты доказывания в советском уголовном процессе. Саратов, 1968. С. 21.

⁷ См.: Белкин Р. С. Общая теория советской криминалистики. Саратов, 1986. С. 171.

⁸ Алексеев С. С. Общая теория права: В 2 т. М., 1982. Т. 1. С. 98.

⁹ См.: Громов И. А., Пономаренков В. А., Гущин А. П., Францифоров Ю. В. Доказательства, доказывание и использование результатов оперативно-розыскной деятельности: Учеб. пособие. М., 2001. С. 45.

¹⁰ Там же. С. 40.

¹¹ См.: Метлицкий Г. Н. К вопросу о принципах криминалистической методики // Криминалистические аспекты совершенствования доказывания при расследовании преступлений: Тр. Акад. МВД СССР. М., 1982. С. 143.

¹² См.: Белкин Р. С. Указ. соч. С. 171.

¹³ См.: Белкин Р. С. Курс советской криминалистики: В 3 т. М., 1978. Т. 2. С. 360–366.

¹⁴ См.: Митричев С. П. Методика расследования отдельных видов преступлений. М., 1973. С. 8–10; Колесниченко А. Н. Общие положения методики расследования преступлений. Харьков, 1965. С. 27.

¹⁵ См.: Гуляев А. П. Следователь в уголовном процессе. М., 1981. С. 32–108.

¹⁶ См.: Пантелеев И. Ф. Методика расследования преступлений. М., 1975. С. 7–10; Митричев С. П. Методика расследования отдельных видов преступлений. М., 1973. С. 10–37.

¹⁷ См.: Селиванов И. И. Общие положения методики расследования // Актуальные проблемы советской криминалистики. М., 1980. С. 31–36.

¹⁸ См.: Лузгин И. М. Развитие методики расследования отдельных видов преступлений // Правоведение. М., 1977. С. 59–60.

¹⁹ См.: Возгрин И. А. Криминалистическая методика расследования преступлений. Мн., 1983. С. 116–131.

²⁰ См.: Белкин Р. С. Общая теория советской криминалистики. С. 278.

²¹ См.: Возгрин И. А. Принципы методики расследования отдельных видов преступлений. М., 1977. С. 129; Он же. Криминалистическая методика расследования преступлений. С. 116–184.

²² См.: Метлицкий Ф. Н. К вопросу о принципах криминалистической методики // Криминалистические аспекты совершенствования доказывания при расследовании преступлений: Тр. Акад. МВД СССР. М., 1992. С. 141.

²³ См.: Лузгин И. М. Развитие методики расследования отдельных видов преступлений // Правоведение. С. 61.

²⁴ См.: Метлицкий Г. Н. К вопросу об общих положениях и принципах криминалистической методики // Проблемы криминалистики и предварительного следствия в деятельности органов внутренних дел: Сб. науч. тр. Хабаровск, 1992. С. 14.

Поступила в редакцию 21.04.2004.

Александр Сергеевич Рубис – кандидат юридических наук, заместитель директора Института переподготовки и повышения квалификации судей, работников прокуратуры, судов и учреждений юстиции БГУ.

А.Е. ГУЧОК

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ТЕХНИКА В СИСТЕМЕ ТЕХНОЗНАНИЯ

Обосновывается комплексный подход к рассмотрению проблем криминалистической техники как раздела криминалистики и составляющей общей техники, определяются перспективы совершенствования теоретико-методологической составляющей криминалистической техники.

The complex approach to the consideration of the problems of the crime detection techniques is substantiated in the article: both as a part of the crime detection theory and as a constituent of general techniques. Prospects of the improvement of theoretical and methodological basis of the crime detection theory are outlined.

Становление криминалистической техники неразрывно связывается с развитием криминалистической науки, с объективной необходимостью совершенствования методов, приемов и средств осуществления поисково-познавательной деятельности в уголовном процессе. Само понятие «криминалистическая техника» складывалось постепенно. В первоначальных работах по данной теме освещались не только вопросы использования технических средств и приемов при расследовании преступлений, но и рекомендации, относящиеся к другим разделам криминалистики. По мере накопления знаний о технических средствах и приемах осуществления практического следоведения, а также о тактических особенностях производства расследования криминалисты пришли к необходимости дифференцировать технические, тактические подходы и сформировать соответствующие разделы. Криминалистическая техника стала самостоятельным разделом криминалистики, который объединил совокупность данных естественных наук с целью их использования при выявлении, раскрытии, расследовании и профилактике преступлений.

В настоящее время криминалистическая техника определяется как система научно обоснованных положений, сведений и знаний, полученных в результате обобщения передового опыта правоохранительных органов, исследовательской работы, всестороннего использования достижений естественных наук, направленных на дальнейшее совершенствование уже имеющихся, разработку и внедрение новых технических средств с целью их эффективного применения для обнаружения, фиксации, изъятия, исследования доказательств, а также осуществления иных действий по выявлению, расследованию и предупреждению преступлений¹.

Термин «криминалистическая техника» употребляется в двух значениях: как раздел науки криминалистики и как отрасль общей техники². При этом место криминалистической техники в системе общей техники, специфика технического творчества в криминалистике до настоящего времени практически не исследовались.

Необходимость проведения подобного рода исследований обусловлена и изменением представлений о технике вообще, о ее связи с наукой, их взаимном влиянии, о тенденциях научно-технического прогресса. «Если раньше техника выступала как совокупность искусственно созданных изделий, заменяющих отдельные, как правило, физические функции человека, то в настоящее время она превратилась в сложнейшую, многофункциональную, воспроизводящую себя и развивающуюся по своим особым законам техносферу – некую искусственно созданную оболочку геосоциосистемы, внутренне пронизывающую собой все и вся»³.

Л.И. Уварова полагает, что «...современный научно-технический прогресс с его системно-динамичными явлениями сопровождается кардинальными изменениями процесса создания технических средств, являющегося теперь не только научно проверяемым действием, но и особой формой научной деятельности, проводимой на этапе разработки, то есть в ходе реализации научных и технических идей. В новых условиях наука является не только арсеналом знаний, необходимых для совершенствования машин и технических процессов, но и активным компонентом среды, выращивающей новый технический объект, она участвует в технологии создания новой конструкции»⁴. Подобные технологии являются результатом слияния науки и техники. Х. Ленк утверждает, что если наука и техника раньше были оторванными друг от друга сферами человеческой деятельности (отметим, что техника намного старше науки и во все времена существовали технические открытия вне рамок науки), то в настоящее время их взаимная связь неоспорима. Наука делает возможными новые технические изобретения, технический же прогресс, в свою очередь, существенно способствует дальнейшим научно-техническим открытиям (например, в приборостроении, в создании новых инструментов и т. п.)⁵.

Синтез науки и техники воплотился в технознании, представляющем собой систему научно обоснованных сведений о технике и технологии, взятых в их взаимной связи и рассматриваемых как единое целое. Оно всеобъемлюще, охватывает любую из сфер человеческой деятельности, в которой применяется техника. Наряду с естествознанием и обществоведением технознание являет собой одну из составляющих структуры совокупного научного знания человечества. По мнению Б.И. Иванова, объект технознания как целостного образования – техносфера, т. е. сфера применения технических средств; предмет технознания – система знаний о техносфере⁶.

Очевидно, что к сфере применения технико-криминалистических средств относится практика выявления, раскрытия, расследования и профилактики преступлений. В последнее время указанные направления борьбы с преступностью рассматриваются как весьма специфические технологии. Профессор В.А. Образцов определяет криминалистику как науку о технологиях и средствах практического следоведения (поисково-познавательной деятельности) в уголовном процессе⁷.

Мы согласны с точкой зрения В.А. Канке о том, что для максимально точного установления связи между техникой и технологией наряду с феноменом техники требует пояснения и феномен технологии. «Недостаточно определять технику всего лишь как совокупность артефактов. Последние используются регулярно, систематически, в результате осуществления последовательности операции. Технологией называется совокупность операций по целенаправленному использованию техники. Ясно, что эффективное использование техники требует ее включения в технологические цепи. Технология выступает как развитие техники, достижение ею стадии системности»⁸.

Техника образует каркас, структуру техноценозов, а технология обеспечивает процессы (и заключается в них) функционирования отдельных машин, агрегатов и техноценоза в целом. Технология – материализующая душа техники. Основа ее – единичный документированный технологический процесс, акт движения. Главными показателями технологии являются технологичность, полнота использования ресурсов⁹. Примечательно, что в криминалистике в качестве детерминанты документированного технологического процесса в первую очередь рассматривается совокупность норм уголовно-процессуального закона, регламентирующих порядок производства по уголовным делам и использование технико-криминалистических средств в уголовном процессе. В завершеном виде технологии поисково-познавательной деятельности можно рассматривать как методику расследования отдельных видов преступлений. Обязательной составляющей таких технологий является комплекс информации, касающийся мероприятий организационного характера (их гибкость в полной мере зависит от тактического потенциала криминалистики), востребованность которого связывается с проявлением противодействия в ходе расследования.

Техника как часть технической реальности тесным образом связана с технологиями, которые, по мнению С. Лема, «...есть обусловленные состоянием знаний и общественной эффективностью способы достижения целей, поставленных обществом»¹⁰. Применительно к нашим исследованиям комплекс наиболее общих целей и задач очерчен Уголовно-процессуальным кодексом, частные же и конкретные – детально представлены в теоретических основах криминалистики. При этом под состоянием знаний следует понимать уровень развития непосредственно самой науки криминалистики и всех других, знания из которых заимствуются как в ходе научных исследований, так и при осуществлении деятельности по борьбе с преступностью.

Уровень технизации современного общества позволяет рассматривать поисково-познавательную деятельность в уголовном процессе как специфическую часть техносферы – сферу применения технико-криминалистических и иных технических средств в ходе выявления, раскрытия, расследования и профилактики преступлений. Очевидно, что обозначенная часть техносферы включает в себя и область применения технических средств несколько иного назначения – орудий совершения преступлений, которые также выступают в качестве объекта исследования криминалистической науки и требуют в процессе их изучения определенной технической подготовки.

Отметим, что применение технико-криминалистических и иных технических средств в практическом следоведении, а также область использования орудий совершения преступлений входят в качестве составляющих в систему более высокого порядка – сферу применения технических средств вообще, иными словами, глобальную техносферу. Именно при ее целенаправленном исследовании можно выявить специфические закономерности развития общей техники, от которых на фоне дискуссий о природе самой науки криминалистическая техника оказалась искусственно изолированной. На основе обозначенных закономерностей возможно также создание алгоритмов разработки технико-криминалистических средств, формулирование основных положений теории решения изобретательских задач в криминалистике, а следовательно, и разработка технических средств для практического следоведения в уголовном процессе, обеспечивающих эффективное функционирование технологий выявления, раскрытия, расследования и профилактики преступлений.

Система знаний о техносфере как предмете технознания включает в себя философско-методологические и собственно технические слои знаний¹¹.

Философско-методологический слой знаний базируется в первую очередь на основных положениях философии техники, которые охватывают совокупность проблем, касающихся обсуждения места и роли техники в человеческом обществе¹². Философия техники объединяет узкое и широкое понимание техники. Так, В.А. Канке считает, что «...техника есть совокупность артефактов, создаваемых и используемых методами инженерной деятельности. В более широком понимании техника выступает как особый, технический подход к любой сфере человеческой деятельности. Технический подход находится во взаимодополнительном отношении с естественнонаучным подходом. В жизнедеятельности современного общества техника и технический подход имеют фундаментальное значение»¹³. Следует отметить, что понятие техники в философии традиционно употребляется в двух взаимно дополняющих смыслах: во-первых, как совокупность материальных средств деятельности, искусственно произведенных, т. е. артефактов. Во-вторых, в соответствии с буквальным исходным значением самого термина *techné* (искусство, мастерство, ремесло), т. е. как совокупность навыков, умений. Таким образом, в одном смысле техника – это особая материально-предметная сфера орудий, инструментов; в другом – это способ деятельности, в том числе и метод использования орудия¹⁴. Такая структура философско-методологического слоя знаний обеспечивает формирование методологии развития техники, где каждое техническое средство рассматривается как элементарная единица более сложной системы – технологии соответствующего направления научной и технической деятельности. В собственно технические слои знаний входят научно-технические, представленные системой соответствующих наук, инженерные и практические (методические знания)¹⁵.

Применительно к сфере использования технико-криминалистических и иных технических средств в уголовном процессе техносфера может рассматриваться как объект исследования, предметом же выступает система знаний о сфере применения этих средств в практическом следоведении в уголовном процессе. Данная система знаний включает в себя два слоя: философско-методологический и технический. Философско-методологический слой объединяет наряду с философией техники теоретические и методологические основы криминалистической техники.

Криминалистические знания, входящие в философско-методологический слой предмета технознания (применительно к области технико-криминалистических средств), охватывают известный круг закономерностей механизма преступления, возникновения информации о преступлении, собирания, исследования, оценки и использования доказательств, а также функционирования технологий поисково-познавательной деятельности в ходе выявления, раскрытия, расследования и профилактики преступлений. Такой сложный симбиоз знаний позволяет осуществлять трансформацию криминалистических проблем в задачи по разработке и улучшению технико-криминалистических средств и методов с целью совершенствования имеющихся или создания новых эффективных технологий борьбы с преступностью.

Необходимость включения теоретических и методологических основ криминалистической техники в философско-методологический слой знаний предмета технознания обусловлена специфической направленностью технического творчества в криминалистической технике. Последняя, как указывает Ю.В. Кореневский, «...разрабатывает технические средства, приемы и методы собирания и исследования доказательств, главным образом материальных следов преступления, так сказать, – овеществленной информации»¹⁶. Отмеченный процесс позволяет по аналогии с общей техникой (для нее характерно отражение в технических средствах труда уровня развития познавательных и материально-преобразующих возможностей общества) создавать технико-криминалистические средства, отражающие потенциал всей системы правоохранительной деятельности вообще и практического следоведения в уголовном процессе в частности.

Задачи по разработке технико-криминалистических средств решаются путем использования собственно технических слоев знаний, объединяющих научно-технические и инженерные, включая изобретательские. Мы согласны с мнением А.Р. Познера, что для создания техники, которая имела бы высокие технические, экономические, эргономические, экологические параметры, необходимо быть профессионалом, творчески владеть своим предметом¹⁷.

Использование технических слоев знаний как составляющих предмета технознания при проведении научно-технических разработок по совершенствованию технологий и техники поисково-познавательной деятельности в уголовном процессе требует определения степени их реальной интеграции в сферу криминалистической техники. По нашему мнению, криминалистическую технику и технознание объединяют научно-технические знания, и очевидно, что она является неотъемлемой составляющей системы технознания, а следовательно, и общей техники. Интеграция же потенциала технознания в сферу научно-технического творчества в криминалистической технике зависит от факторов объективного и субъективного характера. Объективно развитие криминалистической техники в значительной мере зависит от уровня технознания и поэтому требует некоторого расширения, но в большей степени углубления содержания предмета криминалистической техники за счет включения в него закономерностей развития общей техники и технознания, разработки на их основе формализованных методов решения задач по созданию технико-криминалистических средств и криминалистических технологий. Несколько иная ситуация складывается с субъективными факторами, проявляющимися в отсутствии должной системы технической подготовки криминалистов, которая бы позволяла решать элементарные задачи по разработке технико-криминалистических средств.

Общие научно-технические и инженерные знания детерминируют методологию решения задачи, наиболее важной для криминалистической техники и техники вообще, – разработки технических средств: аппаратов, приборов, устройств. Ее основу составляют поэтапные алгоритмы применения этих знаний в процессе создания артефактов.

Разработка новых элементов техносреды начинается с этапа проектирования. «Проектирование как особый вид инженерной деятельности возникает в результате разделения процесса изготовления изделия на две взаимосвязанные части: “интеллектуальное (семиотическое) изготовление изделия (собственно проектирование), позволяющее решить его наилучшим, оптимальным образом, минуя пробы в материале, и изготовления изделия по проекту (стадия реализации проекта)”»¹⁸. В проектной деятельности выделяются такие моменты, как нахождение структуры объекта, выбор и увязка в определенной последовательности необходимых и достаточных элементов, обеспечивающих его функционирование, согласование разнообразных требований к работе изделия, расчет характеристик и параметров, определение внешнего вида и пр. Все это воплощается в чертежах, графиках, диаграммах и другой проектной документации¹⁹.

Многие из указанных направлений инженерной деятельности требуют владения комплексом знаний, которые не могут быть предметом исследования криминалистической техники, сформированной на основе вертикальных срезов интегрированной научной информации. Однако они выступают как комплексы знаний, без заимствования и использования которых ни одна из задач по разработке и совершенствованию технико-криминалистических средств не может быть решена до конца. Это, по нашему мнению, возможно при отраслевом подходе в криминалистике с выделением такой специфической отрасли, как техническая криминалистика.

Техническая криминалистика формируется на основе синтеза знаний о технике и технологиях поисково-познавательной деятельности в уголовном процессе и способна охватить всю систему знаний той части техносферы, которая содержит сведения научно-технического и инженерного характера, позволяющие разрабатывать новые и совершенствовать уже имеющиеся технико-криминалистические средства и технологии поисково-познавательной деятельности.

¹ См.: Грамович Г. И. Основы криминалистической техники. Мн., 1981. С. 24.

² См.: Селиванов Н. И. Современное состояние криминалистической техники и пути ее развития // Вопросы криминалистики: Сб. науч. тр. М., 1962. Вып. 5. С. 103.

³ Философия науки и техники: Учеб. пособие / Под ред. А. Р. Познера. М., 1994. С. 5–6.

⁴ Уварова Л. И. Создание технических средств как историческая и научно-техническая проблема // История науки и техники: проблемы и перспективы: Сб. ст. М., 1995. С. 116–117.

⁵ См.: Ленк Х. Размышления о современной технике / Пер. с нем.; Под ред. В. С. Степина. М., 1996. С. 15.

⁶ См.: Иванов Б. И. Формирование развития технознания // История науки и техники. М., 1995. С. 99–100.

⁷ См.: Образцов В. А. Курс лекций по криминалистике. М., 1997.

⁸ См.: Канке В. А. Философия. Исторический и систематический курс: Учеб. для вузов. М., 2000. С. 273.

⁹ См.: Кудрин Б. И. Введение в технетику. Томск, 1993. С. 378.

¹⁰ Лем С. Сумма технологий. М., 1968. С. 208.

¹¹ См.: Иванов Б. И. Указ. соч. С. 99–100.

¹² См.: Философия: Учеб. пособие для студентов вузов / Под общ. ред. Ю. А. Харина. Мн., 2000. С. 313.

¹³ См.: Канке В. А. Указ. соч. С. 272–273.

¹⁴ См.: Горюнов В. П., Гавришин В. К. Философия науки и техники: Конспект лекций. СПб., 2000. С. 23.

¹⁵ См.: Иванов Б. И. Указ. соч. С. 99.

¹⁶ Кореневский Ю. В. Криминалистика для судебного следствия. М., 2001. С. 17–18.

¹⁷ См.: Философия науки и техники. С. 32.

¹⁸ Розин В. М. Проектирование как предмет философско-методологического анализа // Вопросы философии. 1984. № 10. С. 102.

¹⁹ См.: Философия науки и техники. С. 31.

АБ РЕГЛАМЕНТАЦЫІ ПЕРАДАЧЫ АСУДЖАНЫХ ДЛЯ АДБЫВАННЯ ПАКАРАННЯ Ё КРАІНЕ ІХ ГРАМАДЗЯНСТВА

Рассматриваются проблемы регулирования в белорусском уголовно-процессуальном праве института передачи осужденных к лишению свободы для дальнейшего отбывания наказания в стране их гражданства.

The article reveals the problems of legal regulation of the procedure of transfer of the sentenced to imprisonment for further completion of punishment in the country of their citizenship or nationality.

З кожным годам стасункі паміж краінамі становяцца ўсё больш цеснымі, спрашчаецца працэс перасячэння дзяржаўнай мяжы. У такой сітуацыі грамадзяне Рэспублікі Беларусь, якія знаходзяцца ў замежнай дзяржаве, за ўчыненне імі супрацьпраўнае дзеянне могуць быць асуджаны замежным судом. Аналагічнае рашэнне можа прыняць беларускі суд у адносінах да замежнага грамадзяніна. Зыходзячы з мэт крымінальнай адказнасці, заканадавец імкнецца да сацыяльнай адаптацыі асуджаных і абароны іх правоў і законных інтарэсаў¹. Знаходжанне асуджанага ў зняволенні далёка ад сваякоў не садзейнічае яго перавыхаванню і спрыяе рэцыдыву. Такія асуджаныя прабываюць у чужой моўнай прасторы, што можа весці да канфліктаў. Для недапушчэння такіх негатыўных вынікаў на V Кангрэсе ААН у 1975 г. было прынята рашэнне аб укараненні ў практыку інстытута перадачы асуджаных да пазбаўлення волі для далейшага адбывання пакарання ў краіне іх грамадзянства². У 1978 г. шэраг сацыялістычных краін падпісалі ў Берліне Канвенцыю аб перадачы асоб, асуджаных да пазбаўлення волі, для адбывання пакарання ў дзяржаве, грамадзянамі якой яны з'яўляюцца³. Можна сказаць, што гэтая Канвенцыя стала першым актам, які падрабязна ўрэгуляваў пытанні перадачы асуджаных. Еўрапейскія дзяржавы змаглі выпрацаваць аналагічную канвенцыю толькі ў 1983 г.

Перадача асуджанага для адбывання пакарання ў краіне яго грамадзянства з'яўляецца, на нашу думку, відам міжнароднай прававой дапамогі па крымінальных справах, пры якім асуджаны да пазбаўлення волі ў адной дзяржаве аддаецца на падставе хадайніцтва дзяржаве яго грамадзянства для далейшага выканання прызнанага прыговору, які быў вынесены ў першай дзяржаве. Мэта перадачы асуджанага супадае з мэтамі крымінальнай адказнасці. Толькі ў краіне вынясення прыговору асноўная мэта – сацыяльная справядлівасць (кара за прычыненне шкоды асобам ці інтарэсам гэтай дзяржавы), для краіны ж грамадзянства – перавыхаванне.

Пры ўсім падабенстве да выдачы перадача асуджаных з'яўляецца асобным інстытутам. Па-першае, неабходна волевыяўленне трох суб'ектаў. Перадача праводзіцца не толькі пры дасягненні згоды паміж двума суверэнамі, але і з улікам думкі суб'екта пакарання (па большасці дагавораў; Берлінская канвенцыя дадзенай нормы не змяшчае). Па-другое, перадача ажыццяўляецца толькі для выканання прыговору. Па-трэцяе, пры перадачы дзяржава, дзе адбывае пакаранне асуджаны, больш зацікаўлена ў кары, бо менавіта яе (ці яе падданных) інтарэсы былі парушаны, яна вынесла прыговор і на яе тэрыторыі гэта асоба адбывае пакаранне. Дзяржава перадае сваё суверэннае права выконваць судовы прыговор. Пры выдачы ж для выканання прыговору судовое рашэнне выносіцца ў краіне, якой асоба выдаецца. Па-чацвёртае, пры выдачы кампетэнтны орган толькі правярае адсутнасць падстаў да адмовы ў выдачы, а пры перадачы неабходна прызнанне прыговору замежнага суда. Па-пятая, калі адкінуць універсальны прынцып дзеяння крымінальнага закону ў прасторы, то пры перадачы асоба, як правіла, падсудна перадаючаму боку, а не прымаючаму, як пры выдачы.

Неабходна адзначыць, што Рэспубліка Беларусь, у адрозненне ад Расіі, не стала правапераемніцай СССР у адносінах да Берлінскай канвенцыі. Але наша краіна ратыфікавала шматбаковую Канвенцыю аб перадачы асуджаных да пазбаўлення волі для далейшага адбывання пакарання (Масква, 1998 г.), якая была заключана ў рамках СНД⁴. У дадзенай Канвенцыі нормы больш прапрацаваныя, улічаны папярэдні вопыт, акрамя таго, яна распаўсюджваецца і на асоб без гра-

мадзянства, якія маюць даміціль у адной з дзяржаў-удзельніц. Рэспубліка Беларусь заключыла двухбаковыя дагаворы па разглядаемаму пытанню з Літвой і Туркменістанам. Адметнай рысай дагавора з Літвой з'яўляецца магчымасць перадачы асобы не толькі для далейшага адбывання пакарання, але і для прымянення прымусовых мер медыцынскага характару⁴.

Малая колькасць пагадненняў, у якіх прымае ўдзел і Беларусь, вядзе да парушэння правоў нашых суайчыннікаў, якія пераступілі закон іншых дзяржаў. Шмат хто з грамадзян перадаецца нашай краіне на падставе прынцыпу ўзаемнасці, які не ўрэгуляваны ў нашым заканадаўстве, што вядзе да ўшчамлення іх канстытуцыйных правоў. Так, Канстытуцыйны Суд Рэспублікі Беларусь неаднойчы адзначаў, што правапрымяніцелі не ўжываюць законы аб амністыі ў адносінах да грамадзян, якія былі асуджаныя судамі іншых дзяржаў і затым перададзены ў Рэспубліку Беларусь для адбывання пакарання, нягледзячы на адсутнасць адпаведнага міжнароднага дагавора. Такое становішча супярэчыць канстытуцыйнаму прынцыпу роўнасці ўсіх перад законам⁵.

Пытанні перадачы асуджаных для адбывання пакарання ў краіне іх грамадзянства ў сучасны момант ўрэгуляваны толькі ч. 3 арт. 63 Крымінальна-выканаўчага кодэкса Рэспублікі Беларусь. Дадзеная норма не ўлічвае палажэння Маскоўскай канвенцыі аб магчымасці перадачы асуджаных асоб без грамадзянства і дапускае перадачу толькі «*в порядке, установленном международными договорами Республики Беларусь*»⁶, не ўлічваючы магчымасць перадачы канкрэтнай асобы пры дасягненні дзяржавамі ўзаемнай згоды. Неабходна дапоўніць гэты артыкул словамі «*либо на основе принципа взаимности и с соблюдением законодательства Республики Беларусь*».

Для выканання Берлінскай канвенцыі Прэзідыум Вярхоўнага Савета СССР Указам ад 10.08.1979 г. № 563-Х надзяліў Пракуратуру СССР паўнамоцтвам па вырашэнню пытання аб перадачы асуджаных⁷. Указам № 281 ад 17.05.1999 г. Прэзідэнт Рэспублікі Беларусь вызначыў Пракуратуру Рэспублікі Беларусь кампетэнтным органам па рэалізацыі Канвенцыі 1998 г.⁸ У Балгарыі, Казахстане, Кыргызстане, Туркменістане гэтыя пытанні вырашае таксама пракуратура, а ў Іспаніі, Літве, Расіі, Эстоніі – міністэрства юстыцыі. На нашу думку, пытанні перадачы асуджанага павінен вырашаць орган, у кампетэнцыі якога знаходзяцца пытанні аб выкананні пакарання.

Трэба ўлічваць, што шмат пытанняў, якія ўзнікаюць пры перадачы асуджанага, можа вырашаць толькі суд (від і тэрмін пакарання, час пачатку і заканчэння выканання пакарання, від папраўчай установы), значыць, яны маюць крымінальна-працэсуальны характар. У дзеючым Крымінальна-працэсуальным кодэксе Рэспублікі Беларусь⁹ (далей – КПК) змяшчаюцца толькі нормы, якія называюць органы, правамоцныя ажыццяўляць узаемадзеянне з органамі крымінальнага праследавання і судамі замежных дзяржаў (Пракуратура Рэспублікі Беларусь і Вярхоўны Суд Рэспублікі Беларусь). Па астатніх пытаннях дадзеныя артыкулы з'яўляюцца адсылачнымі. Беларускім заканадаўцам неабходна ўвесці ў КПК асобы раздзел аб міжнародным супрацоўніцтве і аб зносінах органаў Рэспублікі Беларусь, якія вядуць крымінальны працэс, з установамі юстыцыі замежных дзяржаў. У прапануемы раздзел трэба ўключыць главу «Перадача асуджанага да пазбаўлення волі для далейшага адбывання пакарання ў краіне свайго грамадзянства».

КПК у адпаведнасці з арт. 1 з'яўляецца адзіным і абавязковым нарматыўным прававым актам, які ўстанаўлівае парадак дзейнасці органаў, якія вядуць крымінальны працэс, а таксама правы і абавязкі ўдзельнікаў крымінальнага працэсу. Калі вынесці нормы аб узаемадзеянні гэтых органаў Рэспублікі Беларусь з замежнымі ўстановамі юстыцыі за межы КПК, то гэта разбурыць саму ідэю кадыфікацыі, якая мае сваёй мэтай дасягненне стабільнасці прававых нормаў, недапушчэнне калізій паміж імі і забеспячэнне аднолькавасці прымяняемых тэрмінаў. Наяўнасць адзінага нарматыўнага прававога акта, які рэгулюе дзейнасць органаў, якія вя-

* У адпаведнасці з Законом Рэспублікі Беларусь «Аб псіхіятрычнай дапамозе і гарантыях правоў грамадзян пры яе аказанні» (ВНС Рэспублікі Беларусь. 1999. № 25. Арт. 421) і гл. 46 КПК «Прымусовыя меры бяспекі і лячэння».

дуць крмінальны працэс, спрашчае правапрымяненне і робіць заканадаўства ў гэтай галіне агульнадаступным.

Уключэнне палажэння аб перадачы асуджаных у Крмінальна-працэсуальны кодэкс распаўсюджана ў сусветнай практыцы. Так, пасля ратыфікацыі Балгарыйскі Берлінскай канвенцыі ў 1980 г. Крмінальна-працэсуальны кодэкс Балгарыі быў дапоўнены адпаведным раздзелам, 8 артыкулаў якога рэгламентуюць умовы перадачы, вырашэнне судом пытанняў, якія звязаны з выкананнем прыгавору, змяненне і адмену прыгавору, амністыя і памілаванне перададзеных асоб¹⁰. Аналагічныя пытанні рэгулююцца ў крмінальна-працэсуальных кодэксах Казахстана¹¹, Кыргызскай Рэспублікі¹², Расійскай Федэрацыі¹³, Эстоніі¹⁴, у праекце Крмінальна-працэсуальнага кодэкса Украіны¹⁵.

Уносячы ў КПК нормы аб перадачы асуджаных, перш за ўсё неабходна вызначыць парадак прымянення прынцыпу ўзаемнасці, г. зн. перадачу пры адсутнасці міжнароднага дагавора паміж Рэспублікай Беларусь і іншай дзяржавай. Пры перадачы асуджанага для адбывання пакарання ў краіну яго грамадзянства дзяржава «дэлегуе» іншаму суверэну права выконваць судовы рашэнне. Зыходзячы з прынцыпу павагі да суверэнітэту дзяржаў, такая перадача не можа з'яўляцца абавязковай. Прыём жа свайго грамадзяніна, хоць ён і звязаны з пэўнымі выдаткамі, трэба прызнаць маючым абавязковы характар. У Рэспубліцы Беларусь дадзенае абавязацельства можна вывесці з фармулёўкі арт. 30 Канстытуцыі Рэспублікі Беларусь: «Грамадзяне Рэспублікі Беларусь маюць права бесперашкодна вяртацца ў Рэспубліку Беларусь»¹⁶. Дзяржавы, якія імкнуцца да мірнага суіснавання і маюць агульную мэту – вынішчэнне злачыннасці, могуць задавальняць просьбы іншых дзяржаў аб перадачы асуджаных нават пры адсутнасці дагавора паміж імі пры наяўнасці гарантый аналагічных паводзін гэтай іншай дзяржавай. У адпаведнасці з міжнароднай практыкай у такім выпадку ўзаемнасць павінна быць выяўлена ў пісьмовай форме і змяшчаць у сабе запэўненне ў тым, што запытваючая дзяржава абавязуецца ў аналагічнай сітуацыі правесці перадачу грамадзяніна Рэспублікі Беларусь, які быў асуджаны на яе тэрыторыі. Пры гэтым неабходна прэзуміраваць добрасумленнасць большасці дзяржаў і надзяліць Прэзідэнта Рэспублікі Беларусь паўнамоцтвам зацвярджаць для правапрымяніцелей пералік тых з іх, у адносінах з якімі прынцып узаемнасці не прымяняецца (нават пры наяўнасці запэўнення), куды ўключаліся б дзяржавы, якія парушаюць свае міжнародныя абавязацельствы па аказанню прававой дапамогі. Орган, які ведае пытанні выканання пакарання (далей – кампетэнтны орган), трэба надзяліць паўнамоцтвам заключаць пагадненні аб перадачы канкрэтных асуджаных.

У адпаведнасці з нормаў арт. 402 КПК пытанні, якія звязаны з прывядзеннем прыгавору ў выкананне, у тым ліку пераводу з адной папраўчай установы ў іншую, вырашае суд, таксама і пытанне пераводу асобы для адбывання пакарання ў іншую краіну павінен вырашаць суд па месцы адбывання замежным грамадзянінам пакарання. Перад выкананнем прыгавору замежнага суда і прыняццем грамадзяніна Рэспублікі Беларусь для адбывання пакарання неабходна прызнаць прыгавор, таму рашэнне аб яго перадачы павінна прымацца судом да моманту фактычнай перадачы. Такім чынам, падставай для перадачы асуджанага можа з'яўляцца толькі рашэнне суда.

Перадача ажыццяўляецца пры паступленні хадаініцтва, перш за ўсё, асуджанага. Трэба таксама надзяліць правам падаваць хадаініцтва законнага прадстаўніка, блізкіх сваякоў і абаронца асуджанага. Дзяржава звяртаецца з просьбай аб перадачы праз свой кампетэнтны орган. Але ва ўсіх гэтых выпадках неабходна згода самога асуджанага. Цяжка пагадзіцца з думкай К.Я. Калібаба, што такая ўмова з'яўляецца рэзультатам «неапраўданай бытаніны паняццяў правоў чалавека і гуманнасці»¹⁷ (пераклад наш. – В. С.). У асуджанага могуць быць цесныя сувязі з дзяржавай асуджэння, ён можа асцерагацца праследавання ў краіне свайго грамадзянства ці ўмовы ўтрымання пад вартай у краіне грамадзянства не адпавядаюць сусветным стандартам. Акрамя таго, асоба самастойна вырашае час свайго вяртання ў краіну грамадзянства. У КПК неабходна прадугледзіць пералік дакументаў, якія, па магчымасці, павінны быць прыкладзены да просьбы замежнай дзяржавы: 1) засведчаныя копіі прыгавору і рашэнняў вышэйстаячых судовых

інстанцый; 2) даведка аб уступленні прыговору ў сілу; 3) даведка аб адбытай частцы пакарання; 4) пісьмовая згода асуджанага; 5) даведка аб выкананні дадатковага пакарання; 6) тэкст артыкулаў закону, на падставе якога асоба асуджана, ці тэкст артыкулаў закону, які вызначае, што дзеянне асуджанага з'яўляецца злачынствам у краіне яго грамадзянства; 7) даведка аб грамадзянстве асобы; 8) звесткі аб асобе асуджанага і стане яго здароў'я; 9) звесткі аб прычыненай злачынствам шкодзе і яе пакрыцці. У выпадку неабходнасці могуць быць запытаны дадатковыя дакументы. Кампетэнтны орган разглядае хадайніцтва (просьбу) на працягу 30 дзён і затым уносіць прадстаўленне ў суд. Прадстаўленне можа быць таксама ўнесена кампетэнтным органам па сваёй ініцыятыве. Пытанні, якія звязаны з перадачай асуджанага, вырашаюцца суддзёй аднаасобна ў судовым пасяджэнні з удзелам пракурора ў адпаведнасці з нормаў арт. 402² КПК.

Абавязковай умовай ажыццяўлення перадачы асуджанага з'яўляецца ўступленне прыговору ў адносінах да яго ў законную сілу. Перадача можа быць здзейснена да адбывання асуджаным пакарання. Вырашэнне аб перадачы асуджанага патрабуе пэўнага часу і расходаў, таму неабходна прадугледзіць, што яна магчыма, як правіла, калі тэрмін неадбытага пакарання складае не менш як шэсць месяцаў.

Прааналізаваўшы міжнародныя дагаворы і заканадаўствы іншых краін, можна вылучыць выпадкі недапушчэння перадачы асобы, якая была асуджана судом Рэспублікі Беларусь, замежнай дзяржаве, каб унесці іх у прапануемую главу КПК. Да іх неабходна аднесці наступныя: 1) ніводнае са злачынстваў, за якія асоба асуджана, не з'яўляецца злачынствам у краіне яго грамадзянства; 2) пакаранне не можа быць выканана ў замежнай дзяржаве ў сувязі з заканчэннем тэрмінаў даўнасці ці па іншых законных падставах (але ў мэтах ператварэння ў жыццё прынцыпу *non bis in idem* неабходна прызнаць магчымай перадачу, калі асоба ўжо панесла пакаранне ў краіне свайго грамадзянства за тое ж дзеянне); 3) асуджаны мае пастаяннае месца жыхарства ў Рэспубліцы Беларусь (у гэтым выпадку ён мае больш прававых сувязей менавіта з нашай краінай); 4) перадача можа нанесці шкоду суверэнітэту, бяспецы ці іншым інтарэсам Рэспублікі Беларусь; 5) не пакрыта шкода, якая прычыненая злачынствам, і замежная дзяржава не дае гарантыі яе пакрыцця; 6) да асуджанага ў замежнай дзяржаве могуць быць прыменены катаванні або негуманнае ці зневажальнае пакаранне (дадзеная падстава вынікае з нормаў арт. 3 Канвенцыі супраць катаванняў і іншых жорсткіх, бесчалавечных ці зневажаючых годнасць відаў абыходжання і пакарання¹⁸); 7) асуджэнне асобы за дзеянне, якое прадугледжана гл. 32 Крымінальнага кодэкса Рэспублікі Беларусь (злачынствы супраць дзяржавы); 8) асуджаны быў раней выданы Рэспубліцы Беларусь трэцяй дзяржавай, а згоды гэтай дзяржавы на перадачу не атрымана; 9) замежная дзяржава не забяспечвае ўзаемнасці (падстава вынікае з прынцыпу роўнасці дзяржаў). Да такіх падстаў трэба таксама аднесці непрызнанне кампетэнтным органам замежнай краіны прыговору суда Рэспублікі Беларусь.

У выпадку адсутнасці вышэйпералічаных падстаў суддзя выносіць пастанову аб перадачы асуджанага для адбывання пакарання ў краіне яго грамадзянства.

У Пратаколе да Еўрапейскай канвенцыі 1983 г. прадугледжана, што перадаваемая асоба не можа крымінальна праследавацца за дзеянні, учыненыя да перадачы, калі адначасова не была дазволена выдача. Гэтае палажэнне вынікае з суверэннай улады дзяржавы над асобамі, якія знаходзяцца на яе тэрыторыі, і ў мэтах абароны правоў перадаваемых асуджаных яго неабходна замацаваць у нашым заканадаўстве. Такая згода ў адпаведнасці з практыкай, як і пры выдачы, не патрабуецца, калі асоба, маючы магчымасць, на працягу пэўнага часу (у Еўрапейскай канвенцыі – 45 дзён) пасля адбывання альбо вызвалення ад пакарання не пакінула тэрыторыю дзяржавы свайго грамадзянства ці, пакінуўшы яе, зноў вярнулася.

Прадстаўленне кампетэнтнага органа ў адносінах да грамадзяніна Рэспублікі Беларусь уносіцца ў суд сярэдняга звяна па месцы жыхарства асуджанага, а пры адсутнасці такога на момант яго ад'езду з краіны – у Вярхоўны Суд Рэспублікі Беларусь. Прадстаўленне разглядаецца ў адпаведнасці з арт. 402² КПК. Калі маюць

ца падставы, названыя вышэй у п. 1, 2 або 4, суддзя выносіць пастанову аб адхіленні прадстаўлення. У адваротным выпадку суддзя выносіць пастанову аб прызнанні і выкананні прыговору замежнага суда, пры гэтым ён вырашае пытанні, названыя ў п. 3, 6–8, 10, 14 ч. 1 арт. 352 КПК. У пастанове таксама прыводзяцца дадзеныя аб прыговорах замежнага суда, звесткі аб асуджаным, парадак пакрыцця грамадзянскага іску, калі такія быў і яшчэ не пакрыты. Пакаранне, па магчымасці, устанаўліваецца ў адпаведнасці з прыгаворам замежнага суда. Зразумела, Крымінальны кодэкс Рэспублікі Беларусь у частцы санкцый можа адрознівацца ад замежнага крымінальнага закону. У сувязі з гэтым у прапануемай главе неабходна вызначыць, што калі ў кодэксе нашай краіны прадугледжаны меншы максімальны тэрмін пазбаўлення волі, чым у прыговорах, то суддзя вызначае максімальны тэрмін пазбаўлення волі за ўчыненае дзеянне, які прадугледжаны Крымінальным кодэксам Рэспублікі Беларусь. Калі пазбаўленне волі за дадзенае злачынства не прадугледжана, то суддзя вызначае пакаранне, якое найбольш адпавядае назначанаму па прыговору. Але недапушчальна замена пазбаўлення волі штрафам. Калі прыговор датычыцца не аднаго злачынства і не ўсе яны прызнаюцца злачынствамі ў Рэспубліцы Беларусь, то суддзя вызначае, якая частка пакарання прымяняецца да дзеянняў, якія прызнаюцца злачынствамі. Калі адначасова з перадачай для адбывання пакарання асоба была выдана Рэспубліцы Беларусь, то недапушчальна складанне пакаранняў па прыговору замежнага суда і суда Рэспублікі Беларусь, пакаранні выконваюцца паслядоўна. Адбытая частка пакарання ў краіне вынясення прыговору і ўтрыманне пад вартай залічваецца ў тэрмін пакарання. Названыя пастановы, як і пастановы аб выкананні прыговору, не могуць быць абскарджаны (апратэставаны) у касацыйным парадку. Заканадавец, напэўна, калі выносіў нормы з арт. 402 КПК у асобны арт. 402² КПК, не ўнёс адпаведную змену ў арт. 377 КПК. Пастанова аб прызнанні і выкананні прыговору замежнага суда накіроўваецца да выканання ў адпаведнасці з арт. 401 КПК, а яе копія адсылаецца кампетэнтнаму органу замежнай дзяржавы. Аналагічным чынам павінны вырашацца пытанні аб перадачы асобы для прымянення прымусовых мер бяспекі і лячэння.

Пры станоўчым вырашэнні судом пытання аб перадачы кампетэнтны орган павінен дамовіцца аб даце, часе, месцы і парадку фактычнай перадачы асуджанага.

Ніводзін суд Рэспублікі Беларусь не мае права перагляду прыговору замежнага суда. У выпадку змянення прыговору замежным судом рашэнне аб яго выкананні на тэрыторыі Рэспублікі Беларусь павінна прымацца ў адпаведнасці з вышэйапісанай працэдурай. Пры адмене прыговору замежным судом асуджаны неадкладна вызваляецца па пастанове Генеральнага пракурора Рэспублікі Беларусь альбо яго намесніка. У выпадку адмены прыговору і накіравання крымінальнай справы на новы разгляд пытанне аб узбуджэнні крымінальнай справы на тэрыторыі Рэспублікі Беларусь у адносінах да перададзенай асобы вырашае Генеральны пракурор Рэспублікі Беларусь альбо яго намеснік.

У астатнім прыговор замежнага суда выконваецца ў адпаведнасці з раздз. XI КПК, як калі б асоба была асуджана судом Рэспублікі Беларусь.

Пры прыняцці ў Рэспубліцы Беларусь ці дзяржаве вынясення прыговору акта амністыі ён павінен быць прыменены да перададзенага асуджанага. Перададзены асуджаны таксама можа быць памілаваны кампетэнтнымі органамі абедзвюх краін.

Мяркуем, што ўрэгуляванне названых пытанняў, а таксама замацаванне ў нацыянальным заканадаўстве прапанаваных нормаў узмацніла б абарону правоў грамадзян Рэспублікі Беларусь у крымінальным працэсе і палепшыла б іх рэсацыялізацыю ў выпадку асуджэння, спрасціла б працэс узаемадзеяння органаў Рэспублікі Беларусь, якія вядуць крымінальны працэс, з установамі юстыцыі замежных дзяржаў, прывяло б да большай уніфікацыі беларускага і еўрапейскага заканадаўства.

¹ Гл.: Ст. 2 Уголовно-исполнительного кодекса Республики Беларусь от 11.01.2000 № 365-3 // Ведомости Нац. Собр. Респ. Беларусь. 2000. № 8. Ст. 52.

- ² Гл.: Давыдов Ф., Зими́на И. Передача иностранцев для отбывания наказания в страну их гражданства // Преступление и наказание. 2002. № 11. С. 26.
- ³ Гл.: Сборник международных договоров РФ по оказанию правовой помощи. М., 1996. С. 26–30.
- ⁴ Гл.: Содружество: Информ. вестн. 1998. № 1 (28).
- ⁵ Гл.: Рашэ́нні Канстытуцыйнага Суда Рэспублікі Беларусь № Р-138/2002 «Аб стане канстытуцыйнай законнасці ў Рэспубліцы Беларусь у 2001 годзе» // Звязда. 2002. 19 лют. № 32 і № Р-153/2003 «Аб стане канстытуцыйнай законнасці ў Рэспубліцы Беларусь у 2002 годзе» // Звязда. 2003. 12 лют. № 35–36.
- ⁶ Ведомости Нац. Собр. Респ. Беларусь. 2000. № 8. Ст. 52.
- ⁷ Гл.: Ведомости ВС СССР. 1979. № 33. Ст. 540.
- ⁸ Гл.: Збор дэкрэтаў, указаў Прэзідэнта і пастановаў Урада Рэспублікі Беларусь. 1999. № 14. Арт. 394.
- ⁹ Гл.: Ведомости Нац. Собр. Респ. Беларусь. 1999. № 28–29. Ст. 433.
- ¹⁰ Гл.: Дзяржа́вен вестник. 15.11.1974. № 89.
- ¹¹ Гл.: Ведомости Парламента Респ. Казахстан. 1997. № 23. Ст. 335.
- ¹² Гл.: Ведомости Жогорку Кенеша Кыргызской Республики. 1999. № 10. Ст. 442.
- ¹³ Гл.: Рос. газ. 2001. 22 дек. № 249.
- ¹⁴ Гл.: Правовые акты Эстонии. 2000. № 36. Ст. 369.
- ¹⁵ Гл.: Проект кримінальна-процесуальнага кодексу Украіны станом на серпень 2000 р. Київ, 2000.
- ¹⁶ Канстытуцыя Рэспублікі Беларусь. Афіцыйнае выданне. Мн., 1997. С. 10.
- ¹⁷ Колиба́б К. Е. Институт передачи осужденных для отбывания наказания в другие государства // Журн. рос. права. 1999. № 5/6. С. 95.
- ¹⁸ Гл.: Права человека. Мн., 1999. С. 217.

Паступіў у рэдакцыю 15.05.2003.

Вадзі́м Ігара́віч Самары́н – аспірант кафедры крими́нальнага працэсу і пракурорскага нагляду. Навуковы кіраўнік – кандыдат юрыдычных навук, дацэнт, Заслужаны юрыст Рэспублікі Беларусь А.А. Дані́левіч.

Е.А. МИНЬКО

КОНСУЛЬСКИЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА: ОТ ИСТОРИИ К СОВРЕМЕННОСТИ

Рассматривается процесс исторического развития и становления консульской службы; анализируется мировая практика и значимость консульских представительств.

The article studies the process of the historical development and formation of the consular service. The world practice and the significance of consular representation are analysed.

Консульский институт является одним из наиболее старых как в международных отношениях, так и в международном праве. Своим происхождением он обязан развитию межнациональных связей, особенно в сфере торговли и мореплавания. Одной из первых консульских функций была защита торговых интересов. Консулы своей деятельностью обеспечивали определенную безопасность и уверенность для торговцев, путешественников и поселенцев в чужих землях.

В научной литературе, посвященной консульским институтам, считается общепризнанным, что родиной их зарождения являются Греция и Рим, внешнюю политику которых во многом определял значительный рост торговых отношений с другими странами-городами (полисами).

В Древней Греции иностранцы обращались за покровительством к знатным гражданам города, так называемым *проксенам*, которые добровольно брали на себя обязанности заботиться о размещении приезжающих и в случае надобности ходатайствовать о доступе последних в народное собрание. Проксены существовали в греческих городах-государствах и осуществляли скорее политические, чем коммерческие функции, приближаясь по статусу к современным почетным консулам. Выбирались они из числа постоянных жителей и даже граждан государства пребывания¹.

Наибольшего развития институт проксении получил после греко-персидских войн (V в. до н. э.), в результате которых связи между полисами стали более или менее устойчивыми. В этот период проксения оформлялась уже своего рода договорами, при этом инициатива могла исходить от любой заинтересованной сто-

роны. В случае назначения проксена государство извещало его родной город письмом или копией декрета, скрепленной печатью, а иногда и гербом города².

Функции проксенов были обширны. Они обеспечивали защиту иностранцев, безопасность их капиталовложений, способствовали продаже товаров и даже определяли волю умершего в отношении наследства, если не было оставлено завещание. Проксены также принимали иностранных дипломатических представителей. Иногда к ним за помощью обращались при разбирательстве споров между правительствами принимающего государства и представляемого проксеном. Бывали случаи, когда их вмешательство предотвращало войны³.

При выполнении своих функций проксены пользовались определенными правами и привилегиями. Принимающее государство гарантировало им личную неприкосновенность, безопасность как в мирное время, так и в случае войны с государством, которое представлял проксен. Они освобождались от уплаты большинства налогов, занимали почетные места на различных представлениях, пользовались специальной печатью, гербом представляемого государства и помещали щит с изображением этого герба у входа в свое жилище, что приближало проксенов к правовому статусу современных консулов. Они пользовались высоким уважением государства, интересы которого представляли, нередко получая при этом вознаграждение⁴.

Римляне, менее благосклонно относившиеся к торговле, захватив бассейн Средиземного моря, по существу, упразднили институт проксенов, заменив его патронатом. Патронами были представители знатнейших патрицианских семейств Древнего Рима. Их обязанности во многом были схожи с функциями проксенов в Греции.

Таким образом, можно с уверенностью сказать, что зарождение консульского института в древнем мире было обусловлено развитием торговли и мореплавания, экономических, политических и культурных отношений между полисами, а также появлением новых государств.

В средние века развитие консульских связей шло очень быстрыми темпами. Европейские страны, занимавшиеся морской торговлей, широко пользовались услугами консулов. Так, Венеция еще в XIII в. имела их более чем в тринадцати городах, включая Монтпелльер, Тунис, Александрию, Каир и др. В Италии, Испании и Франции купцы обычно выбирали консулов для арбитражного разбирательства коммерческих споров⁵.

В XV в. итальянские консульства существовали в Англии и Голландии, а английские – в Голландии, Норвегии, Швеции, Дании и Италии. Под патронажем консулов находилась гражданская и уголовная юрисдикция над согражданами⁶.

Анализ обязанностей и функций консулов в средние века показывает, что сфера их деятельности была довольно широкой. Они представляли правительство своего государства в сношениях с центральными властями страны пребывания, т. е. фактически выполняли дипломатические функции. Поскольку дипломатических миссий в практике международных отношений тогда еще не было, консулы являлись единственными постоянными представителями иностранных государств. Они пользовались всеми правами и привилегиями, которые впоследствии легли в основу правового статуса дипломатических представительств.

С закреплением в международном праве принципа государственного суверенитета, упрочением централизованной власти консульская юрисдикция в гражданских и уголовных делах становилась несовместимой с целями абсолютистского государства, стремившегося подчинить себе все население, проживавшее на его территории, включая иностранцев. В итоге консульская юрисдикция была отменена, и последние стали подчиняться не консульским судам, а государства пребывания. Консулы в европейских государствах утратили одну из своих важнейших функций, и им осталось только право третейского суда и миролюбивого разбирательства.

В конце XVI в. консульский институт претерпел значительные качественные изменения, роль и влияние консулов существенно уменьшились. Это во многом было вызвано появлением первых постоянных дипломатических миссий при европей-

ских королевских дворах. Первоначально дипломатические представительства не оказывали значительного влияния на существовавшие в Европе консульства. Однако в дальнейшем они потеряли свой представительский характер⁷.

С ростом торговли и промышленности, возникновением и развитием мирового рынка дипломатические представительства, занятые общеполитическими и представительскими вопросами, оказались не в состоянии должным образом представлять и защищать торгово-промышленные интересы своих стран, и со второй половины XVIII в. государства возвращаются к проверенному практикой институту консулов. Начинается новый этап его развития: заключаются специальные договоры и конвенции, ведется работа по кодификации консульских функций, привилегий и иммунитета.

Считается, что первым международно-правовым документом по консульским вопросам была франко-испанская конвенция, подписанная в Бордо 13 марта 1769 г. К этому времени уже возникло национальное законодательство в различных странах, определявшее правовое положение и функции консулов⁸.

Сформировалась система консульских рангов: генеральный консул, консул, вице-консул, консульский агент. В большинстве стран консульства перешли под контроль министерства иностранных дел. Уже тогда в странах Европы определились две категории консулов: штатные и нештатные (почетные). Штатные назначались в важные политические и экономические центры государств пребывания⁹.

Нахождение консульств в тех или иных странах и городах определялось политическими, экономическими и культурными интересами представляемого государства. На первый план в работе консула выдвигалась защита интересов и прав граждан представляемой им страны. Усложнялись их административные и нотариальные функции, одной из основных становилась информационная. Объем консульской помощи зависел от соглашений между заинтересованными странами, причем во внимание принимались только «цивилизованные» государства. Единственным лицом, обладавшим всеми привилегиями и иммунитетом, по-прежнему оставался только сам консул.

Таким образом, можно констатировать, что в XIX в. образовалась довольно сложная система консульской службы. С одной стороны, существовали консулы, которые занимались доходной деятельностью и не получали жалованья от правительства. С другой – немногочисленные консулы, которые стали называться «штатными». Они были гражданами представляемого государства, им запрещалось заниматься доходной деятельностью, и жили эти консулы за счет жалованья, получаемого от своего правительства¹⁰.

Развитие международных торговых отношений, появление новых видов связи и транспорта коренным образом изменило общий характер внешних сношений, а следовательно, и специфику консульской службы. В процессе ее развития значительное число стран ориентировалось на смешанную систему, т. е. на использование как штатных, так и почетных консулов. Между ними проводилась все более четкая грань в вопросах правового положения, выполнения тех или иных функций. В большинстве случаев в главные торгово-промышленные центры государств назначались штатные консулы. Там же, где по политическим, экономическим, финансовым и прочим соображениям это было не оправдано, страну представляли почетные консулы с ограниченными полномочиями и функциями. В дальнейшем наблюдается как количественный, так и качественный рост штатной консульской службы. Причем если в начале XIV в. консулов рассматривали чуть ли не как торговых агентов, то с конца XIX в. возрастает их роль как политических представителей государств¹¹.

В это время крупные промышленные и торговые предприятия стали открывать за границей свои филиалы и отделения, которым требовались юридическое содействие и правовая защита. Консулы в своей работе руководствовались интересами государства. Они охраняли права граждан своей страны, занимались наследственными, а также связанными с судоходством делами и др. Для выполнения своих обязанностей консул должен был обладать необходимыми знаниями, иметь достаточные связи и отлично понимать условия и возможности страны, в

которой он работал. Это привело к повышению предъявляемых к консулам требований, которые стали включаться в консульские инструкции Великобритании и других стран. В США согласно закону о проведении испытаний при зачислении на консульскую службу (1805 г.) необходимо было сдать экзамены, которые состояли из устной и письменной частей, по международному праву, дипломатическому обычаю и современным языкам¹².

Как отмечает Ю.Д. Ильин, «вопрос об образовании консулов со всей остротой встал в конце XIX – начале XX в. Функции их все более усложнялись, и в жизни часто получалось так, что консульства выполняли отдельные дипломатические функции, а дипломатические представительства – функции консульства. Экономика, торговля и финансы все теснее сплетались с политикой. Становится труднее определять, где находится «чистая экономика, а где политика»¹³.

Первая мировая война и особенно послевоенный период значительно расширили функции консулов и обогатили их практику. Государства вплотную занялись вопросом организационной модификации заграничных органов международных сношений. Происходило слияние дипломатических и консульских служб в единую систему заграничной службы. Параллельно решался и большой круг организационных, юридических, финансовых и других вопросов.

После Второй мировой войны во всех ведущих странах мира были пересмотрены основные нормообразующие акты сферы внешних сношений с учетом современных требований. Особое внимание было уделено функциям консулов в области торговли, мореплавания и туризма. В 60-е годы XX в. было заключено большое число консульских конвенций и договоров. Основным международным актом, регулирующим деятельность консульских представительств, является Венская конвенция о консульских сношениях, совершенная 24 апреля 1963 г. в Вене. С дальнейшим развитием торговых отношений и усилением конкурентной борьбы в этой области многие страны ввели институт торговых представительств и стали включать в штат посольств специальные торговые группы, а в состав консульств – должностных лиц, занимавшихся вопросами внешней торговли.

Хотя Венская конвенция ратифицирована большинством стран мира, существует тенденция заключения двусторонних соглашений по консульским вопросам, которые расширяют возможности и улучшают положение консульских представительств. Республика Беларусь после принятия Декларации о независимости и выхода на международную арену в качестве самостоятельного субъекта заключила двусторонние конвенции по консульским вопросам с Российской Федерацией, Республикой Польша, Республикой Казахстан, Китайской Народной Республикой, Румынией.

Выражаю искреннюю благодарность кандидату юридических наук В.Н. Рисенко за помощь в подготовке публикации.

¹ См.: Ильин Ю.Д. Основные тенденции в развитии консульского права. М., 1969. С. 5.

² См.: Бобылев Г.В., Зубков Н.Г. Основы консульской службы. М., 1986. С. 7.

³ См.: Там же. С. 8.

⁴ См.: Жуковский И.Н. Советская консульская служба. М., 1968. С. 8.

⁵ См.: Вопросы консульской службы // Вестн. Министерства иностранных дел Республики Беларусь. 2001. № 4. С. 156.

⁶ См.: Ильин Ю.Д. Указ. соч. С. 11.

⁷ См.: Бобылев Г.В., Зубков Н.Г. Указ. соч. С. 18.

⁸ См.: Ильин Ю.Д. Указ. соч. С. 10.

⁹ См.: Бобылев Г.В., Зубков Н.Г. Указ. соч. С. 21.

¹⁰ См.: Ильин Ю.Д. Указ. соч. С. 15.

¹¹ См.: Плотникова О.В. Консульские отношения и консульское право. М., 1998. С. 14.

¹² См.: Вопросы консульской службы // Вестн. Министерства иностранных дел Республики Беларусь. 2001. № 4. С. 172.

¹³ Ильин Ю.Д. Указ. соч. С. 19.

ЗАКОННАЯ СИЛА СУДЕБНОГО РЕШЕНИЯ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ ДРЕВНЕГО РИМА

На основе исследования правил гражданского судопроизводства Древнего Рима показано, что необходимо проводить различие между идеей законной силы, процессуальными институтами, ее опосредующими, и аппаратом юридических терминов, являющимся специфическим для каждой исторической эпохи.

On the basis of the investigation of civil procedural rules in Ancient Rome the necessity is shown to make the distinction between the idea of *auctoritas rei iudicatae*, procedural institutions mediating it and the aggregate of legal terms which are specific for each historical epoch.

Законная сила является одним из важнейших институтов гражданского процессуального права. Действующее законодательство не раскрывает понятия законной силы, говоря лишь о последствиях вступления судебного решения и определения в законную силу (статьи 318 и 324 Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь). В теории гражданского процесса единство мнений о понятии и содержании законной силы отсутствует и по сегодняшний день, причем данный вопрос является одним из сложнейших и наиболее дискуссионных. Указанные трудности проистекают, как представляется, оттого, что при разработке теории законной силы наука гражданского процесса оторвалась от своих исторических корней. В связи с этим, на наш взгляд, необходимо обратиться к истории возникновения и развития рассматриваемого понятия. По справедливому замечанию Е.В. Салогубовой, римское право является основой современного гражданского процесса¹, в том числе и института законной силы.

Прежде всего следует отметить, что одной из характерных особенностей римского процесса было деление производства на две стадии – *in iure* (у магистрата) и *in iudicio* (у судьи). Такое деление, по мнению исследователей², обязано своим происхождением третейскому суду, от которого берет свои истоки судопроизводство Древнего Рима путем привнесения в третейский суд все более усиливающегося государственно-властного элемента. Производство *in iure* заканчивалось *litis contestatio* – договором, имевшим как материально-правовые, так и процессуальные последствия.

Среди процессуальных последствий необходимо отметить действовавшее в судопроизводстве Древнего Рима со времен легисакционного процесса правило *bis de eadem re ne sit actio* – нельзя дважды возбуждать дело об одном и том же предмете (вопросе). Причем консумация иска (говоря современным языком, прекращение права на предъявление иска) связывалась именно с *litis contestatio*. То есть достижение процессом указанного момента исключало для истца возможность предъявления тождественного иска вне зависимости от результатов рассмотрения дела.

Обоснование того, почему истец терял право на предъявление тождественного иска (даже если процесс не закончился вынесением судебного решения) и как это связано с *litis contestatio*, соответствует представлениям древнеримских юристов, которые, в принципе, не различали материальные права и порядок их осуществления в рамках гражданского судопроизводства.

Так, Д.В. Дождев пишет, что с момента *litis contestatio* в легисакционном процессе «стороны обладали – в отношении предмета спора – только процессуальными правами, тогда как материальные права утрачивались, переходя в другое качество»³. Этим новым качеством было не что иное, как процессуальная обязанность представить спор на рассмотрение судьи, спокойно ожидать решения и подчиниться ему⁴.

Замена материальных правоотношений процессуальными рассматривалась римскими юристами, по мнению Келлера⁵, как договор, хотя и не совсем добровольный, так как атрибутом процедуры его заключения было присутствие магистрата. Данный договор по своей природе трактуется многими учеными как *novatio* (новация)⁶ или особый вид новации – *novatio necessaria* (необходимая новация)⁷, отличная от *novatio voluntaria* (добровольной новации), которая влечет прекраще-

ние допроцессуальных материальных правоотношений, а следовательно, и консумацию права на предъявление иска и порождает процессуальные правомочия.

Предметом рассмотрения в гражданском процессе могут быть как обязательственные, так и вещные права. Но если объяснять прекращение права на предъявление иска заключением договора о замене материальных прав другими, возникает вопрос: как можно в данном случае прекратить, новировать, заменить чем-либо абсолютное право, каковым, например, является право собственности. По справедливому замечанию И.А. Покровского, *litis contestatio* является договором обязательственным, который для третьих лиц значения иметь не может, как не в силе и погасить вещного права истца⁸. Но если материальное право не погашается, то возможность предъявления в будущем тождественного иска к тому же ответчику, согласно древнеримским воззрениям, ничем не ограничивается. Однако, по свидетельству автора Институций – римского юриста Гая, в легисакционном процессе любое требование погашалось *ipso iure* (автоматически), пройдя этап *litis contestatio*⁹. Д.В. Дождев объясняет это отсутствием в тот период представления о праве собственности как об абсолютном индивидуальном праве на вещь, предлагая классифицировать древнейшие вещные иски как *actiones in personam*¹⁰.

На наш взгляд, это объяснение дано через призму более поздних представлений о том, что абсолютное право следует рассматривать в процессе как конкретное обязательственное отношение. Еще Д.И. Полумордвиновым было справедливо отмечено, что «абсолютное право охраняется именно от конкретного лица, которое нарушило это право в данном определенном случае»¹¹.

Думается, что верное объяснение предложено И.А. Покровским¹², по свидетельству которого в тот период развития римского права для вещных исков существовала только одна исковая форма – *legis actio sacramento* («*sacramentum*» означает «священная клятва, нарушение которой в древности служило основанием для установления личной зависимости клятвенарушителя от храма»). Особенности реализации данной формы приводили к тому, что предъявление тождественного иска вторично влекло за собой недобросовестную виндикацию и, как следствие, неправомjernую присягу (*sacramentum*).

Таким образом, в легисакционном процессе как личные, так и вещные иски погашались *ipso iure* в силу одного факта достижения процессом *litis contestatio*, хотя основания для такой консумации дифференцировались. Следует, однако, заметить, что в литературе была высказана и другая точка зрения относительно оснований консумации¹³.

Значение *litis contestatio* как акта, поглощающего личные иски *ipso iure*, перешло и в формулярный процесс. Но автоматически теперь консумировались далеко не все *actio in personam*, а только те из них, которые имели формулу *in ius concepta* и предъявлялись в *iudicium legitimum*¹⁴.

Достижение процессом по иску *in personam in ius civile in iudicio legitimum* момента *litis contestatio* с точки зрения *ius civile* было достаточно, чтобы вызвать гражданское последствие – погашение обязательства. Во всех же остальных случаях (т. е. кроме *in ius civile in iudicio legitimum*) личные иски допускались благодаря властным полномочиям римского магистрата. «Но раз претор допустил такой, отступающий от требования закона, процесс, то он, конечно, обязан позаботиться и о том, чтобы ответчику не пришлось платить дважды»¹⁵. Поэтому для предотвращения подобных случаев, а также относительно вещных исков в этот период появляется такое средство защиты ответчика от тождественного иска, как *exceptio rei iudicatae* – возражение, включаемое претором по ходатайству ответчика в формулу, что иск по тождественному вопросу между сторонами был уже разрешен ранее. В результате этого консумция действовала не *ipso iure*, а *ore exceptiois* – т. е. посредством эксцепций (возражений).

Как отмечают исследователи, данная *exceptio* основывалась только на самом факте наличия решения; «правило (*bis de eadem re ne sit actio*. – В. С.) не говорило, что нельзя уже предъявлять того, *против чего* уже решено, а говорило только, что нельзя более предъявлять того, *о чем* решено»¹⁶. Существовала также и

exceptio rei in iudicium deductae (возражение о том, что иск по данному вопросу уже прошел *litis contestatio*), которая возникала благодаря *litis contestatio* и превращалась с постановлением решения в *exceptio rei iudicatae*. Данная эксцепция использовалась в тех случаях, когда предъявлялся тождественный иск, по которому в первый раз процесс прекратился до вынесения решения. Вполне возможно, что она могла быть использована и тогда, когда истец до вынесения решения пытался параллельно возбудить еще один процесс по тождественному делу.

Вне зависимости от конкретного вида одной из этих эксцепций поглощение права на предъявление иска наступало именно вследствие *litis contestatio*, а указанные эксцепции были не чем иным, как процессуальным средством в руках претора обратить внимание судьи на произошедшую консумцию, о которой он объективно не мог знать. Поэтому вполне справедливо будет сказать, что *exceptio rei iudicatae* являлась лишь другой формой *exceptio rei in iudicium deductae*.

В формулярном процессе консумирующий эффект *litis contestatio*, когда он действовал *ore exceptionis*, не мог опираться на *novatio* (по крайней мере на *novatio voluntaria*) уже потому, что для данного акта с точки зрения консервативного *ius civile* не хватало всех необходимых элементов договора, хотя с внешней стороны указанное явление весьма походило на *novatio*. Кроме того, нельзя забывать, что возможность предъявления иска в формулярном процессе зависела, в принципе, от волеизъявления представителя государственной власти – римского магистрата. Такое усиление государственно-властного, публичного элемента, по сути, исключало возможность наличия на данной стадии частноправовой сделки, каковой является *novatio*. Возможно, основанием для определения именно *litis contestatio* тем моментом в развитии процесса, с которым связывается консумация иска, послужили традиции легисакционного судопроизводства, перешедшие по инерции в формулярный процесс, согласно которым *litis contestatio* уподоблялось своеобразному договору. Это можно, в частности, усмотреть в идентичности правовой позиции лица, выигравшего процесс *in rem* как в легисакционном, так и формулярном судопроизводстве¹⁷. Дополнительным аргументом в пользу консумирующего эффекта именно *litis contestatio* в условиях, когда содержание решения остается безразличным для последующих процессов, может служить и то, что на протяжении всей истории римского права «под *litis contestatio* разумеется вообще акт, из которого ясно вытекает, что стороны имеют намерение и желание не только начать процесс, но и довести его до конца»¹⁸. Как бы то ни было, следует констатировать, что *litis contestatio* (и его консумирующее действие) начинает утрачивать частноправовые черты и приобретает характер публично-правового акта, являющегося первым этапом юрисдикционной деятельности государства в лице его представителей (магистратов) по защите нарушенных прав.

Рассмотренные правила позволяли обеспечить только интересы ответчика и только от тождественного иска. Однако неудобство и недостаточность этих правил дали вскоре о себе знать¹⁹. Так, истец мог заявить свое первоначальное требование, используя другую исковую форму. Ответчику, у которого ранее была виндицирована какая-либо вещь, ничто не препятствовало предъявить аналогичный иск на ту же самую вещь к победившему в предыдущем процессе истцу. Истец, проигравший иск вследствие так называемого дилаторного возражения ответчика, навсегда лишался возможности защитить свое право из-за *exceptio rei iudicatae* (возражения, не ограниченного никаким сроком). Наконец, возможны были ситуации, когда истец, выиграв процесс, в скором времени был вынужден снова обращаться к притязанию, которое уже было предметом процесса.

Возникла объективная необходимость в использовании содержания ранее постановленного решения, а также индивидуализации, ограничения искового притязания качественно, количественно и т. п. Так, чтобы обратить внимание судьи на то, что ранее постановленное решение о виндикации было в пользу истца, в формулу включалось *replicatio de re secundum se iudicata*, даваемое магистратом в качестве ответного возражения истца на *exceptio rei iudicatae* ответчика. Кроме того, в исковую формулу могли быть включены предписания в пользу истца (*praescriptio pro actore*), которые использовались «для членения предмета требо-

вания по иску, необходимого при периодическом характере предоставлений, при требовании части вместо целого, а также при наличии нескольких оснований требования»²⁰.

Наконец, расширяется сфера применения *exceptio rei iudicatae*. Оно используется «уже во всех тех случаях, где предоставление вторичного (то есть материально такого же) иска оказывается по тем или другим объективным причинам несправедливым, нецелесообразным»²¹, а говоря словами Б. Виндшейда, тогда, «как только одна из двух тяжущихся сторон предъявит что-либо такое, что уже решено против нее окончательным решением, последовавшим при прежнем процессе между теми же сторонами»²². Несмотря на то, что консумация сама по себе связывалась именно с *litis contestatio*, вовне она проявлялась посредством властной деятельности магистрата (предоставлением соответствующего возражения), который руководствовался, очевидно, не чем иным, как здравым смыслом и чувством справедливости.

Большая заслуга в изучении развития *exceptio rei iudicatae* (в значении, равном, по сути, *exceptio rei in iudicium deductae*) до уровня, отмеченного в предыдущем абзаце, принадлежит Келлеру, который обозначил соответственно отрицательной функцией ее первоначальную роль в процессе и положительной – значение, приобретенное ею в дальнейшем²³.

Акцентирование внимания именно на содержании решения (а не на самом факте его существования) в данный период происходило и по другим причинам. Так, в эпоху формулярного процесса появляются так называемые преюдициальные иски (*actiones praeiudiciales*) – дальнейшие предки исков о признании. Кроме того, существовало *praescriptio pro reo* (предписание в пользу ответчика) о *praeiudicium*, которое со временем было преобразовано в *exceptio praeiudicialis*.

По свидетельству Н. Миловидова²⁴, под *praeiudicium* у римлян понималось решение, к которому в более позднем процессе судья обычно присоединялся, хотя это и не являлось для него юридически обязательным. Судя по всему, речь шла о чисто фактическом влиянии, проистекавшем из опасения допустить наличие противоречащих друг другу решений. В некоторых случаях, рассматривая основной вопрос, судье приходилось решать и связанные с ним побочные, которые, однако, имели гораздо большую важность. Учитывая влияние предыдущих решений, *exceptio praeiudicialis* имела своей целью как раз это предупредить.

Институт преюдиции в современном праве, как представляется, берет свое начало от древнеримских *exceptio rei iudicatae* (в ее положительной функции), *replicatio* и *praeiudicium*. Но если действие *exceptio rei iudicatae* имело, безусловно, обязательную силу для судьи и по своему процессуальному эффекту было сопоставимо с современным феноменом исключительности (хотя в действующем гражданском процессуальном праве Республики Беларусь исключительность понимается гораздо уже, чем в Древнем Риме, и функции, которые выполняла древнеримская исключительность, распределены у нас сейчас между исключительностью и преюдициальностью), то *replicatio* и *praeiudicium* гораздо больше соответствуют преюдициальности в современном ее понимании. Однако следует отметить, что *replicatio* (позволявшее основывать требование на праве, уже доказанном в предыдущем процессе) в случае соответствия его действительности было обязательным для судьи, в то время как влияние *praeiudicium* было чисто фактическим.

Развитие представлений о преклюзивном (консумирующем) эффекте в период формулярного процесса шло в направлении смещения акцента с *litis contestatio* на судебное решение. С появлением нового вида судопроизводства – *extra ordinem cognitio* (экстраординарного процесса) – позитивный эффект судебного решения (*exceptio rei iudicatae* в его положительной функции) получает в процессе *per formulas* окончательное признание, что было обусловлено влиянием нормативного значения *praeiudicia* и судебного решения в судопроизводстве *extra ordinem*.

Логическим следствием некоторых существенных изменений в процессуальной сфере²⁵, связанных с появлением *extra ordinem cognitio*, явилась утрата *litis*

contestatio своего консумирующего действия, которое теперь связывалось с постановленным решением. Такие же тенденции наблюдались и в постклассическую эпоху, которая характеризовалась унификацией форм процесса. Возможность повторить процесс стала целиком зависеть от ставшего в этот период разнообразным содержания судебного решения. Судя по всему, на смену *exceptio rei in iudicium deductae* пришла *exceptio litis pendentis* (*lis pendens* – продолжительность спора), которая давала возможность предотвратить предъявление одного и того же требования одновременно в двух процессах. Несмотря на внешнюю схожесть по процессуальным последствиям, эти возражения были отличны по своей сути. В Новое время некоторые ученые приложили немало усилий для отыскания в современном им гражданском судопроизводстве *litis contestatio*, причем придавали ему, в отличие от римского права, исключительно значение *exceptio litis pendentis*. Русский дореволюционный процессуалист А.Х. Гольмстен даже назвал законной силой эффект указанного возражения, который (эффект) с точки зрения временных рамок мог иметь место вплоть до вступления судебного решения в законную силу²⁶. Думается, следует согласиться с А.Х. Гольмстеном, что в современном гражданском судопроизводстве *litis contestatio* римского процесса соответствует момент предъявления иска.

Эти изменения нашли свое отражение и в законодательстве Римской империи, хотя, по мнению исследователей, не всегда последовательно²⁷. В таком виде римское судопроизводство положило начало современному гражданскому процессу.

Как свидетельствует проведенное исследование, римскому праву не был известен термин «законная сила». Хотя в источниках можно встретить сравнение авторитета судебных решений с силой закона, в этом случае имелось в виду лишь значение судебного решения как прецедента, а не что-либо иное.

Римскими юристами был выработан термин *res iudicata* (решенное дело), обозначавший любое решение, а как свидетельствует современная романистика, фактическое содержание судебного решения, создававшее новую юридическую ситуацию²⁸. Впоследствии значение законной силы или обозначение судебного решения, вступившего в законную силу, впервые стали связывать с *res iudicata* в западном каноническом праве, причем такое обозначение устоялось и продолжало использоваться учеными в дальнейшем. В римском же праве для обозначения, говоря современным языком, судебного решения, вступившего в законную силу, встречается только одна перифраза: *sententia indubitata, quae nullo remedio ademptari potest* (несомненное решение, т. е. то, в отношении которого отсутствуют средства, чтобы лишить его силы).

По свидетельству Д.В. Дождева, римлянам был также известен термин *auctoritas rei iudicatae*²⁹. *Auctoritas* в переводе с латинского – значительность, авторитет, юридически обязательная сила. Судя по изложению Д.В. Дождева, под данным термином понимали преклюзивный (или консумирующий) и преюдициальный эффекты судебного решения, а также его значение для третьих лиц.

Также римским юристам, в частности Ульпиану, принадлежит известное выражение *res iudicata pro veritate accipitur* (судебное решение принимается за истину), которое было впоследствии воспринято кодификацией Юстиниана, а в новое и новейшее время теснейшим образом связывалось с понятием законной силы.

На наш взгляд, выражение «вступить в законную силу» является скорее техническим термином (о чем прямо и говорит Б. Виндшейд³⁰), который призван обозначить наличие определенных эффектов, связанных с судебным решением. Этот термин появился в процессуальном законодательстве гораздо позднее в связи со становлением современных взглядов на закон как на общеобязательный и универсальный источник права. Как известно, в Древнем Риме закон такой роли не играл.

Несмотря на отсутствие самого термина «законная сила», римлянами довольно рано была осознана идея, которая только впоследствии стала известна под наименованием «законная сила», нашедшая воплощение в рассмотренных выше правилах судопроизводства.

По мнению Н. Миловидова, мотивом, побудившим римлян создать институт процессуальной консумции, была идея законной силы, а именно необходимость обеспечить авторитет судебных решений³¹. Думается, такая постановка вопроса неверна.

На наш взгляд, мотивом создания *exsertio rei iudicatae* сначала в ее отрицательной, а затем положительной функции было не стремление обеспечить авторитет судебному решению, — это служило только средством, тем более что значительное время его содержание не имело никакого значения. Основная же цель состояла, как представляется, в обеспечении нормального функционирования гражданского оборота, стабильности гражданских состояний, в предотвращении возможности процессуальным путем осуществить неправомерное перераспределение материальных благ. К тому же, как известно, пока существовало деление процесса на две стадии — *in iure* и *apud iudicem*, решения выносились не представителями государственной власти, в обеспечении авторитета актов которой существовала необходимость, а сведущими в вопросах права частными лицами.

Таким образом, идея законной силы возникла как осознанная потребность не допустить повторного рассмотрения вопросов, ранее разрешенных судом. Римские юристы добились больших успехов в ее реализации на практике и оставили богатейший материал для научного исследования.

¹ См.: Салогубова Е. В. Римский гражданский процесс. М., 2002. С. 4.

² См.: Йеринг Р. Дух римского права на разных ступенях его развития. Часть первая. СПб., 1875. С. 144–151.

³ Дождев Д. В. Римское частное право: Учеб. для вузов. М., 2002. С. 191.

⁴ См.: Муромцев С. Гражданское право Древнего Рима. М., 1883. С. 86.

⁵ См.: Покровский И. А. Право и факт в римском праве. Часть II. Генезис преторского права. Киев, 1902. С. 120.

⁶ См.: Дербург Г. Пандекты. Т. I. Общая часть. М., 1906. С. 419; Ефимов В. В. Догма римского права. Учебный курс. СПб., 1901. С. 238.

⁷ См.: Пухан Иво, Поленак-Акимовская Мирьяна. Римское право (базовый учебник). М., 2000. С. 306.

⁸ См.: Покровский И. А. Указ. соч. С. 123.

⁹ См.: Гай. Институции. М., 1997. С. 300, 301.

¹⁰ См.: Дождев Д. В. Указ. соч. С. 229.

¹¹ См.: Полумордвинов Д. И. Законная сила судебного решения. Тбилиси, 1964. С. 139.

¹² См.: Покровский И. А. Указ. соч. С. 123–124.

¹³ См.: Зом Р. Институции. Учебник истории и системы римского гражданского права. Выпуск II (система). СПб., 1910. С. 90.

¹⁴ См.: Дождев Д. В. Указ. соч. С. 226.

¹⁵ Покровский И. А. Указ. соч. С. 125.

¹⁶ Виндшейд Б. Учебник пандектного права. Т. I. Общая часть. СПб., 1874. С. 342.

¹⁷ См.: Дождев Д. В. Указ. соч. С. 229.

¹⁸ Гудсмит Ж. Э. Курс пандектов. Общая часть. М., 1881. С. 319.

¹⁹ См.: Гудсмит Ж. Э. Там же. С. 348–349; Миловидов Н. Законная сила судебных решений по делам гражданским. Ярославль, 1875. С. 50–52.

²⁰ Дождев Д. В. Указ. соч. С. 215.

²¹ Покровский И. А. Указ. соч. С. 127.

²² Виндшейд Б. Указ. соч. С. 334.

²³ См.: Гудсмит Ж. Э. Указ. соч. С. 348–349.

²⁴ См.: Миловидов Н. Указ. соч. С. 46–47.

²⁵ См.: Санфилиппо Чезаре. Курс римского права. Учебник. М., 2000. С. 111–112; Покровский И. А. История Римского права. Мн., 2002. С. 201–203.

²⁶ См.: Гольмстен А. Х. Принцип тождества в гражданском процессе // Юридические исследования и статьи. СПб., 1894. Т. 1. С. 306–311.

²⁷ См.: Азаревич Д. И. Система римского права. Университетский курс. СПб., 1887. Т. I. С. 303.

²⁸ См.: Бартошек М. Римское право (понятия, термины, определения). М., 1989. С. 275.

²⁹ См.: Дождев Д. В. Указ. соч. С. 238.

³⁰ См.: Виндшейд Б. Указ. соч. С. 326.

³¹ См.: Миловидов Н. Указ. соч. С. 50.

Поступила в редакцию 30.06.2004.

Владимир Петрович Скобелев — преподаватель кафедры гражданского процесса и трудового права.

Н. Б. Шавлинский. **Национальный аэропорт Минск: исторический очерк.** Мн.: УП «Технопринт», 2004. 110 с.

Монография Н.Б. Шавлинского представляет определенный научный и практический интерес, ибо является первой в белорусской историографии научной работой, посвященной созданию и развитию главных воздушных ворот Республики Беларусь – Национального аэропорта Минск.

Анализируя содержание книги, необходимо отметить, что автору довелось буквально по крупицам собирать среди пожелтевших от времени архивных бумаг, всевозможных приказов и распоряжений необходимый материал для исследования истории авиапредприятия. Не удивительно, что большая часть монографии написана на основе архивных материалов, и это, несомненно, относится к ее достоинствам.

Автор также уделяет много внимания воспоминаниям ветеранов аэропорта, без участия которых книга оказалась бы лишенной многих красок богатого спектра памяти основоположников предприятия.

Разумеется, исследование не претендует на всеобъемлющее освещение всего исторического материала, накопленного за время создания и развития Национального аэропорта Минск, и автор, исходя из ограниченного объема издания, стремится отразить на его страницах самые значимые моменты в истории авиапредприятия.

Из содержания первой главы книги видно, что автор, прежде чем приступить к изложению биографии авиапредприятия, обратился, чтобы вызвать читательский интерес, к прошлому развития гражданской авиации Республики Беларусь.

Основной сюжет следующей главы – рождение нового авиапредприятия. Собранный в этой связи уникальный архивный материал охватывает практически все важные вопросы, проблемы – от проектирования нового комплекса аэропорта и начала его строительства до введения в эксплуатацию первой очереди авиапредприятия.

Оригинальным и убедительным является материал о развитии аэропорта в 1983–1987 гг. Исследованы важнейшие сферы жизнедеятельности авиапредприятия, такие как строительство новых объектов авиационного комплекса, внедрение в промышленную эксплуатацию автоматизированной системы управления продаж пассажирских авиабилетов и бронирование мест с центром обработки в Минске в рамках фрагмента «Сирена-2», борьба за эко-

номии топливно-энергетических ресурсов и др. Показано, что коллектив аэропорта добился в этот период времени больших трудовых успехов: удельный вес перевозок, выполненных авиапредприятием, составлял 60 % общего объема республиканских авиаперевозок. В монографии исследованы и раскрыты причины, приведшие в январе 1985 г. к авиакатастрофе самолета Ту-134, унесшей жизни 55 пассажиров и 3 членов экипажа.

В четвертой главе автор стремится дать принципиальную оценку развитию аэропорта в условиях перестройки и на современном этапе. Воссоздавая атмосферу, в которой приходилось жить и работать авиаработникам после раздела авиапредприятия на несколько структурных единиц, он подчеркивает: «Как и следовало ожидать, реорганизация авиаотряда не лучшим образом отразилась на взаимоотношениях коллективов, вновь созданных структурных единиц. В те дни нередко можно было слышать, что “единственный результат раздела – свобода от взаимной ответственности партнеров по технологическому процессу”». В этой связи автор достаточно убедительно характеризует мероприятия, которые проводились в аэропорту на рубеже 1990-х годов и были направлены на повышение уровня безопасности полетов и качества обслуживания пассажиров.

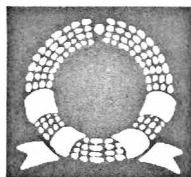
Анализ последней главы показывает, что, в отличие от предыдущих, автор при ее написании практически не использовал архивный материал. Но, несмотря на это, в ней подробно освещается строительство и развитие жилого поселка авиаторов Сокол. Затрагивается такой важный аспект, как социально-экономическое положение его жителей.

В целом монография привлекательна не только отмеченными достоинствами. Важно отметить и уважительное отношение, которое автор выражает на страницах книги к авиаторам, чьими руками создавалось авиапредприятие. Подчеркивается, что наиболее весомый вклад в развитие Национального аэропорта Минск внесли такие известные в авиационной отрасли люди, как В.В. Соколовский, Г.Ф. Мельник, В.Я. Багрянцев, С.А. Середюк, А.А. Дрозд, Б.В. Мурашкевич и др.

Остается добавить, что эта интересная и, безусловно, нужная книга послужит делу воспитания молодого поколения, которое свяжет свою судьбу с гражданской авиацией в целом и с Национальным аэропортом Минск в частности.

В.К. Коршук, профессор
И.Ф. Романовский, профессор

Нашы юбіляры

ВАСИЛИЙ ФЕДОРОВИЧ ЧИГИР

Исполнилось 80 лет со дня рождения Заслуженного юриста Республики Беларусь, доктора юридических наук, профессора Василия Федоровича Чигира.

В.Ф. Чигир родился 8 сентября 1924 г. в деревне Лешня Копыльского района Минской области. После окончания в 1949 г. Минского юридического института, а в 1952 г. аспирантуры при нем работал преподавателем в этом вузе. В 1954 г. он успешно защитил в Харьковском юридическом институте кандидатскую диссертацию на тему «Договор строительного подряда».

На юридическом факультете БГУ Василий Федорович работает с 1954 г.; прошел путь от старшего преподавателя до заведующего кафедрой гражданского и семейного права (с 1991 г. — кафедра гражданского права). На протяжении десяти лет (с октября 1973 г.) был деканом юридического факультета. С 1993 г. — профессор кафедры гражданского права. В 1970 г. защитил докторскую диссертацию «Жилищные правоотношения».

Круг научных интересов В.Ф. Чигира весьма широк, однако он известен прежде всего как крупный специалист в области жилищного права. Им опубликовано свыше 460 научных работ. Среди них известные учебники и учебные пособия по гражданскому, колхозному, семейному, жилищному, хозяйственному праву: Гражданское право БССР: В 3 т. (Мн., 1975, 1977, 1978); Советское семейное право (Мн., 1989); Гражданское право: В 2 ч. (Мн., 2000, 2002); Практикум по гражданскому праву (Мн., 2000); Практикум по хозяйственному праву (Мн., 2003); Научно-практический комментарий к Гражданскому кодексу Белорусской ССР (Мн., 1991); Комментарий к Гражданскому кодексу Республики Беларусь: В 2 кн. (Мн., 1999); Комментарий к Гражданскому кодексу Республики Беларусь (постатейный): В 3 т. (Мн., 2003).

Он автор многих монографий по проблемам гражданского и жилищного права, в частности: Договор подряда по капитальному строительству (Мн., 1958); Права членов семьи нанимателя на жилую площадь (Мн., 1964); Право на жилище (Мн., 1979); Регулирование индивидуальной трудовой деятельности (Мн., 1982); Жилищное право (Мн., 1986); Юридические лица (Мн., 1993); Физические и юридические лица как субъекты гражданского права (Мн., 2000); Договор аренды и его виды (Мн., 2001); Договор найма жилого помещения (Мн., 2001).

За 55 лет педагогической и научной деятельности В.Ф. Чигир внес большой вклад в подготовку высококвалифицированных юридических и научно-педагогических кадров, в развитие юридического факультета БГУ, кафедры гражданского права.

Профессор В.Ф. Чигир — один из крупнейших ученых-юристов Республики Беларусь, широко известный за ее пределами. Его приглашали читать лекции в Иенском университете и Академии государства и права в Бабельсберге (ГДР), Ягеллонском университете (Польша), в Камагуэйском университете (Куба). Он создал в Беларуси научную школу гражданского и жилищного права, подготовил 17 кандидатов наук.

Научную и педагогическую деятельность В.Ф. Чигир успешно сочетает с участием в нормотворческой. Он был членом рабочей группы по подготовке Конституции Республики Беларусь 1994 г., членом рабочих групп по подготовке проектов Гражданского и Жилищного кодексов, других актов законодательства. Участвовал в подготовке Модельного Гражданского кодекса (рекомендательного законодательного акта для государств-участников СНГ). Проводит научную экспертизу нормативных правовых актов.

Профессор В.Ф. Чигир уделяет большое внимание общественной работе, оказывает всестороннюю помощь юридическим органам. Он избирался председателем профсоюзного комитета БГУ. Был председателем экспертного совета ВАК Беларуси по юридическим наукам. Много лет возглавлял совет по защите докторских диссертаций по юридическим наукам при БГУ. В настоящее время является членом двух советов по защите докторских диссертаций по юридическим наукам (при НАН Беларуси и БГУ), членом Международного арбитражного суда при Белорусской торгово-промышленной палате, членом Научно-консультативных советов при Верховном Суде Республики Беларусь и Высшем Хозяйственном Суде Республики Беларусь.

Василий Федорович Чигир – ветеран Великой Отечественной войны. Награжден орденами Отечественной войны I и II степени, многими медалями. За успехи в труде награжден орденом Трудового Красного Знамени и Почетной грамотой Верховного Совета БССР. Ему присвоено высокое звание «Заслуженный юрист Республики Беларусь».

Коллеги, друзья, ученики сердечно поздравляют Василия Федоровича с юбилеем и желают ему доброго здоровья, счастья, благополучия, новых творческих свершений и успехов в деле подготовки специалистов в области права.

В.Н. Годунов,

доктор юридических наук,
заведующий кафедрой гражданского права

ВАЛЕНТИН НАУМОВИЧ РЯБЦЕВИЧ

Исполнилось 70 лет белорусскому историку и нумизмату доктору исторических наук, профессору кафедры археологии и специальных исторических дисциплин Валентину Наумовичу Рябцевичу.

В.Н. Рябцевич родился 26 ноября 1934 г. в д. Красное Кировского района Могилевской области в семье профессионального военного. После окончания средней школы в 1952 г. он продолжил учебу вначале на философском, затем на историческом факультетах Белорусского государственного университета. В 1957–1959 гг. работал научным сотрудником организационной группы Государственного музея БССР. Еще юношеское увлечение коллекционированием монет переросло в профессиональный интерес, и в 1959 г. В.Н. Рябцевич поступает в аспирантуру Отдела нумизматики Государственного Эрмитажа. Кропотливая научная работа под руководством выдающегося нумизмата И.Г. Спасского завершилась в 1964 г. защитой в Ленинградском отделении Института археологии АН СССР кандидатской диссертации «Топография монетных кладов Белоруссии». После возвращения в Минск В.Н. Рябцевич поступает на работу в БГУ имени В.И. Ленина. С этого времени его трудовая деятельность неразрывно связана с историческим факультетом, где он прошел путь от преподавателя до профессора вначале кафедры древнего мира и средних веков, а с 1973 г. – кафедры археологии, этнографии и вспомогательных исторических дисциплин (после реорганизации в 2001 г. – кафедре археологии и специальных исторических дисциплин).

Валентин Наумович – талантливый ученый и педагог. Его лекции по мастерству и живости изложения могут служить примером для подражания и вызывают

неизменный интерес у студентов. На основе личной коллекции ученого, подаренной им университету, создан нумизматический кабинет учебного музея исторического факультета, который по богатству своих фондов является одним из крупнейших не только в стране, но и за рубежом.

В.Н. Рябцевич – автор 4 монографий, более 80 научных и 300 энциклопедических статей. Уже первая его книга «О чем рассказывают монеты» (1968) стала настольной книгой профессиональных нумизматов и коллекционеров. Не меньшую популярность имело и второе издание этой работы, выпущенное в 1978 г. тиражом 190 тыс. экземпляров. В 1995 г. вышла в свет «Нумизматика Беларуси», которая, по сути дела, является энциклопедией денежного обращения на территории Беларуси со времени появления здесь первых монет (I–II вв.) до конца XX в. В 1995 г. был опубликован еще один капитальный труд ученого «Российско-польские монетные эмиссии эпохи Петра I», ставший темой его докторской диссертации, защищенной в 1996 г. В ней на основе аналитического осмысления обильной историографии, впервые вводимых в научный оборот архивных и нумизматических источников разрешен ряд проблем, являвшихся объектами ожесточенных дискуссий нумизматов с конца XVIII в. Без преувеличения можно сказать, что работами профессора В.Н. Рябцевича создано новое направление в исторической науке – нумизматика Беларуси.

Нумизматика – не единственное увлечение Валентина Наумовича. Еще в начале 1950-х гг. он принимал участие в археологических исследованиях К.М. Поликарповича и А.Г. Митрофанова; в 1976–2003 гг. являлся инициатором и бессменным руководителем раскопок древнерусских курганов, которые проводились экспедицией БГУ в Витебской, Гомельской и Минской областях. Полученные материалы существеннополнили коллекцию археологического кабинета учебного музея исторического факультета.

Научные заслуги В.Н. Рябцевича получили высокую оценку. Он – лауреат премии имени В.И. Пичеты, награжден золотым знаком Польского нумизматического общества.

Друзья и коллеги искренне поздравляют с юбилеем талантливого ученого и желают ему здоровья и творческого долголетия.

А.А. Егорейченко,

кандидат исторических наук, доцент,
заведующий кафедрой археологии и специальных исторических дисциплин

ПРАВИЛА оформления статей

1. В редколлегию представляется оригинал статьи, набранный на компьютере через 1,5 интервала на бумаге формата А4 с полями с левой стороны не уже 40 мм в редакторе Word (размер шрифта – 12 кегль, гарнитура – Times New Roman, интервал 1,5), и дискета 3,5" с ее файлом (название файла – по фамилии автора). Объем статьи не должен превышать 8 страниц текста (включая таблицы, литературу, не более 3 рисунков или фотографий); кратких сообщений – 3 страницы текста (2 рисунка).

2. Простые формулы и буквенные обозначения величин нужно вставлять, используя Symbol (Ω) (например, Σ , A^1 , β_x , °C...). Сложные формулы набираются при помощи редактора формул и по ширине не должны превышать 127 мм.

3. Рисунки (графики, схемы), фотографии, таблицы, отсканированные или подготовленные в дополнениях Windows, представляются в двух экземплярах как на бумаге (твердая копия), так и в виде отдельных файлов на дискете в форматах, совместимых с Winword 98. Их размеры не должны быть более 120×220 мм. Следует избегать повторения данных, содержащихся в таблицах и графиках, а также представления численных результатов одновременно в виде таблиц и графиков.

4. Таблицы (обязательно с заголовками) и подписи к рисункам необходимо печатать на отдельных страницах. Места для таблиц и рисунков указываются на полях рукописи. Кривые на рисунках нумеруются арабскими цифрами, которые расшифровываются в подрисуночных подписях.

5. Сноски на литературные источники даются в порядке цитирования (упоминания) – порядковый номер сноски пишется в верхнем индексе. Список использованной литературы прилагается в конце статьи и должен быть оформлен следующим образом:

а) для книг – фамилия и инициалы авторов, полное название книги, место и год издания, страница;

б) для журнальных статей (коллективных сборников и др.) – фамилия и инициалы автора, после двух «косяков» – принятое сокращенное название издания, год, том, номер выпуска, страница.

6. В редколлегию также представляется рекомендация кафедры, рецензия (отзыв) специалиста, сведения об авторе (фамилия, имя и отчество полностью, место работы, ученая степень, звание, адрес, номер служебного и домашнего телефона). Для аспирантов – фамилия и инициалы, ученая степень, звание научного руководителя.

7. К статье прилагаются резюме на русском и английском языках (3–4 строки), перевод на английский язык заглавия статьи, фамилии и инициалов автора (авторов).

8. В случае передачи статьи автору на доработку необходимо вернуть в редакцию окончательный текст и первоначальный вариант.

9. Корректурa статьи должна быть возвращена в редакцию не позднее чем через три дня после получения ее автором. В корректуре допускается только исправление фактических ошибок.

10. Статьи, оформленные с нарушением приведенных правил, редакцией не принимаются.

CONTENTS

HISTORY

<i>Gouliuk M.A.</i> The Initial Period of Molodechno Teachers Seminary (1864–1870).....	3
<i>Murashko A.I.</i> Gendarme Police on Railways of Belarus	7
<i>Kazatchionok O.A.</i> The Russian-Vatican's Coordination of the Questions of the Russification of the Supplementary Catholic Liturgy (the Example of Minsk Province).....	12
<i>Mikhailets M.A.</i> The Study of the Belarusian Traditional Costume by the Polish Ethnographers of the XIX-th and the 1 st Half of the XX-th Century.....	16
<i>Greben E.A.</i> Displacing the Able-Bodied Population of Belarus by the German Invaders while Retreating (1943–1944).....	19
<i>Mahnach A.I.</i> The Prerequisites of the Formation of Evolutionary Direction in Ethnology	24
<i>Saljgov A.P.</i> The USSR and Southern Dobrudja's Problem in International Relations in the 30s–40s of the XX-th Century.....	28
<i>Borovoi V.R.</i> The Emergence of the Shanghai Cooperation Organization and Chinese Strategy in Central Asia	35

PHILOSOPHY

<i>Orisheva O.F.</i> «Classical» Marxism: a Dogma or an Open Project?	41
<i>Kaluga E.W.</i> The A. Schopenhauer's Empathy Metaphysics.....	45
<i>Zholnerkevich N.N.</i> The Methodological Aspects of Semiotics of the Text of J.M. Lotman ...	50

PSYCHOLOGY

<i>Diakov D.G.</i> The Model of Experience as the Activity of Coping with the Situations of Frustration	55
---	----

POLITOLOGY

<i>Suzdalewa I.V.</i> Fundamental Principles of the Formation and Realization of the State Regional Policy in the Republic of Belarus	60
---	----

SOCIOLOGY

<i>Romanova S.P.</i> Integration of the Ideas of Globalization in the Sociological Conception of Anthony Giddens.....	66
<i>Volnistaya M.G.</i> Social-Ecological Monitoring in the Context of Sustainable Development...	70

ECONOMICS

<i>Rubel I.V.</i> The Contemporary Models of the Security Market: Comparative Analysis	76
<i>Zenjkova I.V.</i> Social and Economic Tendencies on the Labour Market during the Transformation of the Economic System.....	80
<i>Ermakova E.V.</i> The Social and Economic Forms of Governmental Support to the Professional Activity of Women and Maternity.....	85
<i>Bulavko V.G.</i> New Approaches to the Formation of Rating System in Enterprise Activity.....	89
<i>Rakovets A.A.</i> World Markets Situation: Major Factors and Forecasts for 2004.....	94

LAW

<i>Rubis A.S.</i> Some Prerequisites for the Formation of the Principles of Proving Guilty in Crime Detection Theory	98
<i>Huchok A.E.</i> Crime Detection Techniques in the System of Technical Knowledge	105
<i>Samarin V.I.</i> On Legal Regulation of Transfer of the Sentenced to Imprisonment for the Completion of Punishment in the Country of their Citizenship.....	110
<i>Minjko E.A.</i> Consular Representation: from History to Modern Times	115
<i>Skobelev V.P.</i> Auctoritas rei iudicatae in the Civil Procedure of Ancient Rome.....	119

REVIEWS

<i>Korshuk V.K., Romanovskij I.F.</i> N.B. Shchavilinskij. The National Airport of Minsk: the Historical Study	125
--	-----

OUR JUBILEE

Vasilij Fyodorovich Chigir	126
Valentin Naumovich Ryabtsevich	127